

Георгий АСТВАЦАТУРОВ

БОЛГАРЫ -

200 лет

В ПАРКАНАХ

Зюм ТАКОВ (1779), Никола СТОЯНОВ (род Николаевич) (1745), Петко ПЕЛЬТЕК (1759), Злато ДИОРДИЕВ (1779),
1769), Михаил ДИОСЕ (1751), Гавор КИРОВ (1750), Велико РАДУЛОВ (1778), Стефан ХАДРИ (СТОЯНОВ) (1750),
1769), Стойч СТАНОВ МИТОВ (1764), Семен САЛБЕШ (1730), Владо КОЛЕВ (1774), Петко Райков
БЕЛЧЕВ (1779), Димитри СТОЕВ (1774), Стоян СТАМОВ (ХРАМЕНСОВ) (1779), Атанас КРИОН (1774), Константин
Михаил ВЕРБАНОВ (1779), Петър МОКАН (1789), Драган ЦВЕТКОВ ГАНДАРЧОВ, Дмитрий РИИ (1813), Филип
Славов (1801), Стефан ГАНЕВИЧ (1819), Иван Георгиев ГРОКОПОВ (1817), Константин Раисов СПИЛКОВ

Соф
Научное общество болгаристов

ГЕОРГИЙ АСТВАЦАТУРОВ

БОЛГАРЫ – 200 ЛЕТ
В ПАРКАНАХ

Часть первая

Бендеры, «Полиграфист», 2006

208с

Выражаем сердечную признательность меценатам:

главному спонсору – ООО «Евростиль»,
директор Владимир Евгеньевич ПАСЮТИН,
ЗАО «Тираспольтрансгаз», директор П.П. Степанов,
ЗАО «ДнестрАвто», директор Н.К. Караванов,
ЗАО «Агроснаб Приднестровья», директор С.Г. Кликич,
ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»,
директор Н.А. Нагибин,
ООО «Центравто-ГАЗ», директор В.Ф. Нежельский,
ООО «Нико-центр», директор В.П. Минчуна

Аствацатуров Г.

A91 Болгары – 200 лет в Парканах. – Бендери: Полиграфист, 2006. – Ч. I.–208 с., ил.

Издание содержит очерки об истории заселения села Парканы, культуре, быте и традициях болгарских династий – первых местных поселенцев.

Рассчитано на широкий круг читателей.

ББК 63.3 (4Мол-П)

Научно-популярное издание

Георгий Аствацатуров

БОЛГАРЫ – 200 ЛЕТ В ПАРКАНАХ

(Часть I)

Корректор Г. Тимченко

Компьютерная верстка М. Грибшиенко

Подписано в печать 14.11.2006.

Формат 70x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,21. Уч.-изд. л. 17,01. Тираж 1000 экз. Заказ 2113.

ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»
Министерства информации и телекоммуникаций ПМР,
3200, г. Бендери, ул. Пушкина, 52.

© Аствацатуров Г., 2006

ОТ АВТОРА

Вот и все. Позади бессонные ночи, утомительная тряска в неуютных плацкартных вагонах, несдержанные вопли радости от неожиданных находок в архивах и библиотеках и вздохи разочарования от бесплодных поисков. Осталась только накопившаяся усталость и чувство удовлетворения от сделанного. Начиная работу над книгой, откровенно говоря, даже не представлял себе, какую глыбу придется поднимать, с какими неожиданными трудностями, в том числе и материальными, придется столкнуться. В самый тяжелый, критический момент судьба свела меня с моим земляком, генеральным директором фирмы «Петница» П. К. Жековым. Первый наш деловой разговор был на удивление коротким и плодотворным. Внимательно выслушав меня, Петр Кириллович лишь спросил: «Когда и сколько?». Так началось мое многомесячное сотрудничество с «Петницей», результатом которого и является эта книга.

Приношу искреннюю благодарность всем, кто в ходе работы над книгой оказывал автору бескорыстную помощь: члену Парламента Республики Молдова, уроженцу Паркан С.Д. Градинару, давшему идею написать книгу о Парканах и в течение всего времени проявлявшему далеко не праздный интерес к моей работе; культурно-благотворительному фонду «Бессарабские болгары» за помощь в приобретении копии важного документа из архива г. Санкт-Петербурга; докторам исторических наук И.А. Анцупову, И.Ф. Греку и Н.Н. Червенкову, чьи полезные советы и консультации помогли шире взглянуть на многие проблемы; десяткам сотрудников учреждений, архивов, библиотек и музеев, которые с вежливым пониманием относились к моим порой назойливым просьбам.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нынешний сложный исторический период, называемый часто «смутным временем», заставляет нас задуматься не только о причинах глубочайшего и всестороннего кризиса, но и переосмыслить свое прошлое, по-новому взглянуть на него. Расхожая древнеримская поговорка «История – это учитель жизни» в наше время как нельзя кстати. Мы по-прежнему у истории в долгу, по-прежнему ходим в двоечниках. Не слишком ли легко, стремясь жить по-новому, мы забываем уроки лет и дней минувших? Не поступаем ли мы опрометчиво, одним росчерком пера отказываясь от того, что наши предки наживали и чего добивались столетиями?

В последние годы значительно вырос интерес многих людей, долгое время не имевших достаточных и объективных сведений, к историческому прошлому. Наряду с общими проблемами появляется потребность заполнить информационный вакuum, существующий в истории родного края, родного села, города. Все чаще в архивах встречаются посетители, интересующиеся своей родословной. Согласитесь, далеко не каждый из нас назовет по имени и отчеству своего деда, не говоря уже о более древних предках.

Взявшись за изучение истории своего родного села Парканы, мне хотелось избежать сухого перечисления цифр и общеизвестных фактов и ввести в исследование максимально возможное число жителей села, подлинных творцов его истории. В книге сделана попытка проследить весь ход становления и развития Паркан, осветить по возможности все грани его жизни.

Специальных работ по истории села Парканы нет, если не считать отдельных попыток местных краеведов Е.А. Узун, В.М. Гайдаржи и А.Т. Иваненко. Однако и та немногая информация, имеющаяся в школьном музее истории села, а также опубликованная в местной многотиражке и районной газете, грешит целым рядом неточностей и заблуждений.

В данной книге я попытался найти максимально доступный круг источников и исторических работ, связанных как с историей Паркан, так и с историей Левобережного Приднестровья и болгарского переселения в Россию в целом. Наибольший интерес для исследования представляли фонды Государственного архива Одесской области, Херсонского областного Государственного архива, Днепропетровс-

кого областного Государственного архива, Национального архива Республики Молдова, Российского Государственного Исторического архива. Не все документы, означенные в описях архивов, дошли до наших дней. Многие пришли в негодность, некоторые бесследно исчезли. В самом начале Великой Отечественной войны в эвакуационной суматохе пропала большая часть Государственного архива Молдавской АССР в г. Тирасполе. В его фондах хранились документы дореволюционных органов местной власти Тираспольского уезда, Парканской волости, Парканского сельского правления. Правда, несколько документов этого архива, датированных серединой XIX – началом XX веков, обнаружены самым неожиданным образом: в фондах ... Тираспольского уездного и Парканского волостного ревкомов 1920-1921 гг. В связи с нехваткой бумаги многие документы этих революционных органов власти составлялись на обратной стороне архивных материалов.

Много статистических данных по Херсонской губернии, Тираспольскому уезду и Парканам опубликовано губернским и уездным земствами. Ряд важных документов, не сохранившихся в архивах, дошли до нас, благодаря их публикации в дореволюционных российских журналах. Весьма ценные факты, касающиеся истории Паркан, обнаружены в опубликованных в наше время сборниках документов начала XIX века.

В работе использованы также свидетельства путешественников, писателей, ученых, высокопоставленных чиновников, побывавших в разное время в Приднестровье: Э. Челеби, А. Мейера, Ф.П. де Волана, П. Сумарокова, А.Ф. Вельтмана, Ф.Ф. Вигеля, И.П. Липранди, А.Я. Стороженко, А. Демидова, А.С. Афанасьева-Чужбинского, Н.С. Державина, а также материалы дореволюционной периодической печати.

В процессе исследования изучен ряд монографий, статей историков прошлого и современных авторов, где в большей или меньшей степени упоминаются Парканы, а также интересующие нас проблемы. Надо отметить, что историки послевоенного периода не жаловали левобережное Приднестровье своим вниманием. Исключение составляют лишь несколько статей и книги И.И. Жаркуцкого и особенно И.А. Анцупова, в работе которого Парканам посвящена не одна страница. Главная причина малого количества научных работ в том, что документы по истории левобережной Молдовы разбросаны по десяткам архивов бывшего СССР.

В книге также использованы воспоминания старожилов села, до сих пор хранящих родовые предания. Признаться, начав свои регулярные поездки в Парканы, я не очень верил в эффективность встреч со старожилами. Ведь большая часть их жизни прошла после 1917 года. Однако результаты превзошли все ожидания. Своеобразная версия заселения Паркан сложилась у Н.К. Погорельского, хорошо помнящего рассказы своего отца и деда. Простой крестьянин-пенсионер поражает своей начитанностью и оригинальностью суждений. Острый ум, описа-

ние событий до мельчайших подробностей с точностью до дня отличали рассказы К. С. Обручкова. Необычная жажда жизни свойственна этому 86-летнему человеку, все лето пропадающему на приусадебном участке. Кирилл Сергеевич очень любит стихи классиков, с вдохновением читает наизусть «Черную шаль» Пушкина и «Огородника» Некрасова. Много любопытных сведений перчерпнуто из воспоминаний И.Я. Вербанова, П.В. Радулова, Д.Н. Хаджи, Ф.И. Владова, И.Г. Градинаря, Г.М. Братоева. Представьте себе удовлетворение исследователя, когда на первый взгляд путаные рассказы и предания старожилов подтверждались найденными историческими документами.

Обилие материалов, с которыми пришлось столкнуться, привело меня к выводу, что целесообразнее пока остановиться на истории села до 1917 года. Это даст возможность детальнее осветить всю многогранную жизнь села на протяжении всего XIX и начала XX веков. Считаю вполне оправданным отказаться от последовательного летописного изложения истории села. Книга представлена в виде очерков, каждый из них посвящен определенной проблеме.

Просмотрев многие книги и брошюры по истории городов и сел Молдовы и Украины, могу убежденно заявить: в случае с Парканами нам предоставляется поистине уникальная возможность детально, чуть ли не год за годом проследить историю села. Выгодно находившиеся на важных путях сообщения, вблизи двух городов, Парканы очень часто упоминаются в документах, на страницах справочников и периодических изданий.

История села неразрывно связана с историей соседних городов Бендера и Тирасполя. Хотя уже имеются опубликованные книги об их прошлом, обнаруженные малоизвестные документы показывают, что эти города еще ждут серьезных профессиональных исследований, лишенных наплата дилетанства и чрезмерного местного патриотизма.

Многие факты, сообщавшиеся дореволюционными и современными историками, по возможности перепроверялись в архивах, и часто это приводило к ломке уже устоявшихся положений, стереотипов, связанных как с историей Паркан, так и с более общими проблемами. Не буду утомлять читателя анализом опубликованных исторических работ, одно перечисление которых займет не одну страницу. Список литературы вынесен в конец книги. Там же находятся все примечания и комментарии. За исключением оговоренных, хронологические события даются по старому стилю.

Надеюсь, книга вызовет интерес не только у жителей Паркан и Приднестровья, но и у историков-профессионалов, специалистов по истории Молдовы и России XIX века, болгарского переселения в Россию, у всех любителей истории.

Приближается 190-летие основания колонии Парканы. Хочется верить, что книга явится скромным подарком моим землякам к этому юбилею.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Оглядываясь назад с высоты прошедших лет, с удовлетворением отмечаю, что основные идеи и трактовка происходивших событий выдержали испытание временем. Но все же отдельные сюжеты нуждаются в определенной коррекции. Дальнейший «исследовательский зуд» привел к обнаружению новых фактов, неизвестных к моменту издания книги. В очень серьезной коррекции нуждается доболгарский период истории Паркан. Работа над книгой «Бендерская крепость» еще раз убедила меня, что доверять исследованиям многих авторов надо с оглядкой, а еще лучше при любой возможности пользоваться первоисточниками. Поэтому пользуюсь предоставленной возможностью для введения некоторых вставок во второе издание первой части «Очерков...»

I. ВОЗРОЖДАЯСЬ ИЗ ПЕПЛА

Издревле долины рек привлекали людей как удобные места для стоянок и более долговременного заселения. Вода поила, кормила людей, являлась естественной преградой для врагов с противоположного берега. Не являлся исключением и Днестр с его плодородной прибрежной землей. Археологи уже давно доказали, что человек стал селиться здесь еще в V–IV тысячелетиях до нашей эры...

Судьба одной коллекции

Летом 1897 года жители села Парканы были немало удивлены когда, выезжая на свои поля и виноградники, они постоянно встречали группу незнакомых людей с лопатами и деревянными ящиками. Эти «чудаки» сосредоточенно и неторопливо раскапывали растянувшись вдоль Днестра чуть заметные курганы, что-то тщательно перебирали и записывали. Ходили слухи, что они ищут зарытый еще турками большой клад. По вечерам парканские старики собирались на скамейках и глубокомысленно обсуждали шансы необычных «кладоискателей», вспоминали местную легенду о том, как в давние времена турки по подземному ходу под Днестром пробрались на левый берег и зарыли большой сундук с золотом. Одни скептически усмехались, другие горячо доказывали свою правоту. Вон в Чобруцах прямо у берега Днестра вода вымыла клад серебряных монет. А совсем уж недавно, в декабре 1896 года, в Спее крестьянин Сильвестр Винтя, ковыряясь в своем саду, нашел горшок с 93-мя золотыми и серебряными монетами. Дух кладоискательства витал по Тираспольскому уезду. Жители Тирасполя и Гребеников буквально пропахали балку Девку, где, по преданиям, юная атаманша разбойников закопала десять бочонков с золотом...

Так начинались первые в левобережье Днестра научные археологические раскопки, которыми руководил смотритель земской больницы и арестного дома города Тирасполя Иоиль Яковлевич Стемповский. Род Стемповских был достаточно известен в городе. Некоторые из них были солидными домовладельцами, чьими апартаментами на Вокзальной улице, в Днестровском переулке пользовалась чуть ли не половина тираспольских чиновников. Другие Стемповские, в том числе и

И. Я. Стемповский, выбрали военную карьеру. Уйдя в отставку в чине штабс-капитана, И.Я. Стемповский не отсиживался дома, а со всей серьезностью взялся за земские дела. Благодаря его стараниям были капитально отремонтированы земская больница, дорога из Тирасполя в Бендера, обсаженная после ремонта великолепной аллеей.

Летом 1896 года происходит знакомство Стемповского с В.И. Гошкевичем, человеком фанатично преданным археологии, будущим основателем Херсонского краеведческого музея. Под руководством В.И. Гошкевича в Тирасполе и Суклее проводятся археологические раскопки, потрясшие Стемповского, буквально перевернувшие дальнейшую судьбу этого немолодого человека. Уже на следующий год он и его супруга, Л.С. Стемповская, начинают самостоятельные раскопки в Парканах. Стемповский привлекает к работе арестантов, которые не без удовольствия выполняют эти нетрудные работы. Тем более что день работы в поле приравнивался к двум дням пребывания в арестном доме. Поразителен феномен ученого-самоучки, одержимого археологическими поисками. Он проводил работы бескорыстно, более того, скупал у местных жителей найденные предметы древности и безвозмездно отдавал их в дар Херсонскому музею. Стемповский не рвался к славе. Несмотря на многолетние успешные изыскания, он не написал ни одной монографии, ни одной статьи. Но вклад его в изучение глубокого прошлого левобережья Днестра трудно переоценить. За 1897–1900 годы супругами Стемповскими раскопаны и описаны 412 курганомогильников. 130 из них, наиболее ценных с научной точки зрения, в одних только Парканах. Эта огромная коллекция археологических материалов – сосудов, украшений, оружия и орудий труда, античных и средневековых монет – охватывает исторический период от эпохи энеолита до позднего средневековья. Приднестровские находки описаны в специальных изданиях и до сих пор привлекают внимание ученых. Археологические раскопки проводились Стемповскими и после 1900 года, но не столь интенсивно. В последние годы своей жизни Стемповский отказывается от дальнейших изысканий. Причина тому и возраст (более 60 лет), и занятость своей основной работой. 3 сентября 1914 года И.Я. Стемповский умирает. Его коллекция стала основой созданного в Херсоне археологического музея (в советское время музей переименован в краеведческий).

Судьба самой коллекции Стемповских сложилась драматично. В годы Великой Отечественной войны она была вывезена в Германию и, казалось, безвозвратно утеряна. Но в 1991 г. известный одесский ученый А.О. Добролюбский, находясь в научной командировке в Берлине, совершенно случайно обнаружил в фондах местного музея древ-

ностей экспонаты, поразительно похожие на находки Стемповских, и сообщил об этом в Херсон. Теперь уже сотрудники Херсонского краеведческого музея приезжают в Берлин с сохранившимися дневниками раскопок, которые вела Л.С. Стемповская. Благодаря ее аккуратным и подробным записям, удалось опознать коллекцию, большей частью состоящую из парканских находок. В марте 1994 года от имени властей ФРГ куратор Берлинского музея г-н Гольдман в торжественной обстановке вручает гостям из Херсона, казалось, навсегда утерянные экспонаты. Совсем недавно, в июле 1994 года, в Херсонском краеведческом музее развернулась экспозиция «Возвращенная коллекция», где снова воочию, а не по рисункам и фотографиям, можно соприкоснуться с далеким прошлым нашего края.

О чем поведали парканские курганы

Находки Стемповских в окрестностях Паркан дали основания ученым сделать вывод о том, что первые поселения на левом берегу Днестра появились в конце V–IV тысячелетия до нашей эры. Племена так называемой трипольско-кукутенской культуры занимали большое пространство от Днепра до Прута. Хороня своих усопших, трипольцы клади с ними в могилы все, что по их мнению, могло пригодиться покойникам в загробном мире: сосуды, украшения, животных и даже убитых специально для этого слуг. Трипольцы жили в наземных жилищах, занимались примитивным земледелием и скотоводством. Из могильников этой эпохи любопытно захоронение, найденное вблизи Паркан. Сама могила была укреплена вертикально вкопанными каменными плитами. В могиле лежали останки двух погребенных. У головы одного из них были два изящных горшочка¹. В парканских курганах найдены также орудия труда из кости и камня, ряд глиняных сосудов с примесью ракушечника.

Постепенно, с развитием первобытного хозяйства, появляется специализация трипольских племен, их разделение на земледельческие и скотоводческие. Державшиеся в долинах рек скотоводы интенсивно осваивают северо-причерноморские степи с их сочными и обильными травами. У скотоводов появляются своя культура захоронений, свои орудия труда. К этому времени относятся найденные в парканских курганах захоронения людей с останками животных: оленевых рогов, лошадей. Встречаются сосуды с изображением животных, медные и бронзовые орудия труда, ножи, наконечники стрел.

Первыми из скотоводческих племен в Приднестровье появляются киммерийцы, прозванные в древних преданиях «доителями кобылиц». Кочевники в течение ряда столетий сменяли друг друга: одни задерживались надолго, другие, как огненный смерч, проносились по безмолвной

степи, огнем и мечом изгоняя своих предшественников. Но все племена так или иначе оставляли свой след, останки своих усопших, похороненных в приднестровских курганах. На смену киммерийцам пришли скифы, поселившиеся на всем пространстве Северного Причерноморья. В парканских могильниках встречаются орудия труда и оружие скифского периода, множество предметов обихода, подтверждающих более высокий уровень развития скифских племен: медные и бронзовые чаши, женские украшения. Около VI века до нашей эры в Северное Причерноморье проникают древние греки. На правом и левом берегу Днестровского лимана они основывают свои города-колонии Тиру и Никонию. Предприимчивые греки не ограничивались лиманом и смело вступали в контакты с «дикарями», поднимаясь вверх по Днестру. Немые свидетели истории, парканские курганы красноречиво рассказывают о следах пребывания древних греков или, по крайней мере, их торговых контактов с кочевниками. Стемповские находят в Парках остатки древнегреческих амфор, украшений. В 1904 году парканский крестьянин Дымов, роя себе подвал, наткнулся на склеп. Среди прочих предметов, характерных для кочевников, были обнаружены и обработанные камни – остатки древнегреческой колонны с надписями².

Примерно в III веке до нашей эры в долину Днестра приходят родственные скифам племена сарматов, а на смену греческим колонистам приходят римляне. В I веке нашей эры в упорной борьбе римляне покоряют свободолюбивых даков и присоединяют к своей империи самую восточную провинцию Дакию. Ее границы проходили по нижнему течению Днестра. Историк XIX века А. Защук сообщает о дошедшем до нас предании, согласно которому по приказу императора Траяна в районе нынешних Бендер и Паркан был выстроен каменный мост³.

В 376 году н.э. на дунайской границе римляне узнали от беглецов, что в причерноморских степях появился новый кочевой народ, покоривший сарматов и другие обитавшие там несарматские племена. Вторжение воинственных гуннов в Европу вызвало самое грандиозное из всех предыдущих и последующих передвижений племен и справедливо названо историками «Великим переселением народов». Аттила – «бич божий», вождь гуннов, возглавил опустошительные походы «варваров» в великую Римскую империю и сокрушил ее. Гунны дали начало проникновению в Причерноморье тюркоязычных племен. Гуннов сменили авары, аваров – пришедшие с берегов Волги болгары. Вскоре они двинулись за Дунай и в 681 году основали на Балканах Первое Болгарское царство. Впоследствии потомки хана Аспаруха, основателя государства, были полностью ассимилированы значительно превосходящими их по численнос-

ти славянами. Кочевники оставили лишь название стране и народу, с которым неразрывно связана история нашего села. Впрочем, не стоит торопить события, будем последовательными.

В X–XI веках на левом и правом берегу Днестра обосновались славянские племена уличей и тиверцев, однако следов их материальной культуры в парканских могильниках не обнаружено. Скотоводческие племена печенегов быстро оттеснили славян на север и надолго восстановили господство тюркоязычных племен на степных просторах от Дуная до Урала. Наконечники стрел и копий, ножи, конская упряжь – следы их пребывания на берегах Днестра. Лошадь для кочевников – больше чем просто животное. Для них это источник и смысл существования. В парканских раскопках поэтому нередко встречаются отдельные захоронения лошадей или курганы, где лошади похоронены вместе с их хозяевами.

Вслед за печенегами пришли половцы, а тех в свою очередь оттеснили монголо-татары, образовавшие, как известно, могущественную Золотую Орду. В отличие от своих предшественников монголо-татары были терпимее к земледельческим племенам и народам. В долине Днестра зарождаются пока слабые очаги земледелия. Завоеватели пользовались произведенными продуктами земледельцев, их орудиями труда и оружием. В парканской земле найдены следы пребывания воинов старшего сына Чингисхана Джучи. В одном из курганов обнаружены три железных наконечника стрел, следы шелковой ткани и фрагмент джучидской монеты⁴. В другом кургане женский скелет находился в долблленом гробу. На левой руке – серебряный пластинчатый браслет, возле руки – металлические зеркала, ножницы, ножик, серьги. Остается только догадываться, чье это захоронение: знатной монголки или любимой наложницы какого-то военачальника. При просеивании могильной земли здесь была найдена серебряная монета хана Узбека, датированная 1326 годом⁵.

Отсутствие следов долговременных поселений и могильников в левобережье Днестра свидетельствует о круглогодичном кочевании скотоводческих племен, которые были всадниками в быту, на войне и продолжали оставаться ими даже после смерти. У остановившихся на зимовье кочевников господствующей формой жилища оставались юрты, мало чем отличающиеся от юрт современных скотоводов-кочевников.

По предположениям ряда ученых в конце 13-начале 14 вв. в районе бендерской переправы находился центр улуса "возмутителя спокойствия" в Золотой Орде темника Ногая. По мнению археолога А.О. Добролюбского, в районе Паркан располагалось родовое кладбище кочевой знати, причем наивысшего ранга: "Чрезвычайно дорогие китайские халаты (останки которых были найдены в погребениях - Г.А.), конечно, были предметами кочевой роскоши и могли принадлежать наиболее богатой аристократической верхушке".

«Дикое поле»

К концу XIV века ослабевает, казалось, несокрушимое величие Монгольской империи. Поражение хана Мамая от русских войск на Куликовом поле в 1380 г. и опустошительный поход хромоногого Тамерлана (Тимура) на Золотую Орду в 1395 г. стали началом заката империи потомков Чингисхана. В 1443 г. от Золотой Орды отделяется Крымское ханство, распространившее свое влияние на все Северное Причерноморье. Но самостоятельность нового образования была недолгой. Уже с 1475 г. оно попадает в вассальную зависимость от набирающей свое могущество Османской турецкой империи.

Работа над книгой, а впоследствии и диссертацией, посвященных истории Бендерской крепости, позволила привести мне убедительные доводы о том, что район бендерской переправы стал владением наиболее знатного в Крымском ханстве рода князей (беев, бегов) Ширинских. На месте Бендерской крепости находилось их стойбище, а затем был выстроен и первый татарский замок.

Даже само название крепости Тигина имеет тюркское происхождение. "Тегин", "тягин" истолковывается в словаре тюркских наречий как "князь", "принц", "высшее достоинство", "самый почетный".

Вполне возможно, что возникновение замка знатных кочевников связано с вполне конкретным историческим персонажем Тегин-беем, чья деятельность, как главы рода Ширинских, удивительным образом совпала с первыми упоминаниями в источниках крепости Тигина. По крайней мере серьезное научное исследование позволило мне сделать однозначный вывод о тюркском происхождении Тигины и как крепости, и как топонима. В то же время нет никаких оснований считать основателями крепости генуэзских купцов. Эта версия, заимствованная некоторыми современными учеными, у историков 19 века, не выдерживает никакой критики. Не находит подтверждения и версия о молдавском происхождении Тигины, как земляной крепости, построенной молдавскими господарями.

На левом берегу Днестра, напротив татарского замка, находилось родовое кладбище. О его останках упоминает турецкий летописец начала 17 в. Ибрахим Печеви: "Мне, многоничтожному бедняку, случилось отправиться в сторону Аккермана (Белгорода-Днестровского – Г.А.) и Бендера. Как раз супротив Бендера находились развалины одного высокосводного здания, именно входная часть его. На ней четким почерком написаны слова: "Сия могила Ширин...", – остальное же уничтожилось". Таким образом, место, где находятся нынешние Парканы, долгое время было своеобразным предместьем самой западной резиденции Ширинских беев, местом захоронения наиболее знатных представителей этого рода.

В XVI веке в причерноморских степях появляются племена ногайцев, перекочевавших сюда с Волги и Приазовья. Часть ногайцев перекочевала за Днестр и образовала воинственную Буджакскую Орду с центром в Каушанах. Однако господство кочевников в бескрайних степных просторах близилось к концу. Приднестровье все больше входит в сферу интересов близлежащих государств. На долгие годы Тигина стала объектом противоборства турецко-татарских войск с одной стороны и молдавско-казацких с другой. В 1538 году после успешной экспедиции в Молдавское княжество турецкий султан Сулейман Великолепный распорядился выстроить каменную крепость Бендер, что ознаменовало начало новой примечательной страницы в истории Нижнего Поднестровья – турецкое владычество. Город и 18 прилегающих к нему сел были превращены в Бендерскую райю, возглавляемую пашой – наместником турецкого султана. Почти 300 лет Бендерская крепость была важным форпостом Османской империи на Днестре и серьезным раздражителем для запорожских дружин. Неоднократно с левого берега Днестра казаки переправлялись для штурма Бендер, и наоборот, татары, пользуясь покровительством бендерского паша, уходили на левый берег и совершили стремительные набеги на южноукраинские и южнорусские земли.

Благодаря письменным источникам, мы можем конкретнее определиться, когда же возникает первое поселение на левом берегу Днестра напротив Бендер. В целях укрепления переправы через Днестр и защиты Бендерской крепости на ее дальних подступах в 1579 году, несмотря на усиленные протесты поляков, турки построили небольшую крепость на левом берегу реки. Подобная практика строительства Османской Портой небольших крепостей-спутников наблюдается в течение всего 16 в. В турецких хрониках упоминаются “паркан Орадя”, “паркан Сольник”, “паркан Тимишоара”. Отвоеванная у венгров крепость Татар-Хисары была переименована в Паркан. Как видим, топоним “Паркан” (турецкое “небольшая крепость”, “частокол”, “изгородь”, “забор”) появился на левом берегу Днестра намного раньше до появления здесь устойчивого поселения. Впоследствии левобережные крепостные сооружения неоднократно разрушались, однако название местности сохранилось. В 1656–1658, а затем в 1660 годах в Бендерах побывал знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби, автор любопытнейшего для историков документа – 10-томной «Книги путешествия». Он подробно описывает Бендерскую крепость и ее турецко-молдавский посад, близлежащие правобережные села Копан (Копанка), Левонта (Леонтьево), Базар-Чобруч (Чобручи), Талмаз (Талмазы). Что касается левобережья Днестра, то Э. Челеби сообщает, что «это уже настоящие земли казаков»⁷. На месте Паркан следов обитания пока не наблюдалось: «К восстоку от этой крепости, – писал Э. Челеби, – никакого посада нет совсем.

Каждое утро жители Бендерского посада отправляются на ту сторону Днестра воевать казаков».

Турецкий путешественник несколько преувеличивал, называя левобережные земли казацкими. Его высказывание свидетельствует о том, что в XVII веке запорожские казацкие дружины не раз беспокоили бендерский гарнизон, а турки предпочитали лишний раз не появляться на левом берегу Днестра. Основными соперниками казаков в «Диком поле», как часто называли пространство от Буга до Днестра, были татары. Отправляясь в поход к Бендерам, запорожцы со всех четырех сторон своей дружины выставляли дозоры и пристально всматривались в степной горизонт. Кто первый увидит противника, тот победит.

Однако в начале XVIII века расстановка сил в Северном Причерноморье меняется. Российский император Петр I решил покончить с казацкой вольницей и разогнал Запорожскую Сечь, чем не замедлила воспользоваться Турция. Приобретя в части казачества союзников в борьбе против России, Османская империя укрепила свои позиции в «Диком поле». Впрочем, в документах XVIII века встречаются разные названия территории от Буга до Днестра: «Земля Едисанская», «Ханская Украина», «Татарская Украина», турецкое «Озу», но к концу века она все чаще упоминается как «Очаковская земля».

Первые попытки заселения

Еще в начале XVIII столетия в Очаковскую область перекочевала теснимая казаками из приазовских степей Едисанская Орда ногайских татар. И Буджакская, и Едисанская Орда подчинялись Крымскому хану, а тот в свою очередь был вассалом турецкого султана и пользовался его поддержкой в постоянных набегах на южнорусские земли. «Татары ногайские, – писал в начале XVIII столетия секретарь английского посольства в Турции Рикот, – совершают набеги, захватывают плеников и продают их туркам. Их города и деревни паче построены шалашами, устроенными из палок, из хворосту плетеного, накрытым вретищами волосяными»⁹.

В конце июля 1709 года вместе с посрамленным шведским королем Карлом XII, потерпевшим сокрушительное поражение под Полтавой, прибыли казаки гетмана Мазепы. Сначала лагерь короля, построенный турками, находился на левом берегу Днестра на месте нынешних парканских прибрежных садов чуть ниже железнодорожной насыпи. В центре лагеря стояла королевская палатка, изумлявшая европейцев своими размерами и великолепием. Шведский король был встречен с огромными почестями. Через Днестр была налажена бесперебойная доставка всего необходимого, но уже через 8 дней, 31 июля, Карл XII и Мазепа, вероятно опасаясь внезапного нападения русского авангарда, обосновались на другой стороне реки “под сенью крепости Бендерской”.

Есть все основания полагать, что определенная часть войск армии Карла XII осталась на левом берегу для охраны дальних рубежей. Это в некоторой степени объясняет происхождение таких микротопонимов на карте Паркан, как "Липканы" и "Гурлянди". Известно, что к весне 1710 года под знаменем шведского короля собралось более 10 тыс. чел., в том числе легкая кавалерия татар-липков или липкан (отсюда происхождение названий поселений Липканы в Молдове, Украине и даже Польше, Прибалтике) и отряд Ю. Потоцкого, состоявший из поляков и немецких наемников из Курляндии (лишь так можно объяснить происхождение названия северной части Паркан). В турецких летописях упоминается о возделываемых участках, огородах, виноградниках на левом берегу Днестра. Уже к середине 18 века были разбиты сады, в том числе огромная шелковичная плантация.

22 сентября 1709 г. умирает проклятый Петром I украинский гетман Мазепа, но запорожцы не только не покидают Бендера, но и собирают там большую казацкую раду. Новым гетманом всей Малороссии на раде был выбран Ф. Орлик¹⁰. Вслед за запорожцами в Приднестровье устремляются беглые русские и украинские крестьяне («втикачи»), русские старообрядцы-раскольники. Наряду с восточным потоком с правого берега Днестра переселяются молдаване, гонимые турецким игом и притеснениями местных феодалов.

Между тем пространство для кочевья ногайцев уменьшается. Все чаще кочевники остаются в стойбище не только зимой, но и летом. В 1728 г. по приказанию Крымского хана Едисанские ногайцы основывают ряд поселений между Бугом и Днестром, объединенных в Дубоссарский каймакам. Одно из таких стойбищ на левом берегу Днестра, напротив Бендской крепости, основал едисанский род Едичкулы¹¹. По-видимому, этот шаг Крымского хана был предпринят как противодействие начавшейся русско-украинско-молдавской стихийной колонизации низовьев Днестра.

В 1740-е годы в левобережном Приднестровье образуется ряд поселений со смешанным населением. На карте австрийского топографа Бауэра, сохранившейся в фондах Одесского краеведческого музея, мы встречаем знакомые нам, но несколько искаженные названия: «Барканы» – Парканы, «Карагач» – Карагаш, «Сугаклея» – Суклея. Эти поселения, называвшиеся «ханскими слободами», явились ярким примером народной колонизации Северного Причерноморья. Она началась намного раньше, чем здесь появились первые русские полки. Бугогардовский полковник Андрей Кайнаш, подчеркивая национальную пестроту ханских слобод, сообщал в 1767 году, что в них живут «волохи (молдаване – Г. А.) и жиды, и почитай, в большую половину народа такого, как и малороссийский». В новых селениях не платили никакой повинности,

а в старых, подчиненных дубоссарскому каймакаму, платили в год «со всякого прибытка скотского и промышленного десятая доля»¹².

Именно таким селом со смешанным, свободолюбивым населением были Парканы середины XVIII века. Слово "паркан" перешло и в украинский, и в молдавский языки, сохранив первоначальное турецкое значение. Правда еще до Великой Отечественной войны местные краеведы выдвинули красивую версию о том, что название села произошло от слияния двух слов "парк Анны". Речь шла о якобы принадлежавшем помещице Анне шелковичном парке. Но даже поверхностная проверка этой версии показывает ее несостоятельность. Известно, что шелковичную плантацию основали турки. Из тираспольских помещиков лишь Анастасия Константиновна Гаюсова отдаленно могла претендовать на роль "княгини Анны" по звунию имен, но ближайшие ее земельные владения находились в Гребениках. Между тем, обзор карты Молдавии и Украины представляет нам возможность встретить еще три села с таким же названием в Каларашском, Сорокском и Резинском районах. В Одесской области встречаются Парканцы, Паркановка.

Жизнь первых приднестровских поселенцев была отнюдь не безоблачной. Соседство с татарским стойбищем еще не гарантировало безопасности от нападения других кочевников. Тем более, что в середине XVIII столетия разгорелась междуусобная война между татарскими ханами¹³, от которой больше всего страдали земледельцы. Положение парканских поселенцев еще более осложнилось, когда в 1754 году хан Крым-Гирей перевел Едичкульских татар в Таврические степи¹⁴ и стойбище ногайцев перестало играть роль прикрытия.

Во второй половине XVIII в. Очаковская область стала ареной русско-турецкого противоборства. Молодая Российская империя настойчиво добивалась присоединения всего Северного Причерноморья и укрепления своих южных границ. Каждая новая русско-турецкая война тяжело отражалась на судьбах приднестровских сел. Они раз от разу сжигались воюющими сторонами. Но снова и снова, с наступлением затишья, крестьяне возвращались на свои пепелища, чтобы начать все сначала, и со страхом ждали новых потрясений. Села исчезали и появлялись вновь, но в течение всего неспокойного XVIII века сохранялись их старые названия, что подчеркивает преемственность возрождающихся поселений, факт возвращения старожилов на прежние места.

В октябре 1768 года турецкий султан арестовывает русских посланников и объявляет России войну. В Бендерах начинаются военные приготовления: большая часть жителей левобережных сел, опасаясь нападения, уходит на восток за реку Кодыму. Однако турецкая армия была еще не в состоянии вести активные боевые действия. Основную ставку в начале войны Турция сделала на мобильные и всегда готовые

к бою татарские орды. Правда, занятые междуусобной борьбой, они не представляли собой реальной угрозы для России. Единственным человеком, кто мог бы объединить разрозненные силы татар, был хан Крым-Гирей. Некоторое время он находился в немилости у султана за свою излишнюю самостоятельность, но теперь Мустафа III вернул крымского хана из ссылки и устроил ему в Константинополе пышную встречу. Поскольку хан питал особую ненависть к славянам, в угоду ему по пути к султанскому дворцу были выставлены головы казненных черногорцев.

Из Константинополя Крым-Гирей направился в Каушаны, столицу буджакских татар. Наступила невиданно холодная зима, что оказалось на руку крымскому хану. Обычно татары выступали в поход зимой, когда реки покрывались льдом. Это облегчало им преодоление водных преград. 28 декабря 1768 года, поздней ночью, татары переправились на левый берег Днестра. Окружив под покровом темноты Парканы, они разожгли на окраинах гигантские костры и ворвались в село. Взятые в плен оставшиеся жители были переправлены в Бендери. Непокорных убивали на месте. Татары угнали с собой весь скот, кроме свиней. Этих животных, которых татарам не позволяет есть ислам, они согнали в один сарай и заживо сожгли. Все село было предано огню. Такая же участь постигла Терновку, Суклею, Карагаш, Слободзею¹⁵. Не задерживаясь в Приднестровье, татары помчались по Очаковской степи. Страшное зрелище представляло собой их войско во время похода. 80-тысячная орда обычно гнала с собой около 200 тысяч лошадей¹⁶. Земля содрогалась еще за несколько верст до появления первых всадников. После переправы через Буг Крым-Гирей опустошил села запорожских казаков. Татары ворвались в Крым и, слившись с основными силами, черной лавиной двинулись на Украину и Россию. Так впервые, в связи с этими трагическими событиями, появляются первые документальные упоминания о Парканах¹⁷.

Русским войскам пришлось приложить немало усилий, чтобы к концу 1769 г. переломить ход войны в свою пользу. В плане военной кампании на 1770 год Екатерина II поставила перед командующим 2-й русской армией П.И. Паниным задачу овладеть крепостью Бендери. 20 марта 1770 г. русская армия двинулась из зимних квартир к Днестру. Первым пришел в Парканы передовой отряд генерал-майора Бурмана с полком пехоты, четырьмя орудиями и командой гусар и казаков. 2 июня отряд генерал-майора Каменского переправился на правый берег у самых стен крепости, тем самым обеспечив создание плацдарма и охрану переправы через Днestr. 6 июня переправилась осадная артиллерия. Переправа русской армии прошла благополучно, не-

смотря на наводнение. П.И. Панин не располагал, по его мнению, достаточно большим войском для штурма. Он отдал приказ об осаде Бендерской крепости. После проведения многодневных подземных работ под крепостными стенами один за другим – 3, 6 и 15 сентября – прогремели три взрыва. Особенно мощным был последний, с зарядом в 400 пудов пороха. Это позволило русским войскам семью колонами ворваться в крепость через проделанные бреши. 16 сентября бендерский гарнизон сдался. Однако Екатерина II, узнав о больших человеческих жертвах и разрушениях при штурме крепости, была недовольна действиями П.И. Панина: «Чем столько потерять, лучше бы совсем не брать Бендера»¹⁸. Императрица, пожалуй, недооценила деятельность П.И. Панина в войне. Все время осады Бендера граф Панин (брать известного русского дипломата Н.И. Панина) вел интенсивные переговоры с буджакскими, белгородскими и едисанскими татарами. Он добился от них отказа от активных боевых действий и признания над собой власти России. Тем самым П.И. Панин значительно облегчил действия войск П.А. Румянцева, одержавшего в Бессарабии блестящую победу над турками. После взятия Бендера в городе был оставлен русский гарнизон в 5,5 тыс. человек. В Парканы стали возвращаться беженцы.

Война продолжалась еще долгих четыре года и закончилась полным поражением Турции. Согласно условиям Кючук-Кай-нарджийского мирного договора граница России передвигалась на реку Буг. Земли между Бугом и Днестром по-прежнему входили в Крымское ханство, но при условии, что должны были оставаться пустыми. Между тем Турция не собиралась отказываться от Очаковской земли. Она стала поощрять переселение туда татар-ногайцев. В европейских странах турецкие дипломаты настойчиво проводили идею о том, что Очаковская область – исконно татарская земля. Крымский хан Шагин-Гирей в 1777 году в своем письме убеждал князя Прозоровского, что населенные пункты в левобережье Днестра издревле принадлежат татарам¹⁹.

Несмотря на русско-турецкое соглашение, в период мирной передышки возобновилась народная колонизация Днестровско-Бугского междуречья. Рядом с татарами снова стали селиться русские, украинцы, молдаване и евреи. После разгрома пугачевского восстания царское правительство предприняло последнее наступление на остатки Запорожской казачьей республики. Десятки тысяч казаков в одиночку и семьями бежали к берегам Днестра и Дуная. Только от Бендера до Дуная, по докладу русского разведчика поручика Ачкасова, бывших запорожцев насчитывалось до 10 тысяч²⁰. К 1787 году между Бугом и Днестром насчитывалось уже около 150 сел со смешанным населением²¹.

Стремление турок и татар заселяться надолго выразилось также в том, что вдоль Днестра в районе Паркан было высажена тутовая роща протяженностью около 15 верст от Терновки до Бычка²². Скудость документальных сведений не дает возможности выяснить численность возрожденного поселения, однако размеры шелковичной плантации, высказывания историков XIX века, располагавших, по-видимому, определенными данными, позволяют полагать, что Парканы к середине 1780-х годов были сравнительно многочисленными.

Между тем русско-турецкие отношения снова обостряются. В ответ на присоединение Крыма к России в 1783 г. Турция полностью восстанавливает контроль над Бугско-Днестровским регионом. В 1787 г., подталкиваемая английской дипломатией, Османская империя объявляет России войну. Население левобережного Приднестровья снова уходит на восток, большей частью за реку Буг. Другие прячутся в соседних лесах и плавнях. Сценарий новой войны был таким же. Турецкий султан посылает буджакских татар на левый берег Днестра. Парканы, Терновка, Суклея и другие прибрежные села были подвергнуты сожжению и опустошению. Впрочем, тактику выжженной земли при необходимости применяли и русские войска. Страдания и убытки мирного населения воюющими сторонами в расчет не брались.

После взятия Очакова в декабре 1788 г. русская армия под командованием Г. А. Потемкина стала готовиться к походу на Днestr. Екатерина II в плане военных действий на 1789 г. главной целью поставила овладеть крепостями Бендера и Аккерман (ныне Белгород-Днестровский). Уже в начале лета 1789 г. на подступах к Днестру началась разведка боем. Адмирал де Рибас докладывает Потемкину о стычках передовых казачьих разъездов с турками на левом берегу Днестра под Бендерами²³.

В походе на Бендера участвовало «войско верных казаков», созданное по инициативе Г. А. Потемкина в 1787 г. из бывших запорожцев. Потемкин хорошо понимал, что казаки, прекрасно знающие местный театр военных действий и отличающиеся отвагой и искусством владением оружием, могут стать серьезным подспорьем русской армии. С другой стороны, часть запорожцев не теряла надежды, что после войны Екатерина II не забудет заслуг казачества и предоставит ему определенные льготы.

Уже первые серьезные столкновения с турками убедили Потемкина в правоте своего решения. 18 июня 1789 г. казачий атаман Захарий Чапега с отрядом до 300 человек подошел к Терновке с целью форсировать Днестр, провести разведку боем на правом берегу и взять «языка». Но казачий разъезд вовремя сообщил атаману, что из Бендерской крепости на левый берег переправилось около 400 турок, по-видимому, с теми же намерениями, что и у казаков. З. Чапега

отменил решение о переправе, и его отряд поскакал в Парканы. Завязался ожесточенный бой, в ходе которого турки непрерывно получали подкрепление из крепости. Их численность возросла до 3-х тысяч. Но все же в течение пяти часов казаки мужественно вели неравный бой до прихода подкрепления. Увидев приближающиеся войска генералов Исаева и Скаржинского, турки в панике бежали за Днестр. На левом берегу остались брошенные ими убитые и раненые воины, боевые знамена²⁴.

После первых стычек с турками Потемкин убедился, что противник располагает в Бендерах многочисленным гарнизоном. Не желая рисковать, русская армия с августа приступила к длительной осаде крепости. Турецкий гарнизон был полностью отрезан от внешнего мира. По приказу светлейшего князя вокруг крепости были сожжены посевы пшеницы. Все курьеры, посланные бендерским пашой сушей и по Днестру, перехватывались русскими войсками. 27 сентября сдался без боя гарнизон аккерманской крепости. Теперь все внимание командования обращено на Бендера. Екатерина II, помня какой ценой досталась крепость в предыдущей войне, озабоченно пишет своему фавориту: «Бога прошу, да поможет тебе взять Бендера, а наипаче без потери людей»²⁵.

19 октября 1789 г. к Парканам подошел отряд генерала Гудовича и после фортификационных работ установил на левом берегу Днестра 40 полевых орудий. Кроме пушек, 50 больших казацких лодок-чаек вытянулись вдоль реки, готовые к десантированию. Таким образом, крепость была обложена со всех сторон²⁶. Даже с самой неуязвимой, восточной стороны. В ночь с 30 на 31 октября с боем был взят форштадт²⁷. Русские войска готовились к решающему штурму. Еще 30 октября Потемкин отправил к бендерскому паше в крепость делегацию, составленную из местных жителей, с письмом. В этом письме князь предупредил пашу, что если он не сдаст крепость, то «будет то же самое, что с Очаковом». Но турки медлили с ответом, надеясь на подкрепление. Сам гарнизон к тому времени был полностью деморализован. Эпидемия чумы выводила из строя десятки воинов ежедневно. Большинство защитников крепости составляли турки преклонного возраста, обремененные семьями и старческими болезнями. Лишь 2 ноября, за несколько часов до начала штурма, паша прсылает парламентеров с просьбой подождать еще 20 дней. Но терпение Потемкина лопнуло. Приближалась зима, медлить было нельзя. В категоричной форме командующий русскими войсками потребовал немедленной капитуляции. 3 ноября бендерский гарнизон сдался без боя. Позже при дворе Екатерины II шутили, что князь Потемкин взял Бендера ударом кулака по столу.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. закончилась полным поражением Турции. Согласно условиям Яссского мирного договора, подписан-

ного 23 декабря 1791 г., Очаковская область перешла к России. Теперь западная граница империи проходила по Днестру. Наряду с освобождением от турецкого владычества, завершилось многовековое господство кочевников в Приднестровье. Теперь жители городов и сел могли спокойно жить и трудиться без оглядки на пугающие степные просторы, откуда в любую минуту могли показаться кочующие воины.

За впечатляющие заслуги в войне «войско верных казаков» было переименовано в Черноморское казачье войско и еще до окончания военных действий в 1790 г. получило в награду земли между Бугом и Днестром. Помимо уже имевшихся титулов светлейший князь Потемкин получил от императрицы еще один – «великого гетмана всех казаков». Так официально было оформлено его покровительство над «вольными казаками», и казачьи права ограничивались настроением и капризами Потемкина. Казаки поселились в 25 селах Очаковской области, в том числе и в левобережье Днестра: Парканах, Терновке, Суклее, Карагаше, Слободзее, Чобручах, Глином, Коротком²⁸. Своей кошевой резиденцией казаки выбрали Слободзею. Инженер-майор Ф. П. де Волан в 1792 г. упоминает о Парканах как о селе, основанном казаками «взамен прежних, бывших неподалеку от нынешних. До осады Бендера здесь были огороды и сады». По подсчетам автора «Донесения, касающегося географии и топографического положения области Озу...» в Парканах проживало до 20 семей казаков²⁹.

В начале октября 1792 г. прямо в молдавской степи, недалеко от Прута, умирает покровитель черноморцев, неугомонный и всесильный Г. А. Потемкин. Екатерина II, которую по-прежнему преследовали кошмары пугачевщины, повелевает казакам переселиться на Кубань для защиты северокавказских русских рубежей. Однако значительная часть казачества, несмотря на обещанные на новом месте льготы, решительно отказалась переселяться. В первую очередь это относилось к бедному казачеству, «сероме». Получив в Приднестровье большие наделы плодородной земли, казаки надеялись выйти наконец из нищеты. Около двух тысяч казаков не подчинились приказу и ушли за Днестр, поселившись в Буждакской степи и в устье Дуная.

После окончания войны, в первые же месяцы 1792 г., царское правительство отдало ряд распоряжений, касающихся заселения и освоения новых земель от Буга до Днестра. В своих указах екатеринославскому наместнику В.В. Каховскому Екатерина II предписала «обозреть сию страну и разделить оную на уезды, назначить города по способностям», а также «употребить всемерное старание о скорейшем заселении сей земли»³⁰. Указом от 26 января 1792 г. Очаковская земля вошла в состав Екатеринославской губернии³¹.

В апреле того же года екатеринославский генерал-губернатор В.В. Каховский, несмотря на тяжелую болезнь, совершает ознакоми-

тельную поездку по новоприобретенным землям. Он направляется от лиманов вверх по Днестру к Дубоссарам. Оттуда он докладывает в далекую столицу о том, что «нашел земли отменно тучные и плодородные», правда, на них дымились еще «остатки развалин многочисленных бывших повсюду селений»³². По приказу Екатерины II подполковник русской армии ученый А. Мейер всесторонне исследовал новые земли и написал подробное «Повествование землемерное и естествовспоменное описание Очаковской земли», а военный инженер Ф.П. де Волан составил подробную карту области, снабдив ее очень ценными для историков комментариями. Долгое время Франц Павлович де Волан находился в Парканах, выезжая оттуда для составления карты и для руководства строительством крепости Средней в восьми верстах восточнее села. Парканы были также удобным наблюдательным пунктом для контроля за действиями турок в бендерском гарнизоне. 28 августа 1792 г. обеспокоенный Каховский докладывал в Санкт-Петербург: «Г-н де Волан сказывал мне, что слышал в Парканах о приезде инженеров в Бендери»³³. Впрочем, тревога оказалась напрасной. Просто турки занялись вполне естественным после военных действий косметическим ремонтом крепости.

Еще до окончания войны с Турцией по приказу Г. А. Потемкина для прибывающего мирного населения строились временные жилища-землянки от Бендера до Соколов (ныне – г. Вознесенск). Специальным указом Екатерина II распорядилась продолжить их строительство. Однако темпы и характер заселения Новороссийского края явно выходили за рамки «проектов» высокопоставленных чиновников. В Очаковскую область устремились беглые крепостные крестьяне, бывшие запорожцы, молдаване, болгары, евреи – честные труженики и искатели легкой наживы.

С каждым месяцем росло население Паркан. Кроме старожилов здесь появилось много новых поселенцев. Уже летом 1792 года парканский житель Евстратий Винтул обратился к архиепископу Амвросию с просьбой о разрешении строительства в селении каменной церкви и получил на это согласие³⁴.

Обратим внимание на тот факт, что ни в одном из документов 1790-х годов Парканы не назывались селом. Речь шла или просто о Парканах или о «местечке Парканы». Священник Яков Добрилов, узнав о строящейся церкви, обращается к Амвросию с просьбой о переводе его в новозаводимое против Бендера «...местечко Парканы»³⁵. А. Скальковский отмечает, что в Парканах с 1792 года «находилось довольно значительное поселение»³⁶. 2 августа 1799 г. известный русский писатель и учений П.И. Сумароков выехал из Тирасполя в Бендери: «Я приехал к уроцищу, называемому Парканы, где прежде было местечко сего имени»³⁷.

Слово «местечко» в XVIII – начале XIX веков означало торгово-промышленное поселение, приближавшееся по своему статусу к городу. Тщательный анализ ревизских сказок Тираспольского уезда за 1795 г. позволяет сделать вывод о том, что к концу 1794 года в Парканах проживало около 1000 человек и по своему значению местечко Парканы приближалось к Дубоссарам и недавно основанному Григориополю. Ревизская сказка г. Тирасполя за 1795 г. дана с краткими биографическими данными поселенцев. Приблизительность подсчета числа жителей Паркан объясняется тем фактом, что помимо точных адресов сообщаются и более обтекаемые: «перешел на левую сторону Днестра», «родился в сей области». Среди жителей Паркан насчитывалось 26 (!) купцов «великороссийской», «малороссийской», «греческой» и «еврейской породы». В своем большинстве это искатели счастья с нелегкой судьбой, прибывшие из Молдавии, бывших польских владений и российских губерний. Несколько купцов, прежде чем осесть в Парканах, были маркитантами (мелкими торговцами) в русской армии. 7 евреев-купцов прибыло в Парканы из Бендера. Вот несколько примеров: «Тимофей Антонов, 56-ти лет великороссийской породы» проживал в Парканах с семьей. «Родился в бывшей Польше в местечке Белоцерковка, откуда назад 40 лет как вышел в Россию в Калужское наместничество Перемышльский уезд г. Батошево, на железном заводе 15 лет, затем в Кременчуге и Херсоне по торговому промыслу. Во время войны с турками находился при армии маркитантом. По окончании остался в бывших Парканах»³⁸. «Кирилл Сергеев сын Матревский, 44 года, родился в Молдавии в селении Замостье Сучавского уезда. После войны перешел из Бендера в бывшие Парканы»³⁹.

Еще одним косвенным доказательством торгово-ремесленного характера местечка Парканы начала 1790-х годов являются найденные в 1904 и 1911 годах клады старинных монет, принадлежавших, по-видимому, купцам. Один клад состоял из 13 золотых монет-талеров Рагузской (Дубровницкой) республики, датированных 1766 годом. Монеты принадлежали парканскому священнику Ф.Я. Делову и, скорее всего, куплены у кого-то из нашедших клад парканцев⁴⁰. Другой клад, состоявший из 45 медных пятаков 1760-1796 годов, был найден случайно в километре от Паркан⁴¹.

Быстрый рост населения Паркан, очевидно, не входил в планы администрации новой губернии. Она была обеспокоена тем, что в то же время крайне медленно заселялся посад крепости Средней. В конце 1794 г. по приказу губернских властей жители Паркан были переселены к стенам крепости «в целях обзаведения посада». 27 января 1795 г. крепость Средняя была переименована в Тирасполь

и объявлена уездным городом. К концу того же года в городе уже насчитывалось 2448 человек. Кроме жителей Паркан в Тирасполь были переселены несколько семей из Дубоссар и Григориополя, семьи из ряда приднестровских сел. Но полностью были выселены только парканцы.

В дальнейшем многие выходцы из Паркан играли заметную роль в хозяйственной жизни Тирасполя. Купцы Матронинские, Рашковские, Поляковы, Савранские были известны далеко за пределами Тираспольского уезда. Впрочем, сады и огороды в бывших Парканах на этот раз не опустели, не заросли бурьяном, а продолжали возделываться новоиспеченными горожанами. По мере роста населения Тирасполя под сады, огороды и пастбища занимались все новые участки земли вплоть до Днестра. К началу XIX века около 30 тираспольчан имели в бывших Парканах свои хутора и возделывали землю.

В 1793 году в Парканах у первого поворота Днестра была выстроена пограничная таможенная застава, в которой несли службу казаки. Некоторое время напротив Бендерской крепости располагались русские войска численностью около 6 тысяч человек⁴². Однако «игра мускулами» продолжалась недолго, и русские войска отошли вглубь страны. В 1796 г. для несения службы на днестровских кордонах и их содержания в Приднестровье были переведены казаки Бугского казачьего войска⁴³. С каждым годом значение парканского карантина возрастало. Это объяснялось бурным развитием Новороссийского края и укреплением его связей с Бессарабией⁴⁴.

Разъезжавшие по пустынному берегу Днестра казаки не могли и предположить, что уже через каких-то десять лет в Парканах снова забурлит жизнь. Начнется новая, яркая страница истории села.

II. ОБРАЗОВАНИЕ КОЛОНИИ И ЗАСЕЛЕНИЕ ПАРКАН БОЛГАРАМИ

К концу XVIII столетия Россия стала крупнейшей по территории страной мира, имевшей выходы к северным и южным морям. В отличие от других колониальных европейских держав Российской империя осуществляла свои колониальные приобретения не за морями-океанами, а вдоль своих суходутных границ. Это позволяло ей надежно закрепить приобретенные территории за собой и в короткие сроки включить их в общероссийский рынок. В итоге нескольких русско-турецких войн Россия приобрела все Северное Причерноморье, получившее название «Новороссии». Сюда, в Новороссийский край, устремились десятки тысяч крестьян, ремесленников, торговцев в надежде на лучшее будущее. Именно на плечи простых тружеников легло тяжелое бремя первопроходцев, чьими мозолистыми руками были вспаханы тысячи гектаров плодороднейшей целинной земли, построены десятки городов и основаны сотни поселений.

Заинтересованное в скорейшем освоении новоприобретенных земель, царское правительство широко использовало иностранную колонизацию Новороссийского края. В херсонские, таврические и приднестровские степи были приглашены шведы, французы, итальянцы, немцы, сербы, болгары. Колонистам при заселении оказывалась материальная помощь, предоставлялись широкие льготы.

Иностранная колонизация Новороссии совпала с дальнейшим ослаблением Турецкой империи и усилением репрессий против порабощенных ею народов. Особенно тяжелым было положение Болгарии, территории которой стала ареной противоборства турецких наместников между собой и с центральной властью. Тысячи болгарских семей вынуждены были покинуть свои сожженные села. Одни переправлялись морем в Россию, другие уходили на левый берег Дуная в Молдавию и Валахию. Морские переселенцы основывают в Новороссийском крае ряд болгарских колоний: Ольшанку, Малый и Большой Буялык, Терновку (близ Николаева), Кубанку и др. Более сложным в Россию был путь сушей, начинавшийся с переправы на левый берег Дуная. Здесь, в Молдавии и Валахии, получивших в ходе русско-турецких войн авто-

номное управление, болгары чувствовали себя свободнее. Караваны их повозок с нехитрым скарбом растянулись на сотни километров от Дуная до Днестра. Надеясь со временем вернуться в родные края, изможденные болгарские крестьяне на новом месте иногда даже не обзаводились хозяйством, а жили и спали в своих повозках. Там же молодые болгарки рожали детей, а старики находили свое предсмертное ложе. Однако проходили месяцы и даже годы, прежде чем что-либо изменялось к лучшему. На смену бесчинствам турецкого наместника Пазвант-оглу пришла затяжная русско-турецкая война 1806–1812 г.г. Приток болгарских беженцев из-за Дуная увеличился. В ходе войны часть болгарских семей откликнулась на настойчивые приглашения царского правительства поселиться в Новороссийском крае. Именно в такое беспокойное время на левом берегу Днестра, напротив Бендской крепости, возникает маленькая колония, вдохнувшая новую жизнь в, казалось бы – навсегда исчезнувшее село Парканы.

«Доверяя – проверяй»...

В ходе исследования вопроса о дате и характере нового заселения Паркан, первое время у меня складывалось впечатление, что об этом все или почти все известно. Недостатка в работах общего характера, где упоминается дата возникновения болгарской колонии Парканы, нет. Большинство исследователей¹ считает годом основания колонии 1804 год, ссылаясь на труды известного историка XIX века А.А. Скальковского. Суть заселения Паркан по Скальковскому сводится к следующему: «В 1804 году из Адрианопольского вилайета (Болгарии – Г.А.) морем в Одессу прибыли 320 семей болгар, поселенных затем в Кубанке и Парканах»².

Пожалуй, нет такого специалиста по истории болгарского переселения в Россию, кто не обращался бы к трудам Аполлона Александровича Скальковского. Будучи директором главного статистического комитета Новороссийского края, а затем и директором им же созданного архива Министерства Внутренних Дел в Одессе, этот историк имел доступ к огромному количеству документов. Перу А.А. Скальковского принадлежит целый ряд замечательных книг и статей по истории Северного Причерноморья. Не зря еще при жизни он был справедливо назван современниками «Геродотом Новороссийского края»³. Авторитет этого ученого настолько велик, что часто специалисты цитируют его без доли сомнения. Хотя еще при жизни Скальковского отдельные его работы подвергались серьезной критике⁴. Ряд современных ученых (В. М. Кабузан, С.Б. Бернштейн) относятся с сомнением к некоторым данным А.А. Скальковского. Для нас эти «неточности», которые, может быть,

не влияют на выводы общего характера, имеют принципиальное значение. Нас интересует конкретная дата образования одного конкретного населенного пункта. Необходимы были другие документальные данные об основании колонии. Сам же А. А. Скальковский указывает и другую версию возникновения Парканской колонии, на которую многие исследователи не обратили внимания. Во 2-й главе своей книги «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае» автор пишет о Паркахах, «основанных герцогом Ришелье для разных болгарских выходцев из Бессарабии, между 1806 и 1811 годами, с целью распространения в крае садоводства и шелководства»⁵.

В ряде изданий до 1917 года указываются различные даты образования колонии Парканы. В энциклопедии Брокгауза и Ефона – это 1808 г.⁶, то есть год подписания царского рескрипта от 9 июня 1808 года «Об устройении близ города Тирасполя колонии из выходцев, искусных в шелководстве»⁷. Офицер генерального штаба русской армии А. Шмидт в своей фундаментальной работе и авторы большого статистического исследования по Херсонской губернии⁸ указывают точные даты образования всех болгарских колоний Херсонщины, но... дружно «спотыкаются» на Паркахах и определяют дату ее образования более расплывчато, соответственно 1808–1811 и 1808–1810 годами.

Нельзя не упомянуть и современную трактовку заселения Паркан болгарами, которую мы встречаем в пятом томе Болгарской энциклопедии за 1985 год. Энциклопедическая статья о болгарских колониях в России написана историком И. Дундаровым. Автор берет на себя смелость максимально конкретизировать время и пути образования болгарских колоний. Упоминая о Паркахах, И. Дундаров утверждает, что они заселялись дважды: в 1803 году морским путем через Одессу из города Анхиоло, ныне Поморие, прибыло 90 семей и в 1811 году из города Рахово, ныне Оряхово, прибыло еще 53 семьи.

В итоге мы имеем шесть вариантов дат образования болгарской колонии Парканы: 1803, 1804, 1806–1811, 1808, 1808–1810, 1808–1811 годы. «Но где же истина?» – спросит дотошный читатель.

«Пригласить шелководов...»

Признаться, вопрос нового заселения Паркан долгое время был для меня камнем преткновения. Накапливался материал по другим проблемам, ряд данных косвенно доказывал ошибочность имевшихся версий. Однако документальных сведений долгое время найти не удавалось. Несколько особняком среди работ, где упоминались Парканы, стоят книги Е. М. Дружининой¹⁰ и В. Ф. Шишмарева¹¹. В обеих работах

в научный оборот введены документы, непосредственно связанные с вопросом образования Парканской колонии. Однако авторов интересовали другие проблемы и эти документы были недостаточно изучены.

Лишь собрав воедино данные из архивов Санкт-Петербурга, Одессы, Херсона, Днепропетровска и Кишинева, удалось воссоздать последовательную, иногда даже с точностью до дня, историю заселения Паркан.

Малороссы

Итак, вернемся в конец XVIII столетия в опустевшие Парканы. Губернские власти не могли не обратить внимание на шелковичную плантацию, растянувшуюся вдоль Днестра. Херсонский гражданский губернатор Миклашевский отдал распоряжение Тираспольскому городскому магистрату взять рощу под свою опеку. Это решение было принято на основе императорского указа от 9 августа 1801 года «О приобщении городских жителей к разным занятиям»¹². Участки тутовой рощи отдавались тираспольчанам с условием, что они будут заниматься шелководством. Впрочем, вполне разумное решение осталось лишь на бумаге. Началась массовая выкорчевка деревьев, в рощу заходил скот. Тутовая плантация стала таять на глазах. В начале 1804 года, озабоченный происходящим, форшмейстер Нестеров пишет докладную новому гражданскому губернатору Окулову о скорой гибели рощи. В Тирасполь прибывает Главный инспектор по шелководству России Маршал фон Биберштейн. Он лично осмотрел остатки шелковичной рощи и распорядился немедленно окопать ее рвом и взять под охрану. Среди местных чиновников родилась идея пригласить из-за Днестра знающих толк в шелководстве крестьян.

Оказать содействие в переселении крестьян-шелководов вызвался молдавский мелкопоместный дворянин, терновский землевладелец Авксентий Мандра¹³, обещавший также построить в Паркахах «большой шелковичный завод». Авантюрист по натуре А. Мандра, по-видимому, преследовал в первую очередь корыстные цели. На парканской земле у него имелись две ветряные мельницы и землянка, а ближе к Терновке – большой фруктово-виноградный сад. В ответ на услуги А. Мандра надеялся сохранить свои участки, купленные им по-дешевке еще в 1796 году у тираспольских купцов Михаила Полякова и Михаила Демидова¹⁴. Действительно, при содействии А. Мандры в Парканы весной 1804 года прибыли две семьи: Григория и Ивана Томаченко¹⁵. Лишь на следующий год Херсонский гражданский губернатор Окулов поручает Тираспольскому дворянскому предводителю Туманову вызвать из Молдавии знающих толк в шелководстве людей¹⁶. Весной 1805 года в Парканы прибывают 22 семьи «шелководцев-молдаван из Кишиневского округа».

Прежде чем приступить к анализу сохранившегося списка первых парканских поселенцев, следует учесть, что в ряде старых документов все выходцы из-за Днестра, независимо от национальной принадлежности именовались «молдаванами». Отдельные исследователи¹⁷, не вникая в содержание документов, делают ошибочные выводы о прибытии в Парканы большой группы молдавских семей. Наиболее ранний список парканских поселенцев, составленный членом опекунской конторы Бриганци датирован 30 июня 1805 года. К тому времени вместе с прибывшими в 1804 г, в колонии проживали вместе с семьями:

1. Антон Соловей,
 2. Григорий Томаченко с братом Никитой,
 3. Иван Томаченко,
 4. Прокоп Черниченко,
 5. Демьян Погорельский,
 6. Иван Прусь,
 7. Алексей Горбалюк,
 8. Михаил Сирак,
 9. Яков Коваль,
 10. Семен Швец,
 11. Андрей Шевчук,
 12. Антон Костуренко,
 13. Константин Загарий,
 14. Пантелея Кушниренко,
 15. Исаак Загороднюк,
 16. Пантелея Заболотный,
 17. Константин Емельяненко,
 18. Григорий Мазуренко,
 19. Федор Швец,
 20. Иван Продан с братьями Андреем, Петром и Танасием,
 21. Трофим и Иван Лось,
 22. Иван Ильяшенко,
- и холостой Танасий Довгань¹⁸.

Итого в Парканы прибыло 47 душ мужского и 43 – женского пола. Среди первых поселенцев мы легко находим предков и нынешних парканских семей. Вполне очевидно, что перед нами список семей украинцев или, выражаясь языком начала XIX века, «малороссов». Как же они оказались в Парканах? После русско-турецкой войны 1787–1792 годов началась очередная волна миграции населения. Причем не только в российские пределы, но и наоборот, часть крестьянства, казачества ушла за Днестр. Бывшие запорожцы-черноморцы не торопились возвращаться в Россию, хотя правительство обещало амнистию всем казакам, бежавшим в турецкие владения. Их опасения были не напрасны. Новоявленные новороссийские помещики всеми правдами и неправдами старались заполучить крепостных крестьян. Нередки были случаи,

когда целые села, основанные переселенцами с берегов Дуная и из-за Днестра под видом составления ревизских сказок становились собственностью помещиков. Чтобы погасить возникшее недовольство и побудить русских и украинских крестьян, бывших запорожцев, в возвращении в Россию, в 1804 г. император Александр I подписывает указ «Об обязанных поселянах», в котором помещикам запрещалась подобная практика. Все левобережные приднестровские села остались казенными. Незадолго до этого, в 1802 году, вышел манифест, запрещающий закрепощать крестьян, вышедших из-за границы. Видимо, поэтому бывшие запорожцы, поселившиеся в Парках, всячески подчеркивали свое «иностранные» и не были против, когда в официальных документах их называли «молдаванами». Вполне определенно можно выяснить последнее место пребывания украинских казаков до их прибытия в Парканы. Формулировка «из Кишиневского округа», данная в документе чиновником Бриганци, слишком обтекаема. В том же документе сообщается, что семьи прибыли из Одессы. В одном из отношений Херсонской межевой конторы переселенцы названы «выходцами из числа поселенцев г. Овидиополя» (ныне с. Овидиополь Одесской обл.), расположенного на левом берегу Днестровского лимана. Еще несколько документов косвенно доказывают прибытие семей из Овидиополя и их принадлежность к казачеству. К концу 1805 г. оттуда в Парканы прибыли еще две семьи: Самуила Чумаченко и Якова Мацыхенко Чмиля. В Овидиополь несколько раз выезжали по делам Д. Погорельский и И. Томаченко, а в 1815 г. овидиопольский мещанин Степан Кочуровский женился на дочери Д. Погорельского Анне¹⁹.

Прибытие в Приднестровье первых украинских семей с низовьев Днестра и Дуная стало только пробной попыткой. После окончания русско-турецкой войны 1806–1812 г.г. и присоединения Бессарабии к России значительная часть украинцев поселилась в Бендерах. Удивительный факт: в переписи населения города за 1817 год чаще всего мелают уже знакомые нам фамилии парканских украинцев Черниченко, Чумаченко, Швец, Кушниренко, Чмиль, Костуренко и др. В малороссийской «магале» города Бендеры к тому времени насчитывалось 1236 душ мужского, пола и 802 женского²⁰. Что это? Случайное совпадение или попытка семейных кланов объединиться? Отсутствие документов не позволяет нам ни опровергнуть, ни подтвердить данное предположение. Нового прилива украинских семей в Парканы однако не произошло²¹.

Прибывшие семьи шелководов начали обустройство в Парках, но с первых же дней встретились с большими трудностями. Рядом с ними находились хутора тираспольчан, статус поселян не был четко определен. Из 22-х семей лишь 8 прибыли со своей скотиной. Среди

поселенцев было 5 ремесленников: 2 сапожника, 2 ткача и 1 шапочник. Избранные поселянами староста Иван Прусь и выборный Константин Загарий тщетно обивали пороги уездных учреждений, прося помохи в обустройстве. По счастливому стечению обстоятельств в Тирасполь прибыл недавно назначенный Новороссийский генерал-губернатор Э.О. Ришелье. С именем этого крупного государственного деятеля неразрывно связана история Паркан в первые десять лет после своего возрождения.

Выходец из древнего аристократического рода, герцог Арман Эммануэль Дюплесси де Ришелье вынужден был бежать в 1789 г. из революционной Франции в монархическую Россию. Поступив на службу в русскую армию, Ришелье отличился при штурме Измаила. В начале XIX века он уже имел чин генерал-лейтенанта. Энергичный, хорошо образованный француз привлек внимание императора Александра I. В 1803 г. он назначается градоначальником Одессы. В России теперь он для всех «Эммануил Осипович» или «Дюк» Ришелье. В марте 1805 г. градоначальник маленького портового города назначается генерал-губернатором всего Новороссийского края. Но мало кто упоминает, что помимо этой ответственной должности Ришелье исполнял также обязанности Главного управляющего по части водворения колонистов. Хотя это во многом объясняет его повышенное внимание к колонизации юга России.

Генерал-губернатору Ришелье Парканы обязаны своим стремительным взлетом. Недаром в селе до сих пор некоторые старожилы сохранили предания о «князе Дюке». В начале июня происходит встреча первых парканских поселенцев с Ришелье. После этой встречи у генерал-губернатора возникла идея создания в Парканах шелководческой колонии. «Иностранные сих людей и важность хозяйственного предмета, для которого они сюда вызваны, – докладывал он в Министерство Внутренних Дел, – решили меня поручить ведомству к попечению конторе опекунства иностранных, с намерением поселить их особенною колониею по правилам других водворяемых здесь переселенцев, сделать им вспоможение и дать надлежащие к шелководству средства»²².

По приказу Ришелье из днестровских плавней поселенцам было отпущено необходимое количество леса для обустройства, началось формирование земельного фонда. Между тем идея Ришелье о дальнейшем будущем Паркан обсуждалась на самом высоком уровне. 2 августа 1805 г. Министр Внутренних Дел России В.П. Кочубей доложил Александру I предложение Ришелье об образовании в Парканах шелководческой колонии. Император одобрил действия Новороссийского генерал-губернатора²³.

Однако процесс юридического оформления статуса Парканской ко-

лонии затянулся по целому ряду причин. Во-первых, отвод земли колонистам оказался делом достаточно сложным. Во-вторых, семьи, вывезенные Тумановым из Овидиополя, вряд ли подбирались по знанию ими шелководства. Отдельные переселенцы не стремились осесть в Парканах. Из 29 семей, поселившихся к августу 1805 г. на 1 января 1806 года в селе осталось только 20 семей в количестве 72 человек²⁴. Из колонии уходили случайные люди, преследовавшие во время переселения другие цели. Характерно донесение Константина Загария в опекунскую контору за февраль 1807 г. 1 семья исключена за воровство, одна бежала²⁵. Многие переселенцы видели в приграничном населенном пункте на левом берегу Днестра своеобразный трамплин для дальнейшей миграции в глубь Новороссии. В одном из донесений в опекунскую контору за апрель 1806 г. сообщается, что «прибывшие с молдавской стороны Терентий Соловьев, Степан Рыбаченко и Игнатий Беспалый пожелали остаться в войске Черноморском, а Георгий Цуркану пожелал переселиться в казенное селение Тираспольского уезда»²⁶. Не следует также забывать, что в непосредственной близости от Паркан на противоположном берегу находилась мощная турецкая цитадель и многие переселенцы старались избежать такого неприятного соседства.

Болгары

К концу 1805 г. Ришелье убедился в необходимости нового подхода в создании полнокровной и многочисленной шелководческой колонии. У новороссийского генерал-губернатора возникла идея поселить в Парканах болгарских беженцев. Не раз Э.О. Ришелье высказывал свои симпатии к болгарским колонистам. С их приходом он надеялся в корне изменить состояние Парканской колонии.

В Одесском областном архиве в разных фондах сохранилась переписка Ришелье с Главным судьей конторы опекунства иностранных поселенцев Самуилом Христиановичем Контениусом. Многолетняя дружба двух высокопоставленных чиновников отразилась на страницах этих документов. Материалы переписки Ришелье – Контениус были любезно предоставлены мне сотрудникой архива О.В. Коноваловой, которая готовит их к публикации. Моменты личного характера в письмах сочетаются с делами государственными. Часто в этих письмах Ришелье позволяет себе то, чего не позволил бы в переписке с другими государственными чиновниками. Переписка Ришелье – Контениус, другие материалы из Одесского архива, а также подробные списки колонистов из Днепропетровского областного архива, ряд документов из других архивов позволяют нам детально рассмотреть процесс заселения Паркан болгарами.

В 1805–1806 годах в Новороссийском крае идет интенсивная подготовка к приему больших партий немецких и болгарских колонистов.

В Одессе был создан специальный строительный комитет, занимавшийся постройкой домов для переселенцев. Ришелье лично следит за распределением средств из строительного комитета, обсуждает с его руководителями планы застройки и другие текущие вопросы.

В конце 1805 г. Ришелье отдал указание уездному землемеру А.С. Шаржинскому начать обмежевание для Парканской колонии «под поселение молдаван, шелководством занимающихся»²⁷. Он хорошо понимал, что отводимой земли для Паркан мало. Ришелье настойчиво ищет оптимальный выход из положения. Внимание генерал-губернатора привлекли обширные земельные владения Григориополя – приднестровской колонии армян, созданной по личной инициативе Г.А. Потемкина и названной в его честь. Жившие в колонии армяне занимались в основном ремеслом и торговлей, а земля большей частью пустовала или использовалась не по назначению. Ришелье предлагает существенно сократить земельный фонд Григориополя, «вопреки живущим там армянам», в пользу прибывающих болгарских и немецких колонистов. Лишние земли нашлись и у близлежащего казенного села Малаешты. 27 января 1806 г. Новороссийский генерал-губернатор в письме С.Х. Контениусу сообщает о первых успехах в формировании Парканского земельного фонда: «Шаржинский прислал мне план сей земли напротив Бендера и той, которую можно присоединить к ней; вся вместе не превышает 6 тыс. десятин, тем не менее, там можно поселить болгар, ежели они к нам прибудут. Единственный недостаток – она (колония – Г. А.) довольно близка к турецкой границе».

В 1806 г. началась новая затяжная русско-турецкая война. Э.О. Ришелье, не оставляя своих гражданских должностей, занят в войне. Под его руководством русские войска без единого выстрела заняли крепость Аккерман. С начала войны поток беженцев из Болгарии в Молдавию и Валахию усиливается. Заинтересованное в заселении Новороссийского края, царское правительство обращается к болгарам с предложением российского подданства: «Все те, которые пожелают воспользоваться сим предложением, найдут в России надежное прибежище для поселения своего, получат земли в Крыму и в степях между Бугом и Днестром лежащих, и что от тамошних начальников доставлены им будут все выгоды и всякие нужные пособия для заведения их хозяйства»²⁸. Часто сменявшиеся главнокомандующие русскими войсками на Дунае, помимо директив чисто военного характера, имели строгие указания о всяческом содействии болгарам к переселению в Россию.

После того как без боя капитулировал гарнизон турецкой крепости Бендеры, усилился поток переселенцев на левый берег Днестра в

районе парканской переправы. Командир казачьего полка подполковник Платов 3-й ежемесячно докладывал своему командующему барону Мейendorфу о переправе у Паркан семей с имуществом²⁹. В Парканах появляются первые болгарские семьи. Но большинство из них здесь не задерживается. После недолгого пребывания в Парканах они направляются в другие болгарские колонии: 6 семей выбыло в Катаргину, 2 семьи – в Большой Буялык³⁰.

И все же три болгарских семьи в 1806 году осели в Парканах: Радула Вельвича, Григория Димитрова (вскоре умер) и Братана Степанова³¹.

После взятия Бендер герцог Ришелье наконец получил возможность реализации своего крупномасштабного плана массового переселения болгар в Новороссийский край, в том числе и в Парканы. С этой целью ранней весной 1807 года в Молдавию и Валахию выезжает его любимец и протеже член опекунской конторы камер-юнкер Петр Сергеевич Мещерский, молодой и энергичный чиновник, выходец из древнего княжеского рода, впоследствии российский сенатор, а с 1817 по 1833 гг. – обер-прокурор Святейшего Синода. Результаты его «длительной командировки» не замедлили сказаться. Документы позволяют нам с точностью до дня определить время прибытия болгар в Парканы в течение 1807 года. Итак, со своими семьями прибыли:

15 марта
Станчо Спасов,
Мино Николаев.

24 марта
Тодор Топал.

4 апреля
Семен Николаев,
Петр Узун Танас,
Никола Стоянов,
Петко Пелтек.

12 апреля
Волко Чунжук,
Зело Диордиев,
Киро Волков,
Ангел Генов,
Никола Бахчеван.

7 мая
Тодор Сербин.

16 июня

Стою Николаев,
Стоян Ников,
Стоян Димов,
Стамо Иванов,
Стоян Ангелов,
Волкан Драган.

24 июня

Петр Стоянов,
Иван Петров,
Диордий Петров,
Бано Жеков,
Стоян Иванов.

1 июля

Марко Дизов,
Тодор Киров,
Велико Радулов,
Диордий Стоянов,
Стефан Стоянов,
Христо Велев.

3 июля

Райко Сталев,
Мито Добров,
Марин Милчев,
Стано Стоянов,
Пенко Николаев.

17 августа

Волко Вельвич.

20 октября

Стоян Диордиев³².

В конце июня 1807 года собрались на совместную мирскую сходку украинцы и болгары. В связи с тем, что бывший староста колонии Иван Прусь выбыл из села, необходимо было выбрать нового старосту. Им стал недавно прибывший в Парканы Стоян Ников.

С августа 1807 года поток болгарских переселенцев резко уменьшился. Ришелье решает отправить на помощь Мещерскому группу наиболее авторитетных болгарских колонистов. 19 августа 1807 года он отдает распоряжение смотрителю болгарских колоний губернскому секретарю Копейкину: «Получа сие, немедленно отправьте ко мне в Одессу голову Зело Несторова³³, старосту Стояна Нико (Никова – Г.А.) и изберите еще двух или трех добропорядочных хозяев, которые бы способны были к приглашению вывести из-за границы для поселения в Россию болгар»³⁴. Не успев освоиться в Парканах, Стоян Ников и его товарищи снова отправились за Днестр агитировать болгар к переселению в Россию. К осуществлению

этой акции подключился также начальник пограничной службы генерал-майор И. Ф. Катаржи. Еще в 1806 г. Катаржи внял уговорам Ришелье и согласился продать казне свое обширное имение. На его месте возникла болгарская колония, получившая название по имени помещика – Катаржина. С этой колонией Парканы имеют много общего. Они одновременно заселялись, входили в один колониальный округ и постоянно поддерживали между собой многосторонние, в том числе и родственные связи.

В ходе своей продолжительной поездки князь Мещерский предполагал вывести из-за Днестра до 400 семей болгар и до 300 семей черносербов. В рапорте на имя Ришелье он предлагал: поселить черносербов в Крыму, а болгар «разместить по одесскому водворению», то есть между Днестром и Бугом. Мещерский прилагает к своему рапорту краткий план предполагаемого расселения семей по колониям. В Парканы планировалось заселить 91 семью. Если же переселенцев будет больше, чем предполагается, то Мещерский предлагал расселить их дополнительно в нескольких колониях, «особливо в Парканах, будучи из них найдутся хорошие шелководцы, тем более, что колония сия, пользуясь преимущественно столь важной отраслью хозяйства, не имеет надобности в 60 десятинах на семейство наряду с прочими»³⁵. В последнем пункте своего рапорта Мещерский предложил и другой вариант на тот случай, если число семейств «будет гораздо менее ожидаемых, то оконплектовать (так в тексте – Г. А.) оными Катаржинскую колонию и Парканы»³⁶. И действительно, надежды Ришелье и Мещерского переселить до 400 семей болгар не оправдались. Комплектование колоний прошло по третьему варианту, предложенному Мещерским. Поездка Стояна Никова с товарищами закончилась тем, что в ноябре 1807 г. в Парканы приехали еще 7 семей:

Игната Петкова,
Ангела Градинаря,
Димо Петкова,
семья неизвестного (в ведомости написано:
«выбыл по предписанию начальства»),
Савы Стефановича (вскоре умер),
Яни Станилевича,
Стою Тулума.

Согласно колонистским ведомостям, на 1 декабря 1807 г. в Парках проживало 64 семьи общей численностью 287 душ обоего пола. Из них болгарских семей – 47. В течение 1807 г. в Парканы прибыло 44 болгарских семьи. В Катаржину за это же время прибыло 117 семей численностью 325 душ обоего пола, а вместе с прибывшими в 1806 г. в Катаржине проживало: 141 семья и 388 душ³⁸.

Любопытен тот факт, что в колонистских ведомостях с 1805 по 1810 год Парканы назывались «колонией молдаван и других поселенцев» и заносились в документы отдельно от болгарских колоний. Хотя уже с 1807 г. болгар в колонии было подавляющее большинство.

Между тем параллельно с начавшимся переселением болгар в Парканы продолжалась многомесячная переписка Э.О. Ришелье с Министром Внутренних Дел В. П. Кочубеем. После устного одобрения Александром I плана образования шелководческой колонии должен был последовать императорский указ. Но для этого Министерство Внутренних Дел требовало от Новороссийского генерал-губернатора не только четкого обоснования необходимости создания шелководческой колонии, но и детальной разработки путей формирования земельного фонда Паркан. Именно нерешенность земельного вопроса была главной причиной задержки принятия царского указа.

В октябре 1807 г. Ришелье отправляет в Санкт-Петербург князя П.С. Мещерского, изрядно уставшего после длительной поездки в Молдавию и Валахию. Но Мещерский едет в столицу не только отдохнуть и повидать друзей и близких, но и по служебным делам. Он привез от Ришелье целый пакет предложений «о землях для парканской колонии»³⁹. Суть их сводилась к передаче Парканам части земель казенного села Малаешты, прилегающего к Григориополю, а также тридцати одного участка тираспольских жителей. Эти земельные участки были оценены на общую сумму 3026 рублей и подлежали передаче Парканской колонии. Тираспольчане получали за это соответствующую денежную компенсацию. Ришелье торопил события. «Приняв попечение об устройстве сей колонии, – писал он Кочубею, – я имею уже 59 семей лучших шелководственников». Генерал-губернатор собирался в короткие сроки «удалить от них неспокойных тираспольских соседей, занимающих вблизи их жилищ свои хутора под видом принадлежности им садов»⁴⁰. Рассуждая о перспективах, Ришелье доложил Кочубею о том, что планирует поселить в Парканах «150 семей лучших шелководственников, которые смогут уже в настоящее время дать ежегодно около 60 пудов шелку»⁴¹.

Проект, предложенный Новороссийским генерал-губернатором, не сразу получил одобрение В.П. Кочубея. Министр считал завышенным необходимое количество земель для Парканской колонии, у которой по роду своей деятельности якобы не будет необходимости иметь много земли. Вспомним, что и князь П.С. Мещерский был такого же мнения. Настойчивый Ришелье приводил свои аргументы: «15-десятинной пропорции земли на душу или лучше 60 десятин на семейство будет достаточно для парканских поселенцев, выключая садовые участки и места

для разведения тутовых деревьев отделенные, приемля в уважение, что занятие кормлением шелковичных червей и выделыванием шелка есть дело женского пола и что шелководство в скором времени не может быть доведено до такой степени, чтобы единственным от оного поселенцы могли иметь себе пропитание, не занимаясь сверх того хлебопашеством и содержанием хоть одного рабочего скота»⁴². Доводы Э.О. Ришелье оказались убедительными, а для Паркан создание большого земельного фонда и заложенная с первых же лет многопрофильность хозяйства сыграли решающую роль в росте благосостояния колонии.

К весне следующего года все проблемы были решены. В жизни Паркан происходит знаменательное событие. Они уже официально получают статус колонии. 9 июня 1808 года император Александр I подписывает именной реескрипт, адресованный Новороссийскому генерал-губернатору, «Об устройении близ города Тирасполя колонии из выходцев, искусных в шелководстве».

«Министр Внутренних Дел донес Мне, – говорилось в реескрипте, – о предложениях ваших устроить колонию из выходцев в шелководстве искусных близ города Тирасполя, на месте называемом Комарова Балка, или Парканы, где находятся еще остатки бывшей там во время турецкого владения шелковичной рощи, с отделением для оной несколько земли от того города и от казенного селения Малаешты». В постановляющей части реескрипта, состоявшей из четырех пунктов, все предложения Ришелье получили поддержку. Учитывая важность документа, приведем его почти целиком:

«ПОВЕЛЕВАЮ:

1. Хуторы, на сем месте существующие, в пользу колонии там заводимой отобрать и за оные по присланному вами списку 3026 рублей заплатить хозяевам их.

2. Лесную рощу, там же в форшмейстерском ведомстве состоящую, и заключающую с сенокосом и всего удобных и неудобных 678 десятин отдать в ведомство Новороссийской опекунской конторы.

3. Предоставить также для поселенцев и другие земли, на плане от вас представленном...

4. В особенности наблюдению вашему предлежать будет, чтобы водворены были такие люди, кои в шелководстве искусны, и чтобы количество тутовых и других деревьев приумножено было...»⁴³.

Имея на руках столь авторитетный документ, Ришелье еще более энергично продолжил обустройство парканской шелководческой колонии. Он отправляет в Парканы члена опекунской конторы А.А. Розенкампа для приема новых переселенцев и участия в межевании земли для колонии. Розенкампф привез с собой также деньги для расчета с

тираспольчанами – владельцами хуторов на парканской земле. «Как выбор поселенцев для шелководческой колонии, – напутствовал Ришелье чиновника, – так и бдительное смотрение за устройством сего заведения будет единственным вашим предметом»⁴⁴. 30 сентября 1808 г., согласно утвержденному плану, Тираспольский уездный землемер А.С. Шаржинский в присутствии Розенкампфа и смотрителя колонии Бабича провел межевание парканской земли⁴⁵.

Напомню, Ришелье намеревался довести в Парках численность семей «лучших шелководственников» до 150. Думал ли генерал-губернатор, что «неудачная» поездка князя П.С. Мещерского в Молдавию и Валахию окажется самой успешной? Несмотря на все старания русских гражданских и военных чиновников в Дунайских княжествах, болгары крайне неохотно соглашались на переселение в Россию. Русско-турецкая война 1806–1812 г.г. в основном проходила на Дунае. Как никогда болгары верили в скорое освобождение своей родины от ненавистного турецкого ига. Тысячи болгар отважно сражались бок о бок с русскими солдатами. В составе Чугуевского уланского полка под командованием генерал-майора Лисаневича воевали и сыновья парканского колониста Пано Иванова Иван и Антон⁴⁶. Вполне понятно, почему на фоне ожидаемого скорого освобождения попытки Ришелье организовать массовый исход болгар в Россию, выглядят беспомощными. Напрасно А.А. Розенкампф, находясь в Парках, пристально вглядывался в правый берег Днестра. Прошла осень 1808 года, весна 1809-го, а новых переселенцев в Парках, за исключением единичных случаев, не было.

В сентябре 1809 г. Ришелье обращается с письмом к молдавскому Дивану (правительству – Г.А.), русскому представителю при Диване сенатору С.С. Кушникову и командующему Молдавской (Дунайской) армией П.И. Багратиону с просьбой «достоверного и подробного донесения о задунайских переселенцах из болгар, списков каждого из семейств и фамилий старейшин, а также указать место и время переправы через Днestr»⁴⁷. Ришелье просил их также оперативно информировать Розенкампфа, готового в любую минуту выехать из Одессы в Парканы, о миграции болгар. В Национальном архиве Республики Молдова сохранились два «Списка задунайских переселенцев живущих в окрестностях г. Бухареста», датированных соответственно 1809 и 1811 годами⁴⁸. Без сомнения, эти списки, в которых перечислено более 3000 болгарских и гагаузских семей, были составлены в целях переселения в Россию. О первом списке 1809 года упоминает Э.О. Ришелье в письме С.Х. Контениусу от 19 января 1810 г. После очередной поездки агитаторов в Молдавию и Валахию «Зело Несторов привез список более 1000 семей, – сообщает генерал-

губернатор, – которые должны прибыть сюда (в Новороссийский край – Г. А.) с первыми весенними днями».

Солнышко пригрело, закончилась весенняя распутица, однако посылаемые Ришелье эмиссары возвращались ни с чем. В ноябре 1809 года болгарские семьи, якобы согласившиеся на переселение в Россию, попросили перенести эту акцию на весну. А в марте 1810 г. новый командующий Молдавской (Дунайской) армией князь Н.М. Каменский разрешил болгарам подождать с переселением до осени⁴⁹. В конце марта – начале апреля 1810 года сам Ришелье совершает краткую поездку в Яссы. Эта поездка убедила его, что помимо нежелания болгар переселяться имеются и другие препятствия. В первую очередь, это противоречивые мнения высокопоставленных чиновников о колонизации Новороссийского края. При дворе Александра I все громче раздавались голоса о необходимости заселения новых губерний России из внутренних губерний, а не из-за рубежа. Видя чинимые препятствия, Ришелье обращается сразу ко всем наиболее влиятельным министрам. «Я написал всем: графу Кочубею, графу Потоцкому, наипаче князю Куракину (преемнику В.П. Кочубея на посту Министра Внутренних Дел – Г.А.) бумагу столь энергичную, что не знаю, как он это примет», – жалуется генерал-губернатор Контениусу.

Осенью 1810 г. Э.О. Ришелье совершил новую решительную попытку привлечь болгар в Россию. В сентябре того же года по приказанию Новороссийского генерал-губернатора в Яссы прибыл инспектор Дубоссарского сухопутного карантина Николай Карпов, наделенный большими полномочиями. Вместе с ним в качестве агитаторов из Паркан прибыли смотритель колонии Николай Лупша и староста Киро Волков⁵⁰. Карпов направил их в Томаровский (Ренийский) и Кохурлуйский цынуты (название уездов в Молдавском княжестве). Однако и их миссия закончилась относительной неудачей. Н. Лупше и К. Волкову удалось привлечь в Парканы лишь 15 семей и двух холостяков. К концу 1810 г. в колонию прибыли:

с семьями:

Параскев Христов,
Кириак Папазогло,
Дука Михайлов (вскоре выбыл в Большой Буялык),
Константин Романский,
Антон Табакар,
Мирон Гончаренко,
Дмитрий Храменов (вскоре умер),
Гаврило Дебелян,
Семен Салабаш,
Петко Райков,

Владо Колев,
Димо Степанов,
Миле Николаев (Карнис – Г.А.),
Данило Колесников,
Стоян Братоев.
холостые:
Семен Думитратий,
Николай Делов⁵¹.

В Катаржину в течение 1810–1811 годов прибыло 45 семей⁵². Как видим, вместо сотен семей с трудом набиралось несколько десятков. Тогда по инициативе Ришелье командующий Молдавской армией Ка-менский и новый сенатор при Молдавском Диване Красно-Милашевич предприняли меры принудительного характера, «чтобы всех болгар, с 1809 года перешедших Дунай отправить в Херсонскую область»⁵³. Однако заступивший в должность летом 1811 года новый командующий Молдавской армией М. И. Кутузов категорически воспротивился насильственному переселению болгар. Он приказал отправить обратно уже поднятые Н. Карповым 128 семей. Великий полководец, как известно, был и незаурядным дипломатом. Он прекрасно понимал, к каким нежелательным последствиям может привести любое насилие над болгарами, какие бы высокие цели при этом ни преследовались. Не последнюю роль в решении Кутузова сыграло и письмо Софрония Врачанского, направленное ему в апреле 1811 г. С. Врачанский извещал Кутузова, что в районе Бухареста местные чиновники приказали болгарам готовиться к переселению в Россию. Болгарский просветитель просил Кутузова «уничтожить сей слух»⁵⁴. Реакция фельдмаршала нам уже известна.

И все же парканским миссионерам удалось привлечь в течение 1811 года еще 15 семей:

Михаила Станева,
Димитра Стоева,
Атанаса Крийона,
Стояна Стамова,
Нехтияна Железкова,
Константина Делибалта,
Диордия Станилевича,
Диордия Степанова,
Панайота Костандинова,
Атанаса Диордиева (уехал вскоре в Катаржину),
Панайота Пенова Иванова (выбыл в конце года),
Гинко Обручкова,
вдовы Зоицы (с ее сыном Дмитрием),
Драгана Гайдаржи,
Мино Вербанова.

Так заканчивается формирование того основного костяка болгар-

ских семей, которые нашли в Парканах свою вторую родину и дали начало тем родам, какие существуют до наших дней. По данным ревизских сказок 1811 г. в колонии проживало 87 семей общей численностью 378 душ обоего пола⁵⁵.

Подведем некоторые итоги. Вопреки устоявшемуся мнению большинства специалистов, заселение Паркан в начале XIX века проходило по-другому. Во-первых, мы убедились в том, что основание колонии и прибытие болгар в Парканы не совпадают во времени. Колония была основана в 1805 году потомками запорожских казаков, украинцами. Болгары же прибыли позже двумя большими группами. Одна в 1807 г., другая в 1810–1811 годах. Причем эти группы болгар сильно отличались по языку. Большинство болгар, прибывших в 1807 г., составили выходцы из Македонии и других областей западной Болгарии. Во второй группе преобладали выходцы из восточных областей Болгарии. В первые годы своего существования колония Парканы формировалась не по национальному, а по производственному принципу. Вплоть до 1810 г. во всех документах Парканы числятся как «колония молдаван и других поселенцев из-за Днестра». Причем «молдаванами» на самом деле были запорожцы. В царском рескрипте от 9 июня 1808 г. ни одним словом не упоминается о болгарах. Но в то же время определенная корректировка произошла. Ни слова не говорится и о «молдаванах». Наконец, заселение Паркан болгарами проходило не морем, а из-за Днестра.

Давайте разберемся

В этом очерке можно было бы поставить точку, если бы не несколько возникающих несоответствий. Доказав свою версию заселения Паркан, можно было бы не упоминать о некоторых расхождениях с ранее выдвигавшимися суждениями. И все же...

Известный советский лингвист С.Б. Бернштейн, занимавшийся изучением болгарских говоров на территории СССР, коснулся также и вопроса заселения Паркан. Сославшись на Скальковского о прибытии в 1804 г. в Парканы и Кубанку 320 семей болгар, он сообщает о новом этапе заселения колонии следующее: «Еще во время войны (1806–1812 г.г. – Г.А.) большая группа болгар осела в Бендерах. Позже, в 1822 году, они отсюда были переселены в Парканы и Катаржино. Рядом со Старыми Парканами возникли Новые Парканы, жители которых сильно отличались по языку»⁵⁶. Автор не дает ссылок на источник такой информации. Отчасти к такому выводу его подтолкнули сведения А. Скальковского о том, что к 1836 году «на левом берегу Днестра основались два селения, и в них обе ветви предположенного хозяйства, виноделие и шелководство, находятся в возможно цветущем состоянии»⁵⁷.

Действительно, почтовая дорога, проходящая через Парканы, издавна разделяла село на две части, которые до сих пор местные жители называют «Шопи» и «Гурлянди». Высказывание С. Б. Бернштейна о большой «группе болгар, осевших в Бендерах», требует уточнения. По данным бендерских краеведов, в 1819 г. в Бендерах проживало всего 23 болгарских семьи⁵⁸. После работы над переписью населения г. Бендеры за 1817–1819 гг. у меня сложилось впечатление, что и эта цифра завышена, так как в документе болгары записаны не отдельно, а вместе с молдавскими поселянами. Произвести же подсчет болгарских семей при частомозвучии имен и фамилий болгар и молдаван довольно сложно. Если вести речь о всем Бендерском уезде, тогда действительно можно говорить об осевшем там большом количестве болгар.

Загадочный 1822 год не раз всплывает в истории Новороссийского края как год активной миграции населения. Историки И.Ф. Грек и Н.Н. Червенков предполагают, что в 1822 г. Новые Парканы основали болгары села Ингулка Херсонского уезда⁵⁹. Однако в помесчных колонистских ведомостях «О благосостоянии колоний в 1822 году» нет данных о резком росте числа жителей колонии⁶⁰. Спустя два года, т.е. в 1824 г. в колонии по-прежнему проживало 87 семей, из них 14 украинских⁶¹. Тщательное изучение документов 1820-х годов убедительно доказывает, что никакого разделения на «новые» и «старые» Парканы не было. В многочисленных рапортах, донесениях, ведомостях Попечительного комитета Одесской конторы иностранных поселенцев Парканы выступали всегда как единое целое. Деление же парканцами села на «Шопи» и «Гурлянди» началось гораздо раньше, в 1807 г., когда в первой партии болгар было много выходцев из Западной Болгарии, так называемых шопов. Шопы поселились отдельно от украинцев, по другую сторону почтовой дороги.

Другой вопрос, требующий пояснений: о месте поселения первых колонистов. А.А. Скальковский пишет об урочище Комарова балка, избранном для Парканской болгарской колонии⁶². Вполне очевидно, что автор почерпнул эти сведения из царского реескрипта от 9 июня 1808 г. Но чем объяснить парканское предание о первоначальном заселении Комаровой балки и затем переселении на нынешнее место? В середине прошлого века Попечительный комитет распространил по всем болгарским колониям книгу А.А. Скальковского «Болгарские колонии Бессарабии и Новороссийского края». Читая о совершенном ином местоположении колонии, парканцы, по-видимому, сделали вывод, что их предки переселились из Комаровой балки. Ряд веских аргументов убеждают нас, что первоначального поселения в Комаровой балке не было. Прежде всего, во всех документах конца XVIII – начала XIX в. в. упоминается о Парканах, расположенных напротив

Бендерской крепости, у переправы через Днестр. О том же пишет и Скальковский: «Парканы, в Тираспольском уезде, при владении речки или балки Комаровой в Днестр, насупротив Бендерской крепости»⁶³.

Попробуем разобраться. Никаких сведений о переселении парканцев из Комаровой балки нет. Наоборот, известно, что в 1806 г. в своем прошении на имя Херсонского гражданского губернатора уже известный нам дворянин А. Мандра просил обменять имевшиеся у него владения в Терновке и Парканах на 300 десятин земли в Комаровой балке⁶⁴. Не стоит также забывать о таких важных ориентирах, как сельские церковь и кладбище. Первая парканская церковь находилась на месте нынешней школы-интерната, а кладбище расположилось неподалеку там, где стоит сейчас средняя школа № 1. Если даже предположить, что первоначально село находилось в Комаровой балке, вряд ли церковь и кладбище находились бы так далеко от села.

Ответ можно легко найти, если закрыть на время книгу А. Скальковского и обратиться к другим источникам. В ряде документов сообщается об «урочище Парканы». Вспомним цитату из книги П.М. Сумарокова в первом очерке: «Я приехал к урочищу, называемому Парканы, где прежде было местечко сего имени». На карте, составленной Ф.П. де Воланом в 1792 г., Комарова балка обозначена выше Паркан. В комментарии к карте де Волан, известный своей добросовестностью и до-точностью, приписал следующее: «В четырех верстах выше Паркан впадает балка Томарова (Комарова) и речка того же имени⁶⁵. На месте же Паркан де Воланом обозначены безымянная речка и большой овраг, то есть «урочище Парканы». Ручей и овраг просуществовали до середины 1860-х годов и были засыпаны гигантской железнодорожной насыпью. По всей вероятности кто-то из чиновников не разобрался в местной топографии и отождествил «урочище Парканы» и Комарову балку. Возможно в начале XIX века понятие «Комарова балка» трактовалось шире.

И, наконец, наиболее сложный вопрос: из каких областей, городов и сел прибыли предки парканцев? В Бессарабию переселение болгар часто проходило целыми селами. Иногда бессарабские болгарские колонии даже назывались так же, как на прародине. Гораздо труднее определить, откуда прибыли парканские болгары. Село заселялось, как известно, в два этапа, причем семьи прибывали неодновременно. Чиновниками в колонию проводился специальный отбор садоводов и шелководов. До прибытия в Парканы, многие семьи находились в Молдавии и Валахии.

Российский этнограф и лингвист Н.С. Державин, изучавший парканский диалект болгарского языка в 1910–1914 гг., поразился отсутствию

однообразия, свидетельствующему о «диалектической разнородности первоначального состава населения»⁶⁶. Ученый делает вывод о принадлежности парканского говора «к группе восточно-центральных говоров, но вместе с тем в нем присутствуют... черты, характерные для юго-восточных говоров»⁶⁷. Подчеркивая общность парканского и катаржинского говоров, Н.С. Державин в беседах с катаржинцами узывает названия некоторых населенных пунктов Болгарии, которые сохранила народная память: Алатгия, Попово, Габрово⁶⁸. Если учесть не только общность говоров, но и давние многосторонние, в том числе и родственные связи между Парканами и Катаржиной, то вполне можно предположить, что некоторые из первых парканцев были выходцами из вышеперечисленных болгарских сел.

О двух группах болгар, говоривших соответственно на северо-восточном и юго-восточном диалектах, сообщает и С. Б. Бернштейн⁶⁹. Отдельные лингвисты делают вывод о наличии в Парканах элементов македонского диалекта⁷⁰. Действительно, ярким подтверждением наличия выходцев из Западной Болгарии, а может даже и сербов, является название южной части села: «Шопи». Об этом же красноречиво говорят и фамилии некоторых колонистов: Вельвич, Станилевич, Стефанович, Сербин. Вспомним, что князь П. С. Мещерский в 1807 г. вывозил из Молдавии и Валахии не только болгар, но и черносербов.

Отдельные семейно-родовые прозвища могут навести нас на конкретные адреса: «Свиштуви» (г. Свиштов), «Гаджалуви» (с. Гаджал, ныне – Гранитово Ямпольского округа). Правда, второе прозвище может иметь и другой смысл. Гаджалами болгары называли гагаузов. Наконец, третье значение: «гаджалин» – турецкий крестьянин. Единственный документально подтвержденный конкретный адрес удалось обнаружить в деле о Георгии Савове Чебанове. В 1819 г. этот парканский колонист обратился в Попечительный комитет с прошением о выдаче ему заграничного паспорта сроком на один год «для следования Порты Отоманской Филиппопольской области (Филиппополь – ныне г. Пловдив) в селение Оджар»⁷¹.

Убежден, нет необходимости подгонять под какие-то шаблоны сложный процесс миграции болгар начала XIX века. Только дальнейшие кропотливые поиски могут помочь более детально восстановить историю происхождения парканских родов.

III. ПАРКАНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ЕГО МЕСТО В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ

Возрожденные в 1805 г. Парканы вошли в Тираспольский уезд Херсонской губернии. В Тирасполе и Бендерах, Суклее и Терновке, Глином и Чобручах, глядя вслед уходящей под воду с усатым парканцем, казенные поселяне и городские мещане произносили малопонятное слово «колонист»...

«...По делам иностранных поселенцев»

Еще в 1799 году в Екатеринославе (ныне г. Днепропетровск) была открыта контора опекунства Новороссийских иностранных поселенцев. Возглавил контору С.Х. Контениус, друг Э.О. Ришелье. В 1801 г. контора опекунства была переименована в Попечительный комитет. Большая реорганизация в колониальном ведомстве произошла в 1818 г. Специальным царским указом комитет не только поменял свое название на «Попечительный комитет об иностранных поселенцах южного края России», но теперь имел в своем подчинении три конторы иностранных поселенцев: в Екатеринославе, Одессе и в Бессарабии – в Болграде. По воспоминаниям бывшего члена Попечительного комитета А.М. Фадеева, эта реорганизация была проведена в ожидании переселения из Германии большого числа немецких колонистов. Массового переселения немцев так и не произошло, но конторы сохранились¹.

Парканы относились к колониям Одесского водворения. Все водворения были разбиты на колониальные округа. В Парканский колониальный округ входили две колонии: Парканы и Катаржина. Во главе округа стоял смотритель с резиденцией в Парканах. После Екатеринослава с 1820 по 1833 годы Попечительный комитет находился в Кишиневе, а с 1833 по 1871 гг. – в Одессе. В 1832 г. произошла еще одна реорганизация колонистского ведомства. Конторы были закрыты. Колониальные округа остались, но были реорганизованы. Теперь колонии объединились не по национальному, а по территориальному принципу. Парканы вошли в 3-й колониальный округ болгарских и немецких колоний. Лик-

видация контор имела целью убрать это промежуточное, явно лишнее звено, но и без них над колониями стояла громоздкая бюрократическая машина. С середины 1830-х годов Попечительный комитет имел следующую структуру: Председатель, члены комитета, хозяйственное, контрольное отделения, отделение по делам еврейских поселенцев, архивариус, казначай, землемер, архитектор, штаб-лекарь, ветеринарный врач и еще целый ряд чиновников².

Как и все болгарские колонисты, жители Паркан чуть ли не боготворили Председателя Попечительного комитета, Главного попечителя генерала от инфантерии Ивана Никитовича Инзова. Старый боевой генерал, знавший о болгарах не понаслышке и видевший их отвагу в бою и мучения на многострадальной родине, беззаветно отдался порученному делу. Не раз «дядо Инзов», часто навещавший Парканы, помогал колонистам решить возникающие проблемы.

По-разному складывались отношения парканцев с другим колониальным начальством. В повседневной жизни им чаще всего приходилось иметь дело со смотрителями колоний.

Смотрители парканского колониального округа с 1805 по 1832 гг.:	
Бабич	1805–1807 гг.
Лупша, губернский советник	1807–1814 гг.
Д. И. Парули, титуллярный советник	1814–1832 гг.
Смотрители 3-го колониального округа с	1832 по 1871 г.
Епихин,	
Вильмс,	
П.А. Ковальский,	
Ф.П. Патерновский.	

Многолетние доброжелательные взаимоотношения сложились у парканских колонистов со смотрителем округа титуллярным советником Дмитрием Ивановичем Парули. Грек по происхождению, он, пожалуй, лучше других чиновников понимал нужды и запросы колонистов. В решении возникавших проблем, защищая права колонистов, Парули не боялся вступать в конфликты с уездными и губернскими чиновниками, крупными военными чинами. Его ссора с уездным землемером Ильенко из-за клочка парканской земли стала известна всей губернии. А все началось с того, что 2 июня 1825 года при обновлении межи между Парканами и селом Плоское землемер Ильенко захватил часть сада, принадлежавшего Ивану Обручкову. От простого замечания со стороны Парули дело дошло до взаимных оскорблений и многолетнего конфликта, конец которому положил в сентябре 1828 г. сам генерал-губернатор М.С. Воронцов³. Вряд ли взаимоотношения Парули с парканцами можно назвать чисто деловыми. Из сохранившихся метрических книг видно, что некоторые парканцы даже приглашали Д.И. Парули в церковь в качестве крестного отца.

Права и обязанности колонистов были закреплены в целом ряде указов и постановлений, сведенных в единый «Устав о колониях иностранцев в империи». Согласно этому «Уставу...» колонисты имели право:

- 1) получать землю в потомственное пользование;
- 2) переходить из «колонистского состояния» в другие категории населения;
- 3) основывать промышленные предприятия, заниматься торговлей;
- 4) выезжать за границу;
- 5) покупать землю и селиться отдельными хуторами.

Наряду с широкими правами колонистов обременял целый ряд обязанностей. И, конечно, главная из них – исправная уплата налогов. Главным из них был налог с земли. Платился он на протяжении 100 с лишним лет, по-разному. До 1845 г. с каждой десятины владений и запасной земли колонисты платили поземельный оброк, замененный впоследствии подушным налогом. Со временем система налогов постепенно совершенствовалась, налогов становилось все больше. К концу 1860-х парканцы должны были платить и налоги на сооружение и ремонт дорог, содержание земской полиции, специальные колонистские налоги на содержание постоянно разрастающегося аппарата, налоги на местные нужды колонии. Еще с 1820-х годов парканцы платили по 5 коп. с души «на усовершенствование судоходства», хотя фактически судоходство по Днестру началось с 1890-х годов.

В итоге почти половина доходов колонистов уходила на уплату «податей и казенного долга». К примеру, в 1824 г. парканцы внесли в казну налогов на сумму 5477 руб. 77,5 коп.⁵

Справедливости ради следует сказать, что при заселении колонисты были временно освобождены от уплаты налогов. Болгары освобождались от «уплаты податей» на десять лет. Чиновники довольно быстро разобрались и в «иностранные» казаков. Они, в отличие от болгар, освобождались от налогов на 20 лет, а затем уравнивались в правах с казенными крестьянами⁶. Причем в дальнейшем, по истечении льготных лет, уплата податей парканскими жителями была разная. Болгары платили подушный налог за землю по 38 коп. с одной десятины, украинцы – соответственно по 28 коп.

Несмотря на освобождение в льготные годы от денежных повинностей и сборов, колонисты с первых же дней обязаны были выполнять целый ряд натуральных повинностей. К началу 1840-х годов в обязанности Парканской колонии входили:

- 1) устройство и ремонт дорог и мостов;
- 2) квартирная повинность;
- 3) дача подвод;
- 4) провоз арестантов и содержание арестантской кордегардии (помещения);
- 5) содержание пожарного устройства;
- 6) сохранение в колонии внутреннего устройства, чистоты и опрятности⁷.

Исполнение натуральных повинностей неизмеримо возрастало во время русско-турецких войн и передвижений войск. Причем военные часто не считались с возможностями колонии, что приводило нередко к острому конфликту.

«...Учинили сей приговор»

Все возникавшие вопросы губернская, уездная и колонистская администрации решали через орган местного самоуправления – сельский приказ. Организованное по образу и подобию русских общин внутренних российских губерний, парканское сельское самоуправление впитало в себя традиции болгарской общины – «задруги» – и некоторые элементы свободолюбивой казачьей вольницы. «Мы, нижеподписавшиеся колонии Паркан колонистского сословия общество, собравшись в сельском приказе на мирскую сходку, учинили сей приговор...» Так начинались сотни принятых парканцами резолюций по различным вопросам жизни села. На «мирские сходки» собиралось все взрослое мужское население колонии. Принимаемые на сходке «мирские приговоры» были обязательными для всех сельчан и даже правительственные чиновники с уважением относились к этим коллективным резолюциям. Парканская община обладала определенной степенью самостоятельности и не раз демонстрировала и отстаивала свое собственное мнение в конфликтах и стычках с чиновниками всех уровней. Повседневной жизнью села руководил избираемый мирской сходкой приказ, состоящий из старосты и двух выборных. Впрочем, из бесед со старожилами удалось выяснить, что сельских старшин, как и в Болгарии, в Парканах называли «чорбаджиями». «Чорбаджии» избирались сроком на два года, не было случаев, чтобы кто-нибудь избирался на два срока подряд. Судя по документам, чорбаджии не были какой-то привилегированной верхушкой парканского общества. На этих выборных должностях перебывали почти все парканские хозяева. Хотя работы у избранного старосты было более чем достаточно, никто, разумеется, не освобождал его от ведения собственного хозяйства, а должность не давала никаких привилегий и льгот. Чорбаджии получали жалование из общественной казны, что повышало их ответственность перед односельчанами. Денежные вознаграждения руководителей сельской администрации были даже ниже, чем у их подчиненных. Согласно приходно-расходной ведомости Парканского сельского приказа за 1864 год староста села Дмитрий Добров получал годовое жалование в 57 руб. 12 коп., выборные Иван Градинар и Степан Жеков – по 42 руб. 84 коп. В то же время писарь сельского приказа Федор Карназ имел жалование в 150 руб., а пастух общественного стада Афанасий Петков – 250 рублей⁸.

Много это или мало? Для сравнения приведу лишь один пример: хорошая лошадь в те годы стоила 25 руб.

Хотя вновь избранный староста утверждался затем колонистскими властями, не было случая отказа решению мирской сходки. В первые, наиболее трудные годы Попечительный комитет брал на себя содержание сельской администрации. Неурожай, стихийные бедствия 1820–1821 гг. довели парканцев до такой нищеты, что они обратились осенью 1821 года к генералу И.Н. Инзову за помощью, так как община не в состоянии была выплачивать денежные пособия своим чорбаджиям. И.Н. Инзов пошел навстречу колонистам и распорядился «выделять ежегодно по 150 руб. старосте и по 75 руб. двум выборным, но до того времени, как поправится состояние парканских поселенцев»⁹.

Община несла полную ответственность за всю повседневную жизнь крестьян. Она разбирала их имущественные споры, решала бытовые и хозяйственные вопросы. Сельский приказ давал поручительство за колонистов при выделении властями денежных ссуд, при выдаче паспортов. Поручаясь за Георгия Савова Чебанова, уезжавшего в 1819 г. на один год в Болгарию, сельский приказ представил Попечительному комитету расписку в том, что в случае невозврата колониста «парканское общество обязуется вносить за него подать до следующей ревизии»¹⁰. Весной 1827 г. у Мито Доброка неизвестные лица похитили сразу две пары волов. Потрясение большое даже для такого зажиточного колониста, каким был М. Доброка. Он был вынужден обратиться за помощью в Попечительный комитет. Парканский колонист получил под проценты ссуду в 100 руб. сроком на один год, причем сельский приказ приложил к прошению М. Доброка положительный отзыв о нем и свое поручительство¹¹. Если колонисты по каким-либо причинам не могли заплатить подати, погасить свои казенные долги, то рассчитывалась за них община.

Впрочем, это не освобождало колонистов от ответственности перед общиной. Они не только обязаны были вернуть свой долг, но и платили взносы в общественную казну, отрабатывали общественную натуральную повинность. На арестантскую, подводную, дорожную повинности устанавливалась строгая очередность, которую контролировал сельский приказ. В случае своего долгого отсутствия, а это бывало довольно часто, колонисты обязаны были платить налог в общественную казну. В начале 1830-х годов Тодор Пельтек и Петр Салабаш взяли в аренду в Бессарабии большие наделы земли. Они отвезли туда свои семьи и редко приезжали в Парканы. Раз в год они появлялись для того, чтобы получить новые паспорта и заплатить в сельский приказ налог «за не-отбытие общественных тягостей»¹².

Однако заметим, что взносы колонистов не являлись главной ста-тьей доходов общественной казны. Хозяйственная жизнь занимала главное место в деятельности сельской общины. Парканский приказ сдавал в аренду принадлежавший колонии паром через Днестр, два рыбных озера, каменоломню, питейные заведения, магазины, полевые корчмы вдоль столбовых дорог, участки земли из резервного фонда, а также реализовывал продукцию с общественных угодий. Достаточно сказать, что из 1164 рублей доходной части по ведомости за 1863 г. 712 рублей составили доходы с объектов аренды¹³. Из этих сумм произво-дилась оплата налогов, жалований, выдача ссуд, оплата долгов коло-нистов, ремонт старых и строительство новых общественных зданий, пожертвования церкви и т.д. Объекты аренды сдавались с большой вы-годой для колонистов. В договорах с нанимателями парома обязатель-но содержался пункт о бесплатном пользовании им парканцами. При сдаче в аренду земли обязательно оговаривался вопрос о преимущес-твенном найме на работу жителей Паркан, причем предусматривался нижний предел оплаты труда для них: не менее одной десятой части доходов нанимателя.

Хозяйственная жизнь колонии – вопрос большой и многогранный и мы займемся им отдельно. Сейчас же остановимся на роли общины в организации и развитии тех отраслей хозяйства, которые для Паркан являлись побочными. В отличие от других болгарских колоний, животноводство и, в первую очередь, овцеводство никогда в Парканах не были ведущими отраслями. Однако желающие разводить овец были. Таких хозяев ежегодно набиралось по 10–12. Колонисты собирали своих овец в стадо. Община нанимала им пастуха, предоставляла по-мещения для стрижки овец, изготовления сыра. Примерно по такому же принципу была организована и молочная ферма крупного рогатого скота. Кроме пастуха, нанятого приказом, на летней ферме по очере-ди по несколько дней работали хозяйки: доили коров, готовили творог, масло. Община имела свой улей, большую бахчу.

Существенная роль в сельском самоуправлении отводилась суду «присяжных стариков», куда избирались 12 наиболее уважаемых старейшин села. Суд рассматривал мелкие провинности колонистов, решал имущественные споры между ними. Приговор «присяжных ста-риков» был в селе последней инстанцией, и даже жалобы отдельных колонистов в Попечительный комитет, как правило, не имели успеха. Еще в 1816 г. Братан Степанов попробовал обжаловать в контору опе-кунства решение сельского приказа и «почетных стариков» об «отнятии у него сада». Управляющий колониями Одесского водворения К. К. фон Лая потребовал от общины «восстановить справедливость». Сельский приказ в рапорте на имя К. К. фон Лая объяснил, что еще «по водворе-нию» всем колонистам были разданы участки плавней «под заведение

плодовых или шелковичных садов», в том числе и Б. Степанову. Но, ув-личенный хлебопашеством, колонист оставил без внимания выделен-ный ему участок. Сельский приказ в 1814 г. предупредил Б. Степанова об этом, на что он ответил, что не желает его обрабатывать. Сельский приказ постановил отобрать участок у Б. Степанова и «отдать оный Мито Доброву для разведения там деревьев». Теперь же, когда «на участке все посажено и возделано, Братан Степанов требует его обрат-но». Попечительный комитет вынужден был оставить в силе решение сельской администрации¹⁴. Позже, в 1864 г. подобная жалоба Тимофея Дибилия «на неправильные действия старости Доброва по отнятию у него хозяйства» также потерпела неудачу¹⁵.

Несмотря на колонистский принцип землевладения, эти два эпизода наглядно показывают, что подлинным хозяином земли в колонии явля-лась община. Позже мы рассмотрим подробнее самый злободневный для крестьян земельный вопрос.

Суд «присяжных стариков» зорко следил за соблюдением об-щинных традиций. За совершенное преступление сельский суд мог посадить колониста под арест, подвергнуть телесному нака-занию, денежному штрафу. Но самым большим наказанием было исключение из колонии. Особенно сурово карались воровство и пьянство, что впрочем, среди колонистов встречалось крайне редко. Всю суворость сельского суда испытал на себе в феврале 1824 г. вторично уличенный в воровстве Петр Мокан, залезший в подвал к Станчу Спасову. Ссылаясь на решение суда «присяжных ста-риков», сельский приказ обратился в Попечительный комитет с просьбой исключить П. Мокана из колонии «за то, что он и ра-нее замечен в воровстве, пьянстве, нерадении ко всему хозяйс-тву, буйствах и побегах, чрез что привел имущество свое в такое разорение, что тамошнее общество вынуждено отывать за него как общественные подати, и другие повинности, равно и за почи-тающийся на нем казенный долг»¹⁶. Полгода П. Мокан находил-ся в сельском приказе под стражей, пока решалась его судьба. В селе уже и не рады были, что затеяли переписку об исключении из колонии. Ведь все это время ежедневно на охрану арестован-ного снаряжалось по 2 колониста. Лишь в августе того же года П. Мокан за недостаточностью улик был освобожден из-под стражи. На мирской сходке провинившийся колонист был строжайше пре-дупрежден о необходимости «поправления своего расстроенного хозяйства». Подействовали столь строгие меры или нет, можно только догадываться, но хозяйство Моканов пошло на поправ-ку. Возможно, глава семейства взялся за ум, а может подросший старший сын Дмитрий принял хозяйство в свои руки.

Никакие самые веские причины не могли служить оправданием преступка, особенно воровства. На своем горьком опыте в этом убедился Федор Николаев. Тяжелое материальное положение, вызванное неурожаем 1820 года, довело колониста до искушения. 30 июля 1821 г. лесничий парканской лесной рощи Добри Митов поймал «за самовольной порубкой молодняка парканского колониста Федора Николаева». Провинившийся был заключен под стражу до прибытия смотрителя Парули. Приехав из Катаржиной, Д.И. Парули предоставил возможность сельскому приказу самому решать судьбу колониста. Приговор привел смотрителя в изумление своей суровостью: 10 рублей штрафа в пользу богоугодных заведений. По тем временам эта сумма составляла больше половины годового дохода на одну душу колонистской семьи. Д.И. Парули приостановил взыскание штрафа с колониста, «с тем, что Николаев человек бедного сословия, к тому же обремененный большим семейством, но весьма хорошего поведения и примерный колонист.., порубку учинил без злого умыслу не для продажи или других причин, а единственно для поправления около дому своего огорожи (забора – Г.А.), которая действительно ветхая, даже вся распалась». Парканский смотритель просил контору иностранных поселенцев убедить сельский приказ отменить свое взыскание. 8 декабря 1812 г. в здании сельского приказа собрались 12 присяжных стариков. В присутствии Д. И. Парули и удрученного Федора Николаева «почетные старики» вынесли свое решение: взыскание сельского приказа отменить, а «долговременное содержание под караулом при приказе в небытности господина смотрителя в колонии вменить ему (Ф. Николаеву – Г.А.) оное содержание в наказание»¹⁷.

С ростом экономической активности общины оживилось участие сельского суда в хозяйственных вопросах. «Присяжные старики» внимательно следили за всеми финансовыми операциями, которые осуществлял сельский приказ. Их присутствие было обязательным при торгах и заключении хозяйственных договоров. Суд оценивал объекты продажи и аренды, что исключало возможность злоупотреблений со стороны сельского приказа. Для контроля за текущими делами в приказе по очереди дежурили «присяжные старики».

В отношениях с вышестоящими органами власти, в нередких стычках с государственными чиновниками всех уровней сельский приказ дипломатично и настойчиво доказывал свою правоту. Особо следует сказать о взаимоотношениях парканской общины с военными. Выполняя квартирную повинность, колонисты не раз сталкивались с произволом армейских чинов. Удобное расположение Паркан помимо известных преимуществ часто оборачивалось серьезным недостатком по той простой причине, что во время военных походов русские войска нередко выбирали утопающее в зелени богатое село для расквартиро-

вания и постое. Особенно военные посты участились после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Они ложились тяжелым бременем на колонистов, создавали массу неудобств и затрат, что вызывало недовольство в общине.

Особенно возмутило парканцев расквартирование резервного батальона Полтавского пехотного полка, прибывшего в село 14 мая 1830 года. Батальон численностью в 306 человек был размещен по домам колонистов. У каждого хозяина на постое в доме было по 7–8 человек, но кроме этого командир батальона невозмутимо требовал от сельского приказа отвести еще целый ряд помещений под батальонную канцелярию, слесарную и швейные мастерские, кузницу, караульное помещение, помещения для арестантов, для склада, а также «место близ воды для выпечки хлеба». Смотритель Д.И. Парули сообщил Главному попечителю о зреющих недовольствах в Парканской колонии. Желая погасить конфликт, И.Н. Инзов обратился за содействием к своему старому боевому товарищу генерал-губернатору М.С. Воронцову. Батальон был переведен в село Тяя, а при Парканах осталась лишь кордонная стража казаков численностью в 54 человека. Из них в колонии квартировались всего 1 офицер и 10 казаков¹⁸.

В это же время, 10 мая, в Комаровой балке на Парканской земле остановились для «карантинной обсервации» войска 3-го пехотного корпуса общей численностью 10994 человек, да еще при корпусе состояло 1548 лошадей¹⁹. Уже в следующем, 1831 году, в Парканах расположились на постой подразделения Брянского пехотного полка. Военные доставляли немало хлопот колонистам, тем более что помимо постояльцев рядом с колонией за Днестром находился Бендлерский гарнизон. Набеги солдат на сады и огороды продолжались не только летом, но и зимой, когда военнослужащие украдкой занимались в садах заготовкой дров. Характерно, что в ходе многочисленных расследований, как правило, в итоге виноватых среди военных не находилось. На колонистов военные следователи оказывали явное давление. В ходе следствия пострадавшие часто меняли свои показания, отказывались от своих первоначальных обвинений в адрес провинившихся военных. Так было с показаниями 58-летнего Бано Жекова, у которого 1 декабря 1830 года по вине солдата сгорели крыша дома и часть имущества²⁰. Парканские лесничие Димо Степанов и Иван Николаев задержали 11 января 1831 г. двух солдат из Бендлерской крепости «при порубке фруктовых деревьев». Но в ходе следствия они в корне изменили свои показания. В документах сообщалось, что солдаты якобы занимались сбором хвороста. Последнее дело было настолько извращено, что представлявший интересы колонии и Попечительского комитета коллежский регистратор Тинтулов категорически отказался подписывать итоговый документ следственной комиссии²¹.

Более успешно складывались «баталии» парканцев с гражданскими чиновниками. Различного рода директивы и указания государственных ведомств сельский приказ старался «скорректировать» с наименьшим ущербом для колонии. В 1827 г. колонисты отстояли свои сады во время неудачного строительства моста через Днестр. В 1850-е годы они добились разрешения на строительство 12 усадеб на бывшей казенной плантации шелковичных деревьев.

После преобразований в колонистском ведомстве Парканы вошли в 3-й колониальный округ немецких и болгарских колоний. Болгарских колоний в округе было... в количестве одной колонии Парканы. Новые смотрители вынуждены были учитывать специфику национальных колоний. Не всем это удавалось. Тяжело складывались отношения парканцев со смотрителем округа Вильмсом. Немец по национальности, Вильмс избрал себе основной резиденцией немецкую колонию Гликсталь и в Парканы приезжал редко. Ходатайства, прошения сельского приказа рассматривал неохотно и с большой медлительностью. В связи с этим Парканской общине часто приходилось решать свои местные проблемы, минуя своего смотрителя, за что Вильмс получил даже замечание от Попечительного комитета. Сельский приказ по мере своих сил боролся с волокитой чиновников, решал нередко местные вопросы, не дожидаясь разрешительных или запрещающих бумаг сверху. Очень показателен пример с учреждением в Парках почтовой повинности. Об этом в начале 1843 г. последовала резолюция Попечительного комитета. Парканскому обществу вменялось в обязанность содержать при приказе лошадей и повозку для нужд приезжающих чиновников. Сельский приказ предложил Попечительному комитету распределить эту обременительную повинность между всеми колониями округа, на что Попечительный комитет ответил твердым отказом. Собравшись на новую сходку 1 июня 1845 года колонисты «приговорили» ходатайствовать о превращении «почтовой повинности из натуральной в денежную». В таком случае «общество может это сделать без участия других колоний». Наем почтового экипажа был выгоден парканцам, так как не отвлекал их от полевых работ. Тем более что в отличие от немецких колоний в 1840-е годы в качестве рабочего скота в Парках по-прежнему чаще использовались волы, и большинство хозяев не держали лошадей. В случае же денежного налога «все домохозяева наравне будут участвовать в этой повинности». Предложение общины осело в бумагах Вильмса. Видя такую волокиту, сельский приказ обратился за окончательным решением сразу в Попечительный комитет. Не дожидаясь письменного ответа, парканцы воспользовались приездом в колонию Председателя Попечительного ко-

митета барона Розена и получили от него устное одобрение решения мирской сходки. 26 апреля 1847 г. сельский приказ заключил договор с бендерским мещанином Дмитрием Чаусом о найме сельской почты за 230 рублей в год. В дальнейшем между жителями Бендера и Тирасполя имела место даже некоторая конкуренция за столь доходную работу. Сельский приказ имел возможность выбора и заключал договоры с наиболее надежными клиентами. На выгодных для обеих сторон условиях с 1850 г. ряд лет община нанимала почтовый экипаж тираспольского мещанина Никифора Богданова за 300 руб. в год, «зная его (Богданова – Г.А.) с давнего времени с хорошей стороны и что он есть достаточный хозяин и притом выставляет потребное количество хороших лошадей», причем общество платит «деньги не вперед, а по заслугам», один раз в четыре месяца²².

В дальнейшем мы еще не раз убедимся, что крестьянская рассудительность и упорство в достижении своей цели нередко предохраняли общину от не всегда обдуманных и поспешных решений власти предержащих. Уже с первых лет сельский приказ вынужден был приспособливаться к бюрократической машине государственных ведомств. Ключевой фигурой в таких условиях была должность писаря сельского приказа, знающего не только грамоту, но и русский язык, а также все тонкости оформления витиеватых официальных документов. Долгое время сельский приказ нанимал писаря со стороны. Но в самых ответственных случаях, как правило, рапорта, ходатайства, прошения парканцев писал кто-то из своих грамотных колонистов. Чаще всего – Петко Райков Гошурев. Неизвестно, где этот колонист получил образование, но документы, оформленные им, поражают своей грамотностью и изящным ровным почерком.

С 1846 г. должности писарей занимали уже «свои». После окончания приходского училища и соответствующей подготовки в должность писаря в этом году вступил Константин Братоев. После него более 30 лет должность писаря сельского приказа исполнял Федор Карназ. Все важные документы сельская администрация оформляла на гербовой бумаге и скрепляла собственной печатью. К началу 1830-х годов почти каждый колонист имел свой «именной стемпель». Это выглядело намного солиднее и надежнее, чем корявый крест вместо подписи на разного рода документах.

Сельскому приказу приходилось отправлять в Одесскую контору иностранных поселенцев, в Попечительный комитет – различного рода отчетную документацию. Бумажный стиль руководства – изобретение не сегодняшнее. Но груда скучных справок, ведомостей, месячных, квартальных и годовых отчетов представляет сейчас неоценимый материал для изучения жизни Паркан.

Для срочных докладов, донесений в Одессу с середины прошлого века сельский приказ пользовался услугами Бендерской «телефрафической станции». Вся корреспонденция до 1917 года отправлялась и получалась через Бендеры. Несмотря на уездное подчинение Паркан Тирасполю, почтовый адрес выглядел так: «Бессарабская губерния, г. Бендеры, с. Парканы».

Для поддержания порядка в селе была заведена должность десятского. Обычно в крупных казенных селах десятского выбирали ежемесячно и службу несли по очереди. В Парканах на эту должность сельский приказ приглашал военнослужащих-отставников из Бендер и Тирасполя. Нередко десятскими нанимались женившиеся на парканах отставные военнослужащие. В 1850-е годы должность своего рода «участкового милиционера» исполнял муж парканской колонистки Александры Диордиевой «бессрочно отпущенный фельдфебель Федор Васильев». В 1860-е годы сельский десятский, отставнойunter-офицер Прокофий Афанасьев получал сравнительно небольшое жалование – 60 руб. в год. В обязанности десятского входила также противопожарная безопасность колонии. В этих целях при сельском приказе находилась на готове «пожарная колесница» с извозчиком.

Сельские старшины строго следили за внешним видом колонии, не допускали запущенности домов и усадеб. Вдовам и старикам оказывалась помощь в наведении порядка, нерадивые хозяева привлекались к ответственности. Нередко бытовые неурядицы между колонистами чорбаджии решали по-старинке: телесным наказанием виновного. Попечительный комитет не приветствовал подобную меру наказания, но особо не вмешивался в дела сельских приказов. Роль «третейских судей» обычно выполняли «почетные старики». Любопытен в этом плане конфликт, возникший между старостой колонии Иваном Николаевым и выборным Кириллом Стояновым. 21 октября 1841 года Кирилл Стоянов нанес «жестокие побои палкою» жене Трогана Николаева Ирине, известной в селе своим скандальным характером. Брат Трогана Иван, пользуясь своими полномочиями старости, посадил К. Стоянова под арест. Но суд присяжных старииков оправдал его, признав, что Ирина Николаева «имеет склонности к ссорам». В то же время суд отметил, что Иван Николаев превысил свои полномочия. Кирилл Стоянов был освобожден из-под стражи и лишь предупрежден, чтобы в дальнейшем он воздерживался от подобных поступков²³.

В колонии имелся целый ряд общественных зданий: здание сельского приказа, церковь, школа, арестантская кордегардия, хлебный запасный магазин, запасные винные подвалы. Кроме них сельский приказ обязан был содержать в образцовом состоянии дом смотрителя колоний и дом управляющего над шелководством.

Конечно, было бы наивно идеализировать самостоятельность Парканской общины. Во многих случаях жизнь колонистов была строго регламентирована вплоть до мелочей. Выезд за пределы колонии, вырубка деревьев или даже сбор хвороста в плавнях, брак с выходцем из другого села или города, повторные браки, – это и многое другое было невозможно без разрешения вышестоящего начальства. Нередко простейшие ходатайства, просьбы колонистов обрастили кучей бумаг прежде чем вернуться с ответом в Парканы. В 1817 году Велю Радулов неудачно женился на глинянкой поселянке Ульяне Пелюховской. Непокорная и своеобразная казачка после двух неудачных попыток в третий раз бежала от парканского колониста и исчезла бесследно. Согласно существовавшим правилам уже через четыре года В. Радулов мог жениться повторно. После одиннадцати лет холостяцкой жизни парканский колонист подал в 1830 г. прошение о повторном браке. В своем прошении он подчеркивал, что «за неимением хозяйки пришел со своим хозяйством в совершенное расстройство»²⁴. Лишь в 1833 году, после нескольких расследований и согласований, разрешение на повторный брак было получено.

Община и земство

Со второй половины 1860-х годов с принятием земской реформы часть забот парканской общины легла на плечи уездных земских учреждений. В их ведомство перешли ремонт и строительство дорог, учебные и лечебные учреждения. Благодаря совместным усилиям земства и общины, в Парканах появились новые здания школ, кредитного товарищества. Земство оказывало серьезную поддержку крестьянам в развитии сельского хозяйства.

Сложно судить через сто с лишним лет о степени демократичности земских выборных органов, о влиянии малограмотных парканских представителей на работу земских учреждений. Но с первых же месяцев парканские колонисты приняли участие в их работе. В декабре 1864 года Федор Киров, Семен Добров, Сергей и Василий Стояновы были делегированы общиной в Н. Захарьевку для участия в сельском избирательном съезде и выборе гласных в уездное земское собрание. В последующие годы в «Херсонских губернских ведомостях» встречаются фамилии парканцев: присяжного заседателя Давида Степановича Хаджи, земского гласного Семена Николаева. Заметную роль в работе уездного собрания играли сельские священники Яков Делов, затем его сын Федор.

Немаловажную роль сыграло земство в развитии здравоохранения. На смену фельдшерам-оспопривальщикам, слабо разбиравшимся в медицине, пришли земские врачи – высокообразованные и беззаботно преданные своему делу специалисты. В отличие от других крупных сел в Парканах не было ни своей больницы, ни даже фельдшерского пункта. Временные пункты создавались лишь во время эпидемий. Парканцы же пользовались услугами лечебных учреждений Бендер и Тирасполя. В начале века Парканская волость выплачивала Тираспольской городской больнице ежегодно 2400 рублей «за право пользования»²⁶. Находилась земская Тираспольская больница на месте нынешнего консервного завода им. Ткаченко и располагала зданием на 25 коек.

Парканская волость

Реформы 1860-х годов в России затронули и иностранные колонии. 3 июня 1871 года был подписан царский указ «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях южных губерний». Особое колонистское управление в лице Попечительского комитета было ликвидировано. Завершилась многолетняя последовательная политика российского правительства постепенного уравнивания в правах колонистов с государственными крестьянами. Принятию «Правил...» предшествовала своеобразная «идеологическая обработка» общественного мнения. В ряде периодических изданий с 1840-х годов стали появляться статьи, резко осуждающие политику иностранной колонизации южнороссийских губерний. Откровенно националистический, великодержавный характер этих статей сводился к одному: колонисты никакой пользы России не приносят, даже наносят вред: «Они навсегда останутся чуждыми России, и истинно-русское сердце не признает их своими, не допустит этих чужаков во святая святых народной жизни»²⁷.

Впрочем, в отличие от правонационалистических печатных органов, решения официального Санкт-Петербурга были умеренно-сдержанными. Согласно «Правилам об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)...» бывшие колонии поступали в ведение губернских и уездных органов власти. Существовавшие колониальные округа образовывали отдельные волости, за исключением тех колоний, которые находились обособленно от других²⁸. Перед чиновниками стала проблема – как быть с Парканами? Включить их в прилегающую Плосковскую волость значило бы резко укрупнить ее. То же и со Слободзейской волостью, тем более что между Слободзеей и Парканами пролегали тираспольские городские земли. Решением губернских властей была создана отдельная Парканская волость. В нее вошло всего два села:

Парканы и Терновка²⁹. Позднее в состав волости вошли хутора, прилегающие к западным окраинам Тирасполя: Косоговка, Е.М. Тарханова, хутора в Терновских плавнях.

Согласно «Правилам...» за колониями оставались все предоставленные им объекты собственности и состоявшие в их постоянном пользовании земли и угодья.

После отмены колонистского статуса наиболее заметным изменением в жизни парканцев стала отмена льгот по рекрутскому набору. Теперь юноши были обязаны проходить военную службу наравне с другими категориями населения. Но особых переживаний, волнений, эксцессов по этому поводу не произошло.

В соответствии с новым статусом – волостного центра – в Парках появился солидный управленческий аппарат: волостноеправление, квартальный урядник, 12 десятских, сельская и волостная почты, вспомогательно-сберегательная касса. В селе регулярно заседал волостной суд. Его заседания в начале XX века проходили в доме Марии Радуловой.

Несмотря на отмену колонистских льгот, община по-прежнему играла заметную роль в жизни парканцев. Незадолго до первой мировой войны волостное и сельское правления совместно с земством произвели реконструкцию центра села: построены новые здания школ, волостного правления, церковь. По-прежнему для решения важнейших вопросов собирались мирские сходки.

Революция 1917 года не только произвела коренную ломку общественного устройства в целом. Она нанесла ощутимый урон системе местного самоуправления. Местные органы Советской власти были лишь слепыми исполнителями приказов центра. Любая инициатива снизу пресекалась. В нынешнее неспокойное время, время безвластья и растерянности, опыт парканского самоуправления вполне может пригодиться.

IV. ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ПАРКАН В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Феномен превращения маленькой болгарской колонии в одно из крупнейших сел Тираспольского уезда требует отдельного изучения. В первые годы существования Парканской колонии меньше ее в Херсонской губернии была лишь Ингулка. А к 1916 году Парканы по численности населения среди сел Тираспольского уезда уступали только Плоскому и Слободзее. Такой стремительный рост населения нельзя объяснить лишь естественной прибылью. В течение всего прошлого века в Парканах проходили сложные переселенческие процессы, представляющие для нас определенный интерес.

Прежде всего обратимся к некоторым цифрам. Перед нами сведения о росте населения колонии, а затем села Парканы с момента образования колонии. Данные собраны из ревизских сказок, колонистских и церковных ведомостей, документов земских органов власти и переписи населения.

Год (на 1 января)	Количество семей	Количество дворов	Численность населения
1805 (на 30 июня)	24	—	103
1806	20	—	72
1807	23	—	92
1808	63	—	273
1809	68	—	320
1810	70	—	330
1811	87	—	382
1813	87	96	451
1822	87	—	533
1828	88	—	584
1834	85	—	628
1850	81	—	917
1853	82	122	962
1858	89	206	1154
1897	—	620	4188
1905	—	820	4603
1913	—	—	4787
1916	—	979	5051

Некоторые данные требуют комментариев. Как видим, число семей по ревизским сказкам с 1811 по 1858 годы оставалось почти неизменным. Это связано с законом о неделимости крестьянских хозяйств без разрешения сельского схода. Отделившийся сын формально по-прежнему оставался в одном хозяйстве с отцом, хотя и проживал уже самостоятельно, имел свою усадьбу. Новый ревизский номер давался лишь в том случае, если новая семья получала 60-десятинный надел (позже – 53 дес). Поэтому более точной является подворная перепись, введенная с 1859 года.

Кроме того, в ряде документов учитывалось в основном число колонистов, хотя в Парках всегда проживали и другие категории населения. Как видим из таблицы, по данным 6-й ревизии 1811 года в Парках проживало 382 души колонистов обоего пола. В этом же году произведенный в сан священника бывший парканский колонист 32-летний Николай Делов старательно составляет первую в своей жизни формулярную ведомость и записывает в ней, что в приходе числится 447 человек¹. К числу прихожан парканский священник приписал и временно живущих в колонии, и казаков карантинной службы.

В течение первых трех десятилетий в Парках шел интенсивный процесс формирования генофонда села. Складывался тот основной костяк семей, который сохранился до сих пор. Все эти годы в колонии происходили частые перемещения, изменялся качественный и национальный состав колонии.

Значительно сократилось число украинских семей, прибывших в Парканы в 1804–1806 годах. Побывавший в 1910–1911 годах в Парках историк и этнограф Н.С. Державин определил следующие направления ассимиляции двух основных народностей в колонии: «В борьбе этнических элементов в антропологическом отношении победителем оказался малоросс; в этнографическом – в области языка, обычаях и поэзии – победил болгарин»². Документальные данные свидетельствуют об ошибочности первого вывода ученого о победе малоросса «в антропологическом отношении». Уже в 1807 году численный перевес болгар был подавляющим: 17 украинских и 48 болгарских семей. К 1824 году осталось 14 семей украинцев³. И в дальнейшем продолжалось сокращение числа «малороссийских семей». Уехали из Паркан, не выдержав жестких условий Устава колонистов, семьи Никиты и Ивана Томаченко. Катастрофически не везло с мужским потомством Антону Костуренко. Из шестерых детей у него родился лишь один сын Иван, да и тот умер в раннем возрасте. Не имел продолжателя рода по мужской линии и Мирон Гончаренко. Дочери этих двух колонистов, выйдя замуж, разъехались по окрестным городам и селам. Более глубокие корни мог пус-

тить в Парканах Самуил Чумаченко. Но он купил себе дом в Тирасполе и лишь наезжал в село. В колонии остался только старший из сыновей Данила. Вспомнив свое казацкое прошлое, С. Чумаченко двух других сыновей, Павла и Сергея, в 1829 году увозит в Аккерман к полковнику Челобитникову и отдает на службу в формирующееся Дунайское казацкое войско⁴. К 1858 году в Парканах осталось 10 семей украинцев, а к концу века – 8 семей потомков первых украинских поселенцев, живущих и поныне: Черниченко, Погорельские, Чумаченко, Кушниренко, Чмиль, Швец, Загарий и Продановы.

Вместе со второй партией болгар в Парканы прибыло несколько семейств молдаван. Не берусь указывать их точное количество, так как фамилии некоторых колонистов могут быть как болгарскими, так и молдавскими, и даже греческими: Антон Табакарь, Семен Думитратий. Доподлинно известно лишь происхождение рода Мокан. 12 февраля 1824 года Петр Мокан сообщает о себе следующие сведения: «35 лет от роду, веры православной, из молдаван, родился в Турецкой империи и от родителей, тамошних жителей отца Николая и матери Марии Мокановых, тому 12 лет как вышел из Турции (имеется в виду Бессарабия, принадлежавшая Турции – Г.А.) в Россию и водворен в колонии Парканах, где и женился на вдове Зоице»⁵.

Позже побывавший в 1858 году Парканах А. С. Афанасьев-Чужбинский обратил внимание, что «колонисты успешно говорят не только по-болгарски, но и по-малорусски, и по-молдавски»⁶. Неумолимый процесс ассимиляции привел к тому, что многие ныне живущие парканцы с украинскими и молдавскими фамилиями считают себя болгарами, и не подозревая о своих неболгарских корнях.

Во время каждой проводившейся регулярно ревизии каждая семья вместе с наделом получала и свой номер, который сохранялся до следующей ревизии. Уже после первой проводившейся в Парканах ревизии 9 семей колонистов не получили номеров. Как правило, это были молодые семьи, отделившиеся от родителей. Кроме них в Парканах постоянно проживали так называемые «турецко-подданные» болгары, не имевшие колонистского статуса. Некоторые из них приезжали на несколько или даже на один сезон для того, чтобы поправить свое материальное положение, затем возвращались в Болгарию. Другие прибывали надолго и настойчиво обивали пороги различных инстанций, добиваясь права получить колонистское звание. «Турецко-подданные» болгары брали у парканской общины в наем большие участки земли, строили дома и жили полноценной жизнью.

Попечительный комитет над колонистами юга России пытался взять прибытие временно приезжавших в колонии болгар под свой контроль. В 1823 г. он принял постановление «строжайше запретить проживание турецко-подданных в колониях Одесского водворения»⁷. Однако запретительные меры не мешали отдельным болгарам добиваться разрешения на постоянное место жительства в Парканах. В сентябре 1826 года в колонию в очередной раз заехал Главный попечитель генерал-лейтенант И.Н. Инзов. К нему обратился с просьбой о принятии в колонистское звание «проживающий в колонии турецко-подданный из болгар Дмитрий Нанцов». Добродушный Инзов обещал Д. Нанцову поддержку и предложил ему подать прошение по инстанции. Сопровождавший Инзова смотритель парканского округа Д. И. Парули напомнил генералу о строгой инструкции Попечительного комитета. В июне того же года согласно этой инструкции другому «турецко-подданному» Петру Юманогло было отказано в проживании в Парканах. Несмотря на большой авторитет Инзова, лишь в 1831 году Д. Нанцов получил статус колониста и поселился в Парканах⁸.

Впрочем, существовал и другой способ получить колонистское звание. Приехавший из Болгарии «турецко-подданный» Дмитрий Яни в середине 1837 года женился на дочери Неделко Николаева Марии и получил статус колониста как «преемник» своего тестя. Семейно-родовое прозвище Яни «Турчинуви» напоминает о прежнем подданстве их предка.

В течение 1808–1822 годов из Паркан по различным причинам отселялось значительное количество колонистов. В 1810 году выбыл в колонию Кубанка первый болгарский староста Стоян Ников, а Дука Михайлов – в Большой Буялык. В Комрат уехал Параксево Христов. В другие болгарские колонии уезжают Тодор Сербин, Стоян Желев, Панайот Костадинов. Некоторые семьи после окончания русско-турецкой войны 1806–1812 годов вернулись в Болгарию. Еще в конце 1811 года парканский колонист Панайот Иванов⁹ отправился на Дунай забрать своих сыновей Антона и Ивана, воевавших в составе Чугуевского уланского полка. В дороге незадачливый путешественник потерял паспорт, был задержан и в марте 1812 года доставлен в Бухарест в штаб Молдавской армии для выяснения личности. Фельдмаршал М.И. Кутузов лично подписал письмо к генерал-губернатору Ришелье с просьбой удостоверить личность П. Иванова¹⁰. Получив новый паспорт, парканский колонист с сыновьями в колонию не вернулся.

На смену выбывшим колонистам в 1830-е годы в Парканы прибыли с семьями Петко Мавродий Грудогло, Дмитрий Дулапчи, Иван Апостолов и Иван Мишинков. Пока не удалось установить, откуда прибыли эти колонисты. Возможно, в потоке переселенцев периода русско-турецкой войны 1828–1829 годов.

В 1840–1850-е годы по инициативе Попечительского комитета было организовано добровольное переселение из ряда старых болгарских и немецких колоний Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерний в Бессарабию, где еще оставались большие запасы свободных земель. Первый болгарский колонист Киро Волков отправляется в Аккерманский уезд. Вслед за ним в колонию Камчик того же уезда в 1847 году переезжает 67-летний Стоян Иванов со своими взрослыми, уже женатыми сыновьями Иваном и Моисеем. Не последнюю роль в решении выехать из Паркан, очевидно, сыграла произошедшая в этой семье трагедия. Покончил жизнь самоубийством старший сын Никита, и народная молва винила в этом слишком строгого отца. Стоян Иванов не надолго пережил своего сына, умерев в Камчике в 1853 г.¹¹ Вместе с С. Ивановым в эту бессарабскую колонию переехали семьи Гаврила Стоянова и Димо Степанова. Но, очевидно, ностальгия по родному селу оказалась сильнее, и уже в 1854 году обе семьи возвращаются обратно¹².

Контакты Паркан с другими колониями Бессарабии и Херсонщины, с близлежащими городами с каждым годом увеличиваются. Дочерей парканских колонистов увозят женихи из Одессы, Кишинева, Овидиополя, Катаржины, Исерлии, ряда других колоний. Впрочем, некоторые женихи остаются в Парканах. Степан Ганевич, Иван Прокопов и Слав Райчев, женившиеся в 1840 году на парканских девушках, прежде чем стать парканцами еще долгое время будут упоминаться в документах как катаржинские колонисты. По ревизии 1858 года лишь один из них, Слав Райчев, получит ревизский номер. Позже, в 1867 году исерлийский колонист Константин Стойков женится на Евдокии Станилевич и остается в Парканах. Прибытие в колонию новых потенциальных претендентов на землю не очень одобрялось обществом. До сих пор в Парканах сохранилось хлесткое выражение «приведин зет». Но несмотря ни на что, количество смешанных браков в селе росло с каждым годом. Молодые парканцы приводили в дом не только болгарских невест, но и молдаванок, украинок, русских.

После окончания неудачной для России Крымской войны сотни болгарских и сербских волонтеров, воевавших в составе русской армии, попросили российского подданства. Они справедливо опасались преследования турецких властей в случае возвращения на родину. Российское правительство пошло бывшим волонтерам навстречу. Большинство из них было размещено по колониям. Так, к Парканам в 1857 г. были приписаны бывшие сербские волонтеры Дмитрий Драгутинович Иосиф Прусич, Иван Савич, Вучко Петрович, Павел Абрамович и Стоян

Петкович. Получение ревизских номеров означало наделение сербов 53-мя десятинами земли. Однако в селе сербы не осели, их дальнейшая судьба неизвестна. Документы лаконично объяснили, что сербы «находятся в безвестной отлучке»¹³.

С 1874 года Парканы становятся волостным центром. Растет управленческий аппарат, а с ним и число новых жителей. Заметно увеличилось число учителей, приехавших на работу в Парканы. Согласно церковным документам в 1914 году в селе проживало:

духовных лиц	13
мещан	54
крестьян	5143 душ обоего пола.

В конце XIX – начале XX веков приток населения в Парканы из других мест заметно уменьшился в связи с нехваткой земли. Правда, были исключительные случаи, когда сельское общество само приглашало семьи на поселение. Колония всегда остро нуждалась в кузнецах. Своими так и не обзавелись. Правда, в 1863 году Михаил Пельтек взял у общины ссуду на покупку кузнечных инструментов, но кузнечное ремесло ему оказалось не под силу. Поэтому сельский приказ пригласил на работу и постоянное место жительства цыганскую семью Ивановых. Когда цыганский кузнец состарился, общество пригласило еще одну семью цыган – Колдарь, чьи потомки здравствуют в селе и поныне. Работали братья Колдарь на совесть, поражая парканцев своим мастерством. И никто из сельчан не возражал, когда приказ предоставил «сельским пролетариям» дом на нынешней улице Садовой и земельный участок.

Хотя в село стали прибывать не только болгары, к 1917 году они по-прежнему составляли абсолютное большинство. Традиции многодетных болгарских семей обеспечивали высокий естественный прирост парканского населения. И это несмотря на высокий уровень детской смертности, характерный для всей России.

Для сравнения уровней рождаемости и смертности возьмем три обычных года с интервалом около 20 лет.

Год	Родилось	Умерло	Из числа умерших:		Умерли по старости
			в возрасте до 5 лет	все	
1817	22	9		6	1
1840	46	14		10	4
1867	96	31		19	2

Во второй половине XIX века уровень детской смертности заметно сократился, в чем немалая заслуга земских лечебных учреждений.

Высоким был уровень смертности среди женщин. Частые роды и тяжесть ведения большого домашнего хозяйства не могли не скажаться на их здоровье. Оставшийся без жены вдовец старался как можно быстрее найти замену хозяйке, без которой дом приходил в запустение. По данным ревизской сказки 1858 года в 206 семьях 22 мужчины были женаты вторично, а трое – даже в третий раз. В среднем муж в семье был на 8–10 лет старше жены, хотя нередки были семьи, где разница в возрасте супругов достигала 15–20 лет. В среднем в каждой болгарской семье было по 4–5 детей, в украинских семьях – не более 3.

Известно уважение болгар к старицам. Несмотря на всю тяжесть переселения, многие колонисты привезли с собой и престарелых родителей. В ревизской сказке 1811 года мы встречаем 82-летних Волко Чунжука и Тодора Топала. С Петко Райковым приехала 92-летняя мать Гинка Райкова. Кроме них – 81-летний Семен Салабаш, 72-летние Петко Пельтек и Мино Николаев. Многие парканцы доживали до глубокой старости. До 80-ти лет дожили Стою Тулум и Иван Стоянов, умершие соответственно в 1853 и 1867 гг. По данным ревизской сказки 1858 года еще в полном здравии находились 75-летние Иван Петров, Кириак Папазов, Елена Степанова, 74-летний Петр Гинков Обручков. В 1867 году в церковных документах часто мелькает фамилия 78-летнего Танаса Волкова Чунжука. В роду Радуловых сохранилось предание о бабе Величке, прожившей около 125 лет. Проверить правдивость семейного предания пока не удалось. Последний раз жена Велико (Велю) Радулова Рада Величкова упоминается в документах в 1858 году в возрасте 65 лет.

Забегая вперед, отмечу, что нынешние старожилы тщательно ведут учет парканских долгожителей. Историк-самоучка Н.К. Погорельский утверждает, что больше всех в селе прожил Иван Железков, умерший в возрасте 102 лет. Илие Бахчеван прожил 99 лет. Семен Стоянов («Галет») – 97 лет.

Вплоть до 1914 года в Парканах мужчин было всегда больше женщин. Первая мировая война внесла свои корректизы. Впервые за всю историю села соотношение численности полов меняется. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года в Парканах насчитывалось 2236 мужчин и 2815 женщин.

Передо мной паспорта парканцев, выезжавших по различным причинам за пределы колонии. Паспорт – лист гербовой бумаги, вместо фотографии – подробное описание внешности владельца этого документа. Каков же он, «среднестатистический парканец», то есть 1,7 метра.

Любознательный читатель, конечно же, поинтересуется сколько сейчас в Парканах жителей, какова современная демографическая ситуация. Вот некоторые данные:

Год	Число жителей
1939	7095
1974	11587
1989	10526

Анализ демографических процессов, проходивших в Парканах после 1917 г., выходит за хронологические рамки этой книги и еще ждет своего серьезного исследования. Однако даже предварительные итоги показывают, что уже в предвоенные годы темпы прироста населения резко снизились. Массовые репрессии против так называемых «кулаков», к которым можно было отнести большинство парканцев, в 1920–1923 годах, а затем в период массовой коллективизации 1929–1931 годов, когда проводилась бесчеловечная политика «ликвидации кулачества как класса», не могли не сказаться на генофонде села. Тревожным симптомом является факт превышения уровня смертности над уровнем рождаемости в течение последних 25 лет. На смену многодетным семьям XIX века пришли семьи с одним ребенком. Трое детей в семье в Парканах – это уже большая редкость...

Впрочем, повторюсь, серьезный анализ динамики парканского населения после Октябрьской революции еще впереди.

V. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕЛА

Уже через несколько десятилетий со дня своего основания парканская колония стала играть заметную роль в хозяйственной жизни Тираспольского уезда и всей Херсонской губернии. Трудолюбие колонистов, помноженное на благоприятные природно-климатические условия, покровительственная в первые годы политика царского правительства и организаторская роль сельской общины превратили Парканы в процветающее село.

Приведем некоторые данные за первые десятилетия:

Год	Семей	Лошадей	Коров	Овец	Свиней	Плугов	Мельниц
1805	24	4	29	—	—	—	—
1813	96	232	429	2511	126	61	—
1828	88	258	660	3104	40	43	3

Уменьшение некоторых показателей в 1828 году требует пояснений. Необычайно тяжелыми для колонистов оказались 1820-е годы. Засухи, небывалые наводнения 1820, 1821, 1828 годов, нашествие саранчи, падеж скота 1824–1825 годов довели многих парканцев до нищеты. Начавшаяся специализация крестьянских хозяйств тоже отразилась на показателях 1828 года. В численность коров включено и количество волов, остававшихся основной рабочей скотиной болгар. Несколько может удивить крайне малое число мельниц. В других болгарских и немецких колониях их было намного больше. К примеру, в Катаржице в том же 1828 г. была 21 мельница, а количество семей было больше лишь вдвое. Небольшое количество мельниц в Парканах объясняется близостью городов, особенно Бендер, где мельничное дело было хорошо развито. На обилие ветряков вокруг Бендер обратил внимание еще А. С. Пушкин, не раз проезжавший эти места. В эпилоге поэмы «Полтава», начинающемся со слов «прошло сто лет...», Пушкин так описывает современный ему город и его окрестности:

В стране, где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынныя раскаты,
Где ходят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил.

Цепкий глаз поэта отметил и большое количество ветряков, и основной крестьянский тягловый рабочий скот – волов (буйволов). Побывавший спустя 15 лет в наших краях А. Демидов поразился отсутствию в Бендерах «не только садов, но даже деревьев», но зато отметил «множество мельниц»¹.

Трудное начало хозяйственной деятельности парканцев еще больше возвеличивает те успехи, которых они добились в ближайшем будущем.

Формирование земельного фонда

Главным богатством парканцев, как и всех крестьян, была земля. Формирование земельного фонда колонии продолжалось около 25 лет и протекало довольно сложно. Сразу же после согласия императора Александра I на создание шелководческой колонии в Парканах в августе 1805 года Э.О. Ришелье отдал распоряжения уездному землемеру А.С. Шаржинскому о межевании земель для парканской колонии. К декабрю того же года предварительное межевание закончилось, и парканским поселенцам было выделено 1500 десятин удобной и 150 десятин неудобной земли². Значительная часть немногочисленного пока надела была занята хуторами тираспольских жителей. Пока шло разбирательство по поводу этих спорных земель инспектором по шелководству, первым парканцам были выделены участки днестровских плавней для выкорчевки и посадки там шелковичных и фруктовых деревьев. Первыми получили такие участки вблизи с. Бычок в Комаровой балке потомки запорожцев. Затем, участки стали получать прибывающие болгары от Бычка вдоль Днестра к Парканам.

В отличие от чиновников Министерства Внутренних Дел, Ришелье хотел видеть в Парканах полноценную колонию, то есть с отводом на каждую семью по 60 десятин земли. Это гарантировало бы колонистам безбедное существование и возможность маневрирования в хозяйственной деятельности. После принятия царского указа от 9 июня 1808 года полным ходом началась подготовка к Генеральному межеванию. Тираспольский уездный землемер Афанасий Семенович Шаржинский провел гигантскую работу. Просматриваю его черновики, написанные прямо в поле на обрывках случайной бумаги. Измерения, подсчеты, черновые наброски донесений. В итоге он нашел не только требуемое для Паркан количество земли, но и значительные излишки севернее Тирасполя.

30 сентября 1808 года А. С. Шаржинский, член опекунской конторы А. А. Розенкампфа в присутствии смотрителя колонии Бабича и старосты Стояна Никова провели межевание парканской земли. План парканской колонии и данные о количестве земли заносились в специальн-

ную межевую книгу. Она хранилась в сельском приказе как главный документ о принадлежащих селу землях. В земельный фонд Парканской колонии вошли:

Из казенных земель	– 2435 дес. удобной и 289 дес. неудобной земли.
Из тираспольских земель	– 3500 дес. удобной и 106 дес. неудобной земли.
Из малаештских земель	– 1585 дес. удобной и 170 дес. неудобной земли.

Итого, земельный фонд Паркан составил 7520 дес. удобной и 565 десятин неудобной земли³. План парканской земли напоминал сапог с захлестнутым вправо голенищем. Так родился знаменитый «парканский сапог», о причинах появления которого в селе до наших дней ходят легенды.

Удобную землю составляли:

пахотная земля	– 7350 дес.
фруктовые сады	– 59 дес.
шелковичный сад с домом	
инспектора по шелководству	– 11 дес.

Кроме этих угодий, под поселением колонии с огородами, садами и местом для выпаса скота было занято 67 десятин земли. В 1826 году из парканской земли было выделено для церкви 85 десятин пахотной и 30 десятин степной к сенокосу земли. 2 десятины было выделено таможенной заставе. Кроме того, в удобные земли были включены 24 десятины плавней и 3 десятины вербового леса.

К неудобным землям относились земли под церковью и кладбищем, под большими и проселочными дорогами, камышовыми местами и каменоломней, болотами и озерами, берегом Днестра и оврагами. Такое количество земли сохранилось за Парканами, с небольшими изменениями, вплоть до Октябрьской революции.

Парканские земли с севера на юг граничили с землей Малаешт, а с 1822 года с землями казенного села Плоское, с деревней Андроновка, далее с владениями помещиков Баранчи и ротмистра в отставке Джевицы Ковача, с землями, состоящими во владении Тирасполя и казенного села Терновка.

Тираспольским жителям была выплачена компенсация за изъятие в Парканах их хуторов. После указа 1808 года четыре сада с виноградниками, по взаимному согласию сторон, были временно оставлены за их прежними хозяевами. Один сад, недалеко от Терновки, принадлежал уже знакомому нам Авксентию Мандре, а три, к северу от села, – малаештским жителям Степану Родионову, Авксентию Маковскому и Прокофию Томе⁴. Сады были оставлены владельцам с условием, что впоследствии они будут проданы Парканской колонии и никому

другому. Однако А. Мандра нарушил договор. Продав свой сад тираспольскому помещику Г. Косенко, он уехал в Молдавию. Началась длительная тяжба парканских колонистов с помещиком. Штабс-капитан в отставке Григорий Косенко категорически отказался возвращать сад даже за выкуп. В 1815 г. начальник Одесской конторы иностранных поселенцев К.К. фон Лау совершил очередной объезд колоний Одесского водворения. Когда он прибыл в Парканы, староста колонии Иван Петров обратился к нему с просьбой о содействии, так как Г. Косенко не только не оценил сад, но даже и не приступал к его оценке, и «стесняет колонистов совершенно». Попечительный комитет подал в суд на помещика. Тираспольский уездный нижний земский суд 18 июня 1815 года постановил вернуть сад Парканам, а 2 сентября 1817 года, после очередной жалобы колонистов, подтвердил свое решение. Но не тут-то было. Косенко игнорировал решения суда и по-прежнему считал себя полным хозяином сада, находящегося на парканской земле. Лишь в 1831 году, после многократных жалоб и судебных разбирательств, сад наконец-то был передан во владение Паркан. В народной памяти он так и остался как «сад, отсужденный у помещика Косенко». Такую формулировку мы читаем в одной из ведомостей спустя 30 лет. До сих пор в селе можно услышать от старииков: «косенкува земя», «косенкув гёл». Правда, никто из старожилов уже не знает первоначального происхождения этих названий.

Спустя несколько лет после межевания спохватились бывшие владельцы парканских хуторов – жители города Тирасполя. Деньги, выплаченные в качестве компенсации за участки, закончились у многих на удивление быстро. И земли не было. Городские власти стали бить тревогу. Тирасполь того времени мало чем напоминал город. Основным источником доходов и существования большинства горожан были земледелие и скотоводство. Резкое ограничение земельных владений Тирасполя не на шутку встревожило местную администрацию. В ходе межевания по приказу Э.О. Ришелье городу была предоставлена лишь полагающаяся городам двухверстная «пропорция под выпас скота». За городской чертой, кроме парканских хуторов, остались 42 хутора и 24 колодца в Терновке, Суклее и Гребениках. Губернские власти потребовали от Тираспольского магистрата способствовать развитию в городе торговли и ремесел, приводя в пример Дубоссары, Григориополь и Одессу⁵. Однако Тирасполь настойчиво просил пересмотреть межевание и предоставить ему часть парканских земель. Прошение городской тройки руководителей – Черниговского, Сорокоумова и Калкатова⁶ – дошло до правительственные круги Санкт-Петербурга. Это был уже не первый

случай земельных неурядиц в южных губерниях, и 27 февраля 1820 года Александр I утвердил разработанные Государственным советом «Правила в разрешении казусов, встретившихся при производстве в Екатеринославской и Херсонской губерниях генерального размежевания земель». Особым пунктом в «Правилах...» подтверждался царский указ от 9 июня 1808 года и снимались претензии Тирасполя на парканскую землю⁷. В пояснительной инструкции российского правительства от 20 сентября того же года указано было, что Тирасполю «достаточно будет к показанному городу двухверстной на выгон пропорции»⁸.

Каждый новый Новороссийский генерал-губернатор, заступавший в должность, вынужден был рассматривать жалобу Тирасполя и назначать расследование. В 1823 году М.С. Воронцов отдает распоряжение о повторном размежевании земель. В 1826 году, в начале августа, в Тирасполь приезжает землемер Екатеринославской межевой конторы Иванов с целью «приступить к вымежеванию земли под колонию Парканы и снятию с оной плана согласно указа Правительствующего сената»⁹. После повторного обмежевания земельные владения Паркан были подтверждены и даже несколько увеличены. Парканский «сапог» сохранил за собой право на существование. Количество удобной и неудобной земли в 1828 году составило 8299 десятин 905 квадратных саженей. Земли у парканской колонии оказалось более чем достаточно. Вспомним, что Ришелье собирался заселить в Парканах 150 семей. По подсчетам высокопоставленного чиновника и автора книги «Наши колонии» А. Клауса в Парканах «могло быть водворено 135 семей»¹⁰. Но массового переселения, как известно, не получилось. А. Клаус отмечает, что в Парканах «было много излишков земли»¹¹. Оброчная статья, то есть резервный фонд на случай прибытия новых семей составил 2900 десятин (!). В 1824 году на каждую душу мужского пола в Парках приходилось по 85 десятин земли. Колонистам предоставлялась возможность широко использовать такое преимущество. В «оброчное содержание», то есть в аренду на 1–3 года, отдавались большие участки земли, как парканцам, так и другим желающим, что приносило немалый доход общественной казне.

К концу 1850-х годов земельный надел на одну душу мужского пола составил в колонии 12,5 десятин, то есть больше, чем в какой-либо другой болгарской колонии Новороссийского края¹³. Быстрый рост населения привел к дальнейшему снижению подушного надела. К концу прошлого века он составил 3,5 десятины. За все это время земельный фонд села не возрастал. В находившихся неподалеку немецких колониях земельные фонды пополнялись за счет так называемых «мирских капиталов». Все семьи регулярно выплачивали взносы в этот фонд.

Когда были исчерпаны резервы казенной земли, торговые агенты из немецких колоний постоянно разъезжали по Новороссии и Бессарабии в поисках представленных к продаже участков. Каждая новая немецкая семья получала свой обширный надел. В болгарских колониях, в том числе и в Парканах, такого дополнительного резервного фонда земли не было создано. Каждый из парканских колонистов решал свои проблемы сам, покупая или арендуй без участия общины земельные участки за пределами колонии. Еще в 1821 году купили себе земельные участки в Гребениках у помещицы А. Гаюсовой Зело Диордиев и Иван Петров и основали там свои хутора. В 1825 году Иван Гинков Обручков купил 300 квадратных саженей сада у малаштского жителя Саввы Чукурлана. В начале 1830-х годов взяли в оброчное содержание большие наделы в Бессарабии Тодор Пельтек и Петр Салабаш. Практика покупки и аренды земли продолжалась и в дальнейшем. Большие участки земли имели в Бессарабии или брали в аренду Обручковы, Градинар, Карназ, Братоевы, Николаевы и другие колонисты.

Хотя земля, переданная в парканский фонд, формально распределялась по колонистским семьям, истинным ее владельцем была община. Вся пахотная земля была разделена на категории в зависимости от ее качества и удаленности от села. В Парканах эти наделы назывались «клиниами». Всего таких клинов было 5. Каждый колонист имел в «клинах» свой надел. С интервалом в 12 лет земля перераспределялась между хозяевами. Часть пахотной земли на 3–4 года оставлялась свободной от обработки и называлась «толокой». По наследству передавались лишь сады, протянувшиеся вдоль Днестра, и, естественно, приобретенная за свой счет земля. Кроме лично колонистских, на резервной земле были разбиты «общественные сады», то есть принадлежавшие всей общине. Они сдавались в аренду как парканцам, так и иногородним.

К концу прошлого века в селе остро ощущался земельный голод. Случаи продажи земли и домов были крайне редким явлением. Земля в Парканах ценилась очень высоко, больше, чем где-либо в Тираспольском уезде. В 1913 г. во всей Парканской волости было зарегистрировано лишь 4 случая продажи земли общей площадью 8,59 десятин по цене 747 рублей за 1 десятину. В Гликстале, втором по дороговизне в уезде, земля в это же время продавалась по 550 руб.¹⁴. В годы первой мировой войны земля несколько подешевела. Но в Парканах был зарегистрирован лишь один случай продажи 1,08 десятины земли общей стоимостью 528 руб. Цена этого участка земли была на 200–300 руб. выше, чем аналогичные в других селениях Тираспольского уезда¹⁵.

К тому времени в связи с нехваткой земли сложившийся веками севооборот стал нарушаться. Все большая часть толоки ежегодно обрабатывалась и засевалась.

Шелководство

Основание Парканской колонии удачно совпало с повышенным интересом российского правительства к развитию шелководства, начавшему которому в России положил еще Петр Великий. Однако более пристальное внимание этой отрасли хозяйства стало уделяться лишь в конце XVIII века. 8 ноября 1797 года император Павел I подписал указ «О водворении в России шелководства». Первым инспектором по шелководству был назначен уже знакомый нам коллежский советник барон Маршал фон Биберштейн, изучавший шелководство в Персии.

Когда в начале 1804 года М. фон Биберштейн получил донесение из Тираспольского уезда об обнаруженной шелковичной плантации, он лично выехал в Парканы и затем доложил Министерству финансов о необходимости ее изъятия из местного управления. Биберштейн изложил свои соображения о том, «чтобы выстроены были там из остатков от суммы по шелководству сарай и избы»¹⁵. По замыслу центральных и губернских властей Парканы должны были стать базой для развития шелководства во всей Херсонской губернии. В колонии был заложен питомник, выстроен дом для губернского инспектора по шелководству. Далеко не праздный интерес к новой отрасли хозяйствования проявил лично Э.О. Ришелье. В 1807–1808 годах по его инициативе в Одессе появилось много шелковичных насаждений. Генерал-губернатор сам проводит агрономические эксперименты. «Я осмотрел сад одного молдаванина в несколько тысяч шелковиц, – пишет он Контениусу. – Я купил у него сотню, чтобы посадить в моем саду... Я опробовал, какие шелковицы приживаются лучше в разных типах земли».

Ежегодно инспектор Херсонской губернии по шелководству присыпал лично Ришелье донесения о состоянии дел во вверенной ему отрасли. В сводную ведомость включались все помещичьи имения, казенные села и колонии, где разводились шелковицы. Особым разделом шли Парканы. В отличие от всех остальных сел и колоний в ведомости указывался каждый парканский хозяин, начиная со смотрителя колонии и священника.

Во всей Херсонской губернии, по данным за 1813 год, было выделано шелка:

сырца – 4 пуда 17 фунтов 53 золотника
пряжи – 1 пуд 13 фунтов 48 золотников¹⁶

Основная часть этого шелка производилась в Парканах. 69 семей колонистов сдали шелка:

сырца – 3 пуда 17 фунтов 53 золотника

пряжи – 1 пуд 10 фунтов 48 золотников, то есть почти всю пряжу.

Абсолютное большинство шелка было выделано колонистами в своих хозяйствах. При казенном саде – лишь 5 фунтов шелка-сырца и 5 фунтов 24 золотника пряжи. Вклад колонистов в шелководство был неодинаков. В среднем каждый хозяин сдавал по 2,5 фунтов шелка-сырца. Встречались хозяйства, сдававшие и менее одного фунта, и, наоборот, намного превышавшие средний показатель. В том же 1813 году инспектору по шелководству Танскому представили:

Шелка-сырца	Пряжи
Мито Добров	6 ф. 24 зол.
Добри Митов Добров	5 ф. 48 зол.
Самойло Чумаченко	5 ф. 48 зол.
священник Николай Делов	4 ф. 70 зол.
	6 ф. 15 зол.
	2 ф. 27 зол.
	1 ф. 48 зол.
	2 ф. 48 зол.

27 парканских хозяйств вообще не занимались шелководством, и в ведомость не были включены.

Ежегодно в колонии высаживали все новые саженцы шелковицы. К старым 5310 деревьям с 1807 по 1812 годы было добавлено еще 16334 саженца. Высадка саженцев продолжалась и позже. Однако до предполагавшихся герцогом Ришелье 60 пудов шелка в год было фантастически далеко. Спустя 15 лет, в 1828 году в Парканах насчитывалось тутовых деревьев: у хозяев – 24971, в общественном саду – 3600. Шелка-сырца было сдано 4 пуда 3 фунта 82 золотника¹⁸. Как видим, прогресс за 15 лет незначительный. Правда, следует учесть, что колонисты сдавали не весь выделанный шелк. Часть его использовалась на собственные нужды. Из пряжи ткали полотенца, ткань для одежды себе и на продажу. Но причина слабых успехов в шелководстве была в другом. Уже в первые годы существования колонии парканцы все больше уделяли внимание другим отраслям сельского хозяйства: хлебопашеству, садоводству и виноградарству. Эти отрасли быстрее приносили доход, были менее трудоемкими. Государственные чиновники так и не нашли тех рычагов, которые бы заставили парканцев усерднее заниматься шелководством.

Разведением шелковичных червей, их кормлением и выделкой пряжи занимались в основном женщины. Иногда размоткой шелка занимались и мужчины. В нескольких документах 1815 года упоминается «разрабатывающий при казенном саде Васил Шелкомотальщик». В 1840-е годы – «казенного шелководства мастер Никита Бессонов». В 1870–1880-е годы размоткой шелка в Парканах занимался «ученик шелководства Г. Егоров»¹⁹.

Технология выкормки червей в течение всего прошлого столетия фактически не менялась. В этих целях хозяйка выбирала самую сухую комнату, червей кормили в основном на полу, но часто и на подоконниках, полках и печах. В Парканах существовали свои некоторые приемы в технологии шелководства. Перед завивкой червя комната огораживалась валиками колючей травы, в которой черви быстрее завивали коконы, так как им мешали передвигаться колючие шипы. Листья шелковиц для выкормки червя с каждого дерева собирались через год. В год отдыха ветви шелковицы обрезались очень коротко.

После отъезда Ришелье из России внимание губернских властей к развитию шелководства на Херсонщине, и в частности, в Парканах стало ослабевать. В Парканской колонии шелководство так и осталось подсобной отраслью хозяйства. Шелковая нить производилась грубая, неровная. В лучшие годы в селе выделялось до 6 пудов шелка.

Впоследствии губернские и колонистские ведомства вновь активизировали свои действия по подъему шелководства. В 1840-е годы наступил переломный момент для парканского шелководства. Казенный шелковичный сад, пришедший к тому времени в запустение, в 1842 году был передан в бессрочное пользование известному тогда на юге России специалисту-шелководу иностранцу Зомеро. Однако уже в первый год Зомеро предложил Попечительному комитету такие высокие закупочные цены на шелк-сырец, что комитет вынужден был отказаться от дальнейшего сотрудничества с ним. Государственный департамент по шелководству предложил парканскому обществу взять на себя содержание шелковичной плантации. 24 мая 1845 года парканцы собрались на мирскую сходку. Приехавший Председатель Попечительного комитета барон Розен был заранее уверен в ее исходе. Но жители Паркан, обсудив все «за» и «против», категорически отказались от такого «довеска». Плантация находилась в самом расстроенном состоянии, была значительно повреждена скотом и наводнениями. «Мы, колонисты, – записано в мирском приговоре, – озапасились своими тутовыми деревьями. Взять же и казенную на себя мы не согласны, ибо сие будет для нас обременительно и даже служит препятствием успехам по хозяйственной части»²¹.

В связи с отказом колонистов надзор за плантацией был поручен члену императорского общества сельского хозяйства юга России Н.А. Райко, известному специалисту-шелководу, имевшему в 18 верстах от Одессы образцовую шелковичную плантацию. Фанатично преданный своему делу, болгарин по национальности, Н.А. Райко не стал уговаривать парканцев пересмотреть свое решение, а взялся за обучение женщин и детей приемам шелководства²². Его усилия имели некоторый успех. Как в лучшие годы, выделка шелка увеличилась до 6 пудов.

В 1850 году Министерство государственных имуществ вновь предложило колонии взять плантацию на содержание. Но парканское общество снова высказалось против и выдвинуло встречное предложение: занять плантацию под усадьбы, хозяева которых будут специализироваться на шелководстве. Пять лет понадобилось властям, чтобы «переварить» неожиданное предложение парканцев. В 1855 году Попечительный комитет по делам иностранцев юга России вновь предложил Парканам взять казенную усадьбу на следующих условиях: парканцы получают право разбить на территории плантации 12 усадеб, но обязаны немедленно выстроить плановые дома. Казалось, победа уже за колонистами, можно соглашаться на предложение Попечительного комитета. Но в который раз поражаешься народной мудрости и предусмотрительности! Парканцы отказываются от таких условий, считая их неприемлемыми. Только в 1858 году шелковичная плантация была окончательно сдана под усадьбы на следующих условиях:

- 1) в первые три года колонисты обязаны построить дома;
- 2) в 4-й и 5-й годы они обязуются сдавать по 2 мерки коконов в год;
- 3) все остальные годы сдавать по 4 мерки коконов²³.

Так в Парканах при не совсем обычных обстоятельствах появилась новая улица, параллельная двум основным, та, что теперь называется Садовой.

Тяжба вокруг шелковичной плантации лишний раз убедила государственных чиновников в том, что шелководство в Парканах не является ведущей отраслью хозяйствования. Долгие годы сельскому приказу удавалось создавать в глазах начальства видимость благополучия шелководческой отрасли, так как должного учета сданного шелка, и особенно оставшегося для внутреннего потребления, не велось. В 1880-е годы в Парканах из 400 с лишним хозяйств шелководством занималось лишь 52. По подсчетам В.А. Бертенсона, в селе к концу века осталось немногим более 3000 шелковиц²⁴.

В 1890-е годы была предпринята еще одна попытка оживления шелководства в Парканах. Созданный при императорском сельскохозяйственном обществе юга России Комитет по шелководству стал организовывать в селе ежегодные показательные выкормки червей. В 1898 году по инициативе членов Комитета – парканского священника Ф. Делова и инспектора по шелководству Ф. Рачинского – в церковно-приходской женской школе было организовано обучение размотке шелка на трех станках, специально привезенных из Одессы. Размотке обучались сельские учительницы и 3 девочки. Главное же достижение Комитета по шелководству заключалось в том, что ему удалось найти постоянного покупателя сырья: фирму братьев Сапожниковых в Москве.

Оживление шелководства наблюдалось не только в Парканах, но и в других приднестровских селах. В Терновке, Кошице, Переястрове почти все хозяйства стали выкармливать червей. В 1914 году в Парканах таких хозяйств было 242 из 950-ти. В итоге они продали фирме братьев Сапожниковых 5 пудов 29,5 фунтов шелка на сумму 91 руб. 80 коп.

В 1913 году в Уманскую сельскохозяйственную школу был направлен Ф. Радулов, обучавшийся там приемам правильного кормления червей и размотки шелка. Но своих знаний этот парканец применить не успел. Началась первая мировая война и Ф. Радулов был призван на военную службу²⁵. В течение 1913–1914 годов Парканам и Терновке было отпущено 5200 саженцев шелковицы. Дальнейшему развитию шелководства помешали война и последовавшие за ней еще более трагические события.

Зерновое хозяйство

В первые годы существования колонии рынки сбыта продукции только создавались. Колонисты старались обеспечить всем необходимым прежде всего себя. По данным колонистских ведомостей за 1810 год, в Парканах выращивали озимую и яровую пшеницу, гречу, овес, ячмень, просо, картофель, горох, фасоль, бобы, чечевицу, коноплю, лен²⁶. Колония не только кормила себя, но и одевала, и обувала.

Но уже через несколько лет натуральное хозяйство Паркан уступает место товарному. Близость городов Бендера, Тирасполя, Кишинева и Одессы обеспечивала колонистам надежный рынок сбыта сельскохозяйственной продукции, с одной стороны, и дешевые предметы первой необходимости – с другой. Особенно привлекательной для колонистов была Одесса, ставшая основной базой Северного Причерноморья по вывозу хлеба за рубеж. Уже в первые десятилетия XIX века бывшая безлюдная Новороссия, вспаханная и окропленная обильным потоком колонистов и переселенцев из внутренних российских губерний, стала житницей всей Европы. Город-порт Одесса, благодаря хлебной торговле, рос как на дрожжах. В момент основания Одессы в 1794 году в городе, кроме военного гарнизона, насчитывалось лишь несколько десятков жителей. К 1816 году в Одессе проживало уже более 10 тысяч²⁷, а к середине века – более 100 тысяч жителей. В 1817 году Одесса получила статус «porto-francko», «вольного города», что еще более привлекало к ней деловых людей.

Благоприятные природно-климатические условия в Приднестровье обеспечивали высокие урожаи зерновых. По данным историка И.А. Анцупова, в 1814 году в Парканах было собрано более 2 тысяч четвертей зерна, в среднем на двор – по 22,5 четверти.

В переводе на более привычную нам систему измерения на каждый

двор приходилось около 4,5 тонны зерна. По указанию Попечительского комитета в каждой колонии строился «запасный магазин» – своеобразный неприкосновенный запас на случай засухи и других бедствий. Часть урожая оставалась в колонии в запасном магазине, часть для посева на следующий год, но все равно в Парканах оставалось по 20 четвертей излишков зерна на семью. Эти излишки шли на продажу²⁹.

В условиях такой высокой товарности зерна торговая Одесса заманчиво звала к себе парканцев. Собрав урожай зерновых, они нагружали свои подводы и группами приезжали на знаменитый одесский Привоз. Не всегда такие поездки заканчивались удачно.

1 ноября 1816 года по пути в Одессу в Кучурганской степи первая снежная буря обрушилась на три воза с зерном парканских колонистов Братана Степанова, Братана Неделкова и Ивана Николаева. Волы остановились и не хотели идти дальше. Лишь упряжка И. Николаева оказалась выносливее, и он благополучно добрался до кучурганского придорожного трактира, прихватив с собой товарищей. Немного отогревшись, Бр. Степанов и Бр. Неделков вернулись за своими возами и обнаружили, что большая часть воза Бр. Степанова оказалась пустой.

Но беды колониста только начинались. Он не только был обворован, но и обморозил правую руку и серьезно простудился. Братан Неделков и Иван Николаев продали свою пшеницу в Кучургана и вернулись домой, а Бр. Степанов еще три недели лежал в доме немецкого колониста³⁰.

Обширное зерновое хозяйство было характерно для Паркан вплоть до 1917 года. Большие резервы зерна в запасном магазине обеспечивали колонистам возможность с наименьшими потерями пережить неурожайные годы. Для этого достаточно было получить разрешение Попечительского комитета на открытие запасного магазина. К примеру, после засухи 1861 года сельская сходка обратилась к колонистскому ведомству с просьбой о выдаче из запасного магазина в ссуду хлеба. «В прошлом 1861 году, – записано в мирском приговоре от 27 февраля 1862 года, – урожай хлеба был совершенно плох, так что большая из нас часть покупает хлеб для продовольствия семейств, поэтому все почти хозяйства нуждаются в яровом хлебе, необходимом для посева по случаю весеннего времени и дабы не остаться на будущий год без хлеба. Мы более никаких средств не имеем, как только просить из нашего запасного магазина взаимообразно (взаймы – Г.П.) ярового хлеба... в количестве 103 четверти, 5 четвериков и 6,5 гарнцев»³¹. Колонисты для большей убедительности, конечно, сгустили краски, но, главное, добились своего. Зерно для посева под будущий урожай было выдано, тем более что в запасном магазине оставалось еще 362 четверти зерна.

Избыточные запасы хлеба еще не раз выручали парканских земледельцев даже в самые неурожайные годы. Как известно, в связи с сильным неурожаем в 1899 году в России разразился голод. Даже в этот кризисный год большинство парканских хозяйств справилось с трудностями самостоятельно. По данным Тираспольского уездного земства, лишь 23 парканским хозяевам из 626 была оказана помощь деньгами и хлебом. В соседней Терновке, где проживало в два с лишним раза меньше жителей, материальная помощь была оказана 28 хозяйствам³².

Трудолюбие земледельцев и плодородная почва обеспечивали парканцам самые высокие в Тираспольском уезде урожаи зерновых. Рассмотрим данные за ничем не примечательный 1902 год.

Собрано с 1 десятины в пудах:

	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Ячмень	Кукуруза	Рожь
Парканская волость	29,85	33,03	39,85	38,27	31,15
В среднем по уезду	22,08	24,20	30,96	31,98	23,6

Лишь по кукурузе Парканская волость уступила «пальму первенства» Малаештской волости³³.

Сеяли парканцы в основном пшеницу «карнаутку» и «суржик» – смесь ржи с пшеницей. Площади под посевами зерновых были всегда значительными. В 1916 году они составили 4995,74 десятины³⁴.

Тираспольский уезд, не считавшийся основным поставщиком зерна в Херсонской губернии, не только полностью обеспечивал себя хлебом, но и имел достаточно свободных запасов для продажи. В 1914 году в Тираспольском уезде

собрали	18.512.658 пудов хлеба
ушло на продовольствие	5.830.200
оставлено на посев	2.325.400
свободные запасы	10.367.058 ³⁵

Существенным был вклад парканцев, собиравших в год от 150 до 200 тысяч пудов хлеба. Число хозяйств по величине посева распределялось неравномерно. По данным за всю Паркансскую волость, 254 хозяйства из 1524, зарегистрированных в 1916 году, вообще не сеяли хлеб. Посевы зерна на площади до 6 десятин провели 846 хозяйств, от 6 до 19 – 358, от 19 до 40 десятин – всего 15 хозяйств³⁶.

Садоводство, виноградарство и виноделие

Соотношение зернового хозяйства с другими отраслями в Парканах верно подметил в начале XX века Н.С. Державин: «Хлебопашество является также главным занятием, но источником благосостояния здесь (в Парканах – Г.А.) служат сады; вместе с тем, почти каждый двор имеет свой виноградник; вино продается»³⁷.

Сразу же по прибытии колонистов в Парканы по распоряжению управляющего над шелководством каждому хозяину было выделено по равной части плавней для их расчистки и «заведения фруктовых или шелковичных садов»³⁸. Цветущие сады, растянувшись вдоль Днестра от Бычка до Терновки, стали гордостью парканцев и солидным источником их доходов. Раскорчевка земли всегда была делом нелегким, не зря в народной памяти Паркан сохранились предания об этой «битве» за новые участки земли.

К 1828 году в парканских садах насчитывалось 507 яблонь, 256 груш, 5349 слив, 751 вишня и 862 абрикоса. К 1841 году суммарная численность деревьев выросла до 20 тыс. Примерно такое количество деревьев сохранилось вплоть до 1917 года. Сюда не входит количество деревьев в приусадебных участках, также приносивших немалый доход крестьянам. Как правило, они не учитывались в статистических ведомостях.

По степени урожайности и вкусовым качествам фруктов парканские плавневые сады относились к садам первого класса. В середине прошлого века выращивалось до 6 ранних и поздних сортов яблок, 4 сорта груш, вишня, абрикосы, персики. Значительную часть фруктовых деревьев составляла слива: венгерка (чернослив), галдан, кадын, бардак («бардакви») и пруни³⁹. Большая часть фруктов продавалась в свежем виде в Бендерах, Тирасполе и Одессе. Слива, в первую очередь венгерка (чернослив) и галдан, продавалась в сушеном виде зимой.

Садоводство обеспечивало парканцам высокие доходы. Например, в 1860-е годы валовой доход с плавневых садов составил в год с одной десятины:

яблок	– 52,50 руб.
груш	– 44 руб.
слив	– 60 руб.
вишни	– 54 руб.

Цены на фрукты, в зависимости от урожайности года, колебались. Небывалые урожаи фруктов 1844, 1893 годов привели к такому падению цен и избытку фруктов на рынках, что крестьяне вынуждены были скармливать часть урожая скоту.

Однако такое случалось редко. Гораздо чаще парканцам приходилось бороться со стихией и в первую очередь с наводнениями. Чуть ли не ежегодно по 2–3 раза в год своим равный Днестр выходил из берегов и затапливал значительную часть садов. Наиболее поврежденные деревья выкорчевывали и сажали новые. Сильные наводнения 1820 и 1821 годов, когда вода стояла необычайно долго, усугубили и без того тяжелое положение парканцев. Урожай зерновых в те же годы из-за засухи тоже был ничтожным. Сильным и неожиданно быстрым было наводнение 1900 года. Вода начала прибывать 30 июня, сначала медленно, но в ночь с 3 на 4 июля она поднялась на две сажени и залила сады, виноградники и огороды. Созревшие фрукты собирали с лодок, а после спада воды – прямо в грязи.

<i>Пострадали</i>	<i>на сумму</i>
картофель – 70 дес.	3600 руб.
капуста – 50 дес.	5500 руб.
другие овощи – 50 дес.	6800 руб.
виноградники – 10000 кустов	8600 руб.
фруктовые деревья – 7500 шт.	5000 руб.

Общий ущерб составил довольно крупную сумму – 29500 руб.

Небывалое наводнение 1900 года имело и другие неожиданные последствия. Когда вода стала подниматься, масса рыбы устремилась на берег и здесь ее брали прямо руками. «Поймано было много крупных коропов, сомов и очень большое количество мелкой рыбы», – сообщал в своей корреспонденции священник Сергей Делов.

Обвалование Днестра помогало мало. Вода быстро размывала сделанные наспех дамбы. В 1913 году после очередного сильного наводнения сельская сходка постановила начать новое, более мощное обвалование Днестра. «Почти все взрослое население занималось выкорчевкой садов, погибших от наводнения, а также работали на утаревающей там дамбе на берегу Днестра⁴²», – сетовал один из уездных специалистов по садоводству. Он не смог собрать парканцев на лекцию по агрономии.

Значительную площадь в Парканах занимали так называемые «общественные сады», принадлежавшие всей колонии. Наряду с резервными пахотной землей, эти сады также входили в резервный фонд и отдавались в аренду колонистам и иногородним предпринимателям. 29 общественных садов содержал в 1860-е годы Тимофей Обручков, выплачивая сельскому приказу по 200 руб. ежегодно⁴³. В 1880-е годы значительную часть садов арендовали братья Карнис и братья Брачевы. Постоянно сдавался в «оброчное содержание» отслуженный у помещика Г. Косенко сад с озером.

К началу XX века каждая парканская семья имела по одной десятине садов и была вправе делать с ним что угодно: обрабатывать сама, отдавать в наем. Главное требование: не оставлять сад без присмотра. В противном случае сельский приказ отбирал сад у нерадивого хозяина и передавал другому колонисту.

Значительное место в дореволюционном хозяйстве Паркан занимали виноградарство и виноделие. Уже в первые десятилетия XIX века наметилась определенная специализация крестьянских хозяйств. Одни колонисты делали ставку на хлебопашество, другие – на садоводство и виноградарство. К 1821 году заметных успехов в виноградарстве добились Стоян Бахчеван, Влад Колов, Волкан Драган, Минчо Гайдаржи, Петко Райков, Стойко Димов, Тодор Киров. С каждым годом росло количество виноградников и число хозяйств, занимавшихся этой отраслью. Если в 1814 г. в Парканах насчитывалось всего 7230 виноградных кустов, то в 1828 г. уже 33195, а в 1841 – около 67000. Ранние сорта винограда продавали в Бендерах, Тирасполе и Одессе. Но в основном виноград выращивался для производства и продажи вина. В 1857 г. в Парканах собрали 11582 пуда винограда и продали 9160 ведер вина – больше, чем кто-либо в Тираспольском уезде. Площадь виноградников к тому времени составила 150 десятин. 73% всего произведенного вина было вывезено на продажу⁴⁵. Основным местом продажи вина был Тирасполь, где ежегодно 1 октября устраивалась специальная винная ярмарка. Вино сюда свозили со всего уезда и из Бессарабии. К примеру, в 1855 году на ярмарке было продано около 1000 бочек вина.

Вино выделялось невысокого качества. Часто крестьяне, чтобы успеть к ярмарке, собирали виноград, не дожидаясь его полного созревания. Выше ценился на ярмарке горовой виноград, то есть растущий на склонах, обладавший в отличие от плавневого большей сахаристостью.

В отличие от бессарабских болгар, топтавших по старинке виноград ногами, в Парканах для производства вина пользовались «тисками». Чаще всего выращивались непривитые сорта винограда. С начала XX века парканцы стали пользоваться услугами питомника, принадлежащего тираспольскому помещику Фишеру, имевшему образцовые виноградные плантации⁴⁶.

По данным за 1873 в Парканской волости под виноградники было занято 339 десятин земли, в 1883 году – уже 484. Точного учета виноградных кустов невозможно было провести, так как в Парканах было большое количество смешанных фруктово-виноградных садов. По подсчетам ученого Афанасия Погибко, побывавшего в 1873 году с инспекцией, в Парканах насчитывалось 883 1/3 десятины фруктово-виноградных садов и 284 десятины чистых виноградников⁴⁷, больше, чем в

любом другом селе Тираспольского уезда. Доходность одной десятины в том же году составила 300–400 рублей. Одно ведро вина продавалось в среднем за 1 руб. 50 коп.

В 1890-е годы парканские виноградники сильно пострадали от грибковых заболеваний. Тираспольское уездное земство упрекало парканских крестьян за их подозрительное отношение к появившимся эффективным средствам борьбы с мильдью: медному купоросу (тогда он назывался «парижской зеленью»), бордоской жидкости. Крестьяне опасались, что эти невиданные для них препараты попортят лозу. В Парканах и Терновке долгое время пользовались своим средством: смесью из нюхательного табака, карболки и керосина.

К началу XX века в селе заметно оживилось огородничество. Вместо старых деревьев многие парканцы стали разводить огорода. Заметно выросшие в численности населения Бендер и Тирасполя обеспечивали надежный рынок быстрого сбыта овощей. По сообщению «Сборника Херсонского земства» за 1900 год, в Парканах «....помидоры разводят в большом количестве, а рядом с ними – синие баклажаны, перец, морковь, петрушку, сельдерей, лук и бураки (свеклу – Г. А.)»⁴⁸.

Начало огородничеству в Парканах положил еще Никола Бахчеван, уже в первые годы существования колонии разбивший у себя большой огород, откуда продукция уходила в основном на продажу. Традиции Н. Бахчевана продолжил его сын Стоян. Уже тогда Стоян Бахчеван использовал на своем наделе «средства малой механизации». Известно, что в 1827 году он просил у Попечительного комитета ссуду в 200 руб. «на поправку машинного водометного колеса для полива капусты и прочих огородных растений в заведенном им огороде»⁴⁹, в чем ему и не было отказано. Затем такое водометное колесо появилось и в некоторых других хозяйствах. Называли его в Парканах «дулап».

Долгое время все отрасли парканского хозяйства развивались экспансивными методами, то есть за счет расширения посевных площадей. Но уже к концу XIX века стал ощущаться дефицит земли. Севодней, зерновых. Это стало общей бедой сельского хозяйства всей страны. Правительство приняло ряд мер для повышения эффективности крестьянских хозяйств. Императорское сельскохозяйственное общество юга России, земские учреждения всех степеней настойчиво добивались распространения передовых сельскохозяйственных знаний среди крестьянства. В Тираспольском уезде было создано несколько прокатных станций, где за небольшую плату земледельцы могли взять прокатные культиваторы, плуги, сеялки и другие механизмы. В селах, напротив, устраивались сельскохозяйственные курсы, где наряду с теоретическими знаниями крестьяне получали и практические навыки. Например, зимой 1914 года лекции уездного агронома С.Ф. Жулинского по виноградарству и виноделию собирали в Парканах по 80-150 человек. «Экзамену было подвергнуто 26 человек, хороших успехов показали – 16. После курсов было выделено крестьянам 18 прививочных ножей», – сообщил в своем отчете С.Ф. Жулинский.

Для пропаганды новых сортов сельскохозяйственных культур и новых методов агрокультуры с помощью земства устраивались показательные участки. Новая для парканцев культура люцерна была высажена на участках Ильи Степановича Гайдаржи, Ивана Петровича и Константина Тимофеевича Грудогло. Семена люцерны были выданы им в 1913 г. бесплатно.

Показательный виноградник с невиданной до тех пор в селе шпалерой и натянутой проволокой имел с 1910 года Ф. Радулов. Под наблюдением уездных специалистов он применял для опрыскивания медный купорос и бордоскую жидкость. В этих целях ему был предоставлен «ручной насос иностранной системы».

В самом селе тоже понимали, что хозяйство нужно уже вести по новому. На средства парканского общества на агрономические курсы были отправлены Павел Добров, Яков Обручков, Иван Киров и Кирилл Загарий. После своего возвращения каждый из них устроил показательные участки садово-огородных культур, оказывал помощь односельчанам. Дальнейшему переустройству парканского хозяйства помешала война.

Торговля и предпринимательство

Производя большую часть продукции на продажу, парканцы сами же стремились ее продать. Тем более рынки сбыта были рядом. Ездили торговать в строго назначенные базарные дни. В Бендеры – по понедельникам и пятницам, в Тирасполь – по вторникам и четвергам. Кроме того, в Тирасполе ежегодно устраивались три ярмарки продолжительностью по семь дней: Средопостная, Вознесенская и Покровская. Ярмарки так названы по событиям церковного календаря. Особенно впечатляющей была Покровская ярмарка, проводившаяся в начале октября каждого года. Сюда из близких и дальних колоний, казенных селений и помещичьих усадеб съезжались тысячи крестьян. На Покровской площади гудела многоязычная толпа. Велись оживленные торги, заключались сделки на следующий сезон.

Относительная близость таких крупных городов, как Одесса и Кишинев, не могла не привлечь предприимчивых парканцев. Особенно их притягивала к себе торговая Одесса.

Уже в сентябре 1817 года парканские колонисты Зело Диордиев и старшие сыновья Петра Стоянова Иван и Диордий Петровы подали прошение «о дозволении записаться в купечество по г. Одессе», выполнив за это немалые суммы: Зело Диордиев – 800 руб. 20 коп., а братья Петровы – по 500 руб. В июне 1822 года сын Радула Вельвича Василий уезжает в Одессу «для проискания себе по торговому промыслу службы»⁵². Напомню, что согласно «Уставу о колониях...» новоявленные купцы могли сохранить за собой статус колониста, но обязаны были платить уже двойные налоги: как колонисты и как купцы. Часть купцов-парканцев оставалась в Парках, другие уезжали в Одессу и постепенно теряли связь с колонией. Уехал из Парка Диордий Петров Степанов. В 1824 г. записался в купцы и уехал из колонии Пенко Николаев. После уплаты взноса купец 3-й гильдии имел право открыть в городе свою лавку и торговать в течение года любыми товарами на сумму не более 50 тыс. рублей. Вполне вероятно, что одесских купцов в Парках было больше, но они не оставили свой след в документах. Кроме Одессы парканские купцы встречаются и в других городах. В 1820-е годы имел свою лавку в Тирасполе беспокойный Самойло Чумаченко. В Кишиневе в те же годы купили себе дома и открыли лавки Велю Радулов и Кириак Папазов⁵³. Позже, в 1867 году, среди кишиневских купцов мы встречаем парканцев Якова Градинара и Диордия Продана⁵⁴.

Парканцам необязательно было выезжать со своей продукцией на рынок. К их услугам были и свои парканские купцы, и большое количество торговых агентов-оптовиков из Бендера, Тирасполя и даже Одессы. Кроме своих перекупщиков-односельчан в Парках, как и в других селах Приднестровья, постоянно проживали скupщики-евреи со своими семьями.

Тираспольский мещанин Янкель Савранский еще в начале 1820-х годов обосновался в Парканской колонии. Начал с аренды у парканского общества парома, затем купил в оброчное содержание винную лавку. Обзаведясь деньгами, он не раз брал у колонии в оброчное содержание крупные участки земли. В результате, во многом благодаря деловому сотрудничеству с Парканами, мещанин Я. Савранский стал купцом 3-й гильдии. После его смерти дело продолжила жена, Сурка Савранская.

Оптовые закупки фруктов и овощей проходили по определенным правилам. Чаще всего применялась «запродаажа урожая», когда хозяин продавал свой будущий урожай за определенную сумму и получал деньги вперед. Чаще всего запродажа проводилась на несколько лет. Это означало, что покупатель мог забрать один любой урожай с последующих 3-5 лет. Покупатель в таком случае сам выбирал себе урожай

тогда, когда появлялась завязь и было более или менее ясно, каким будет урожай. Кроме парканских, а также бендерских и тираспольских перекупщиков, в Тираспольском уезде закупкой урожая занимались крестьяне села Плоское. Помимо хлебопашства, значительная часть плосковцев имела хороших лошадей и занималась извозом. Обзаведясь «лишними деньгами», многие из плосковских возчиков предпочитали сами закупать товар и везти его на рынок для продажи. Крестьяне села Плоское, как правило, закупали сады только на один урожай, но платили дороже.

Сделки проводились на взаимовыгодной основе. Любые попытки мошенничества и недобросовестности строго наказывались. Иногда даже без помощи властей. Так, осенью 1830 г. за нечестную сделку парканский колонист Коста Градинар не сдержался и побил бендерского купца Моисея Гальперина. Жалоба нечестного торговца самому генералу И. Н. Инзову «о причиненных парканским колонистом побоях» и свидетельство от врача о «припадках от побоев сих чувствующих» не помогли. После проведенного расследования дело было закрыто, а К. Градинара уездный суд лишь пожурил, чтобы впредь не распускал руки⁵⁵.

Местные власти также следили за соблюдением «правил честной игры» в предпринимательстве. В Кишиневском архиве встретились любопытные документы 1822 года, напрямую не связанные с Парками, но весьма характерные для того времени: «О телесном наказании болгарина Хаджи и болгарина Степанова за продажу неполноценного недоброкачественного хлеба» и «О телесном наказании ремесленников за пьянство»⁵⁶.

Сложившаяся система хозяйствования в колонии давала парканской общине возможность широкого развития предпринимательства. Периодически сельский приказ выставлял на торги значительные участки пахотных земель, садов, рыбные озера, магазины, паром, камено-ломню. К тorgам допускались все желающие.

Проследим подробнее за ходом одной из таких торговых операций. Итак, 1 мая 1830 года истекал срок аренды Саботином Обручковым 400 десятин земли, взятой им в откупное содержание за 515 руб. Еще в ноябре 1829 г. в Тирасполе, Бендерах, Кишиневе, Одессе, Николаеве, Херсоне, в колониях Херсонской губернии появились объявления «Об отдаче в откупное содержание 400 десятин земли при колонии Парках». Земля эта примыкала к поместью отставного ротмистра Д. Ковача и владениям казенного села Плоское. Желающие участвовать в торгах присыпали свои заявки и объявляли о той цене, за которую они хотели бы взять в аренду парканскую землю. В ходе нескольких «переторжек» уточнялись позиции сторон, в сельский приказ стекались рапорта об

участии или неучастии в торгах. Наконец предварительная работа за- кончилась. 2 апреля 1830 года на окончательные торги явились три покупателя: тираспольская купчиха З-й гильдии Сурка Савранская, ти- распольский мещанин (впоследствии известный тираспольский купец) Фадей Матронинский и парканский колонист Неделко Николаев. В присутствии смотрителя колонии Д.И. Парули, старосты Стояна Кирова, выборных Петко Владова и Гено Гайдаржи, почетных стариков Волко, Вельвича, Ганю Обручкова, Мито Доброка, Аврама Митова Доброка, Владо Колева и Миле Николаева Карниза начался оживленный аукци- он. Опытная и знающая счет деньгам вдова недавно умершего купца Я. Савранского начала со стартовой цены 525 рублей. Ф. Матронинский предложил 550 руб. Н. Николаев, наверное, хотел ошеломить конку- рентов и назначил цену 580 руб. Но торги только начались. Соперники не хотели упускать свой шанс. Первым «сошел с дистанции» Ф. Матронинский, не сумевший преодолеть рубеж 700 руб. Осталь- ные два участника, прибавляя по 5–10 руб., продолжали свой очный поединок. Наконец раздался вздох разочарования Н. Николаева. Его окончательная цена – 745 руб., и он тоже отказывается от дальнейше- го участия в торгах. Последняя цена – 750 руб., всего лишь на 5 руб. больше (!), остается за С. Савранской. Тут же она подписала договор с колонией, на каких условиях берет в откупное содержание землю. Все участники торгов подписывают «торговый лист». Сделка состоялась. Довольная С. Савранская покидает сельский приказ, оставив в залог 250 руб. Остальное она будет вносить частями в течение года.

Примерно так же проходили и остальные торговые операции. Доход- ная часть колонии от этих сделок составляла приличную сумму. Близ- кие к городам и стоящие на важных путях сообщения, Парканы всег- да привлекали предпринимателей и торговцев. В аренду брались не только большие наделы, но и небольшие участки земли под магазины и мастерские. В марте 1848 г. в здании бывшего карантина парканское общество открыло магазин «по продаже говядины, дегтя, мыла, свечей и других продуктов»⁵⁸. Магазин был сдан в откупное содержание сна- чала семье Савранских, затем бендерскому купцу Мордко Чвердкею, платившему в год за аренду 135 руб. Впрочем это был не единственный магазин в колонии.

В течение почти 100 лет имела в Парканах свой магазин «по прода- же горячих питей» местная семья Радуловых. Винным магазином вла- дел сначала Веле Радулов, затем его сын Георгий, а после них – внучка Веле Радурова Мария Радурова. «Дядо Велю» построил самый боль- шой дом в селе. Он находился на месте нынешнего пивного ларька в центре Паркан, рядом с дорогой на Бендери. Часть дома была отведе-

на под магазин. Рядом с магазином находился большой подвал, куда то и дело бегали помощники за вином для проезжающих.

Небольшие магазины-закусочные, так называемые «полевые корч- мы», устраивались на парканской земле вдоль дорог Тирасполь-Бен- деры, Тирасполь-Малаешты, Тирасполь-Тея. Проезжавшие путники могли в них поесть, отдохнуть, покормить лошадей. Кишиневский ме- щанин Эссель Фуксман платил колонии в 1860-е годы по 53 руб. еже- годно за «содержание на парканской степи по дороге, ведущей из Ти- располя в с. Тея землянки с правом продажи в оной водки и вина и 10 десятин земли под выпас скота проезжающими людьми». В те же годы вдоль дороги Тирасполь-Бендери взял в откуп «у парканского обще- ства толоку под выпас проезжающими людьми скота» тираспольский мещанин Абрам Львовский⁶⁰.

Как уже упоминалось, в Парканах, по сравнению с другими колония- ми, было мало мельниц. Почти до самого конца XIX века в селе насчи- тывалось всего четыре ветряных мельницы. Три из них принадлежали парканцам: Ивану Карнизу, Константину Братоеву и Дмитрию Доброму, одна – бендерскому мещанину Касьяну Сомову. В начале XX века свои мельницы имели также Николай Стоянов, Иван Николаев, семья Об- ручковых. В 1913 году открыл паровую мельницу Петров Алексей Пла-тонович, купивший для нее «немецкий локомобиль системы “Флейсне- ра” № 6927». Эта мельница находилась в конце улицы Садовой. Другая паровая – вальцевая – мельница, принадлежавшая тираспольским ме- щанам, находилась на месте нынешней.

Желание получить дополнительные источники доходов заставля- ло парканцев пробовать силы в новых для себя сферах предпринима- тельства. Отдававшаяся внаем сельская почта постепенно перешла к парканцам. В 1860–1870 годы Василий и Сергей Стояновы имели хороших лошадей и за содержание сельской почты получали годовой доход до 500 руб. Впрочем, большинство парканских колонистов были непривередливы к лошадям. В отличие от немецких колоний, покупав- ших на конезаводах племенных лошадей для разведения, в Парканах пользовались чем придется. И все же отдельные любители породистых лошадей были и в Парканах. Кроме Стояновых, хороших лошадей держал Давид Степанов Хаджи, затем его сын Яков. Вырастив жеребят в 2–3-годовалых красавцев, семья Хаджи брала внаем сельскую почту или продавала лошадей на ярмарке. До сих пор в селе вспоминают, как за одну пару великолепных лошадей Яков Хаджи заломил фанта- стическую цену: 800 руб. И все же покупатель нашелся. Им был тирас-польский купец Хаимский, часто приезжавший по делам в Парканы.

Своенравный Днестр, приносивший немало бед парканцам, давал и немалые доходы. По инициативе сельского приказа Попечительный комитет разрешил колонистам вырыть в пойме реки два искусственных озера. Вода заполняла их во время регулярных разливов Днестра. Вместе с водой в озерах оставалось много рыбы. Эти два рыбных озера назывались в Парках «глами». Один «гел» находился недалеко от нынешней бани. Второй – на земле, отсуженной у помещика Косенко, недалеко от нынешней откормочной базы. Конечно, в наши дни от той рыбы, что когда-то водилась в Днестре, не осталось и воспоминаний. А. Мейер в своих донесениях Екатерине II писал, что в Днестре в большом количестве водятся сом, осетр, белуга, севрюга, чехонь, окунь, бычок. Рыбные озера сдавались в оброчное содержание и приносили доход в общественную казну. В 1850–1854 годы оба гела брали внаем парканский колонист Лазарь Маринов, после него на следующие четыре года по цене 16,08 руб. в год – Николай Карназ.

Уже через десять лет стоимость найма озер значительно выросла. В 1860-е годы бендерский купец Мендель Имас платил за озера по 40 руб. в год. В 1892 году доход в казну от рыбной ловли в Парках составил 145 руб. В те же годы озера в других приднестровских селах приносили доход намного меньше: в Коротном – 35 руб., в Глинном – 45 руб.⁶²

Доход с озер приносила не только рыба. Когда водоемы высыхали, не было участков плодороднее, чем дно этих озер с наносной илистой почвой. Старожилы рассказывают, что на этих участках все овощи росли как на дрожжах. С одного куста можно было набрать целое ведро картофеля. Помидоры были намного крупнее и сочнее. За обладание этими плодородными участками шла острая конкуренция между колонистами.

Предпринимательская деятельность сельской общины удивляет своей гибкостью и оперативностью. В засушливые 1860-е годы, когда Днестр заметно обмелел, в его русле образовался остров. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться сельский приказ. Остров тотчас же был отдан в оброчное содержание. Первыми его нанимателями стали Георгий и Матвей Обручковы.

В торговые сделки с парканским обществом вступали не только купцы и мещане Херсонской губернии и Бессарабии, но и приезжавшие «турецко-подданные» – болгары. Как правило, они арендовали приднестровские огорода ближе к Терновке и платили в 1880-е годы по 90 руб. за десятину⁶³. С обретением Болгарией независимости приезды болгар в Парканы участились. Известно, что в 1910–1914 годах два рыбных озера брали внаем подданные Болгарии Концев и Стоянов. За рыбным озером у бани так и осталось название «Стоянув гел». Этнограф

и историк Н.С. Державин встречался в Парках с А.Т. Концевым. Он брал внаем озеро на бывшей земле Косенко. Из-за созвучия фамилий некоторые старожилы называют озеро «Коценкув гел», связывая его с А.Т. Концевым.

«В Парках было мало бедняков...»

Уже не раз упоминавшееся трудолюбие парканцев, многоотраслевое хозяйство, плодородная почва, существовавшие долгое время излишки земли, близость городов и транспортных артерий, заведенное общиной подушное землевладение – все это обеспечивало высокий уровень жизни крестьян.

Восхищенно писал об утопающем в садах селе писатель А.С. Афанасьев-Чужбинский: «В Парках, кроме белых акаций, растущих по улицам, у многих болгар встречаются большие сады, изобилующие разнообразными плодами... Между ними я видел мало бедняков». Утверждения писателя не голословны. Летом 1858 года он несколько дней жил в Парках, побывал в нескольких десятках домов, ездил в поля и сады.

Посетивший все болгарские колонии южной России Н.С. Державин пишет о Парках как о селе, «отличающемся наибольшим благосостоянием населения»⁶⁴.

Для того, чтобы понять причины этого феномена нам придется отказаться от нескольких стереотипов, устоявшихся в нашем сознании.

Сtereотип первый: огульное охаивание всего дореволюционного прошлого. Наивные рассуждения многих краеведов о «полуниценском существовании» большинства населения в царской России не подкреплены фактами. Мы еще очень плохо знаем историю хозяйственной жизни дореволюционной России в целом и особенно ее окраин.

Сtereотип второй: «община – тормоз развития крестьянских хозяйств, сельского хозяйства в целом». Не берусь анализировать русскую общину. Но на примере парканской общины мы видим, что в отличие от многих болгарских колоний после отмены колонистского статуса она сохранила свое влияние на хозяйственную деятельность в селе. Не произошло заметного расслоения крестьянства, но не было и пресловутой уравниловки. Вплоть до революции 1917 года в селе сохранилось общинно-душевое землепользование. После отмены колонистского статуса парканцы первыми из болгарских колоний Тираспольского уезда отказались от подворного землепользования. В селе не стало безземельных семей. Через каждые 12 лет, начиная с 1874 года, земля перераспределялась по количеству мужских душ. Разумеется, такое

распределение тоже было не совсем справедливым. Обделенными оказывались семьи где родились, например, одни девочки. Но община предусмотрела и это. По воспоминаниям старожилов, село имело специальный «бабский фонд», из которого обделенные семьи могли при желании взять себе землю. По свидетельству Н.С. Державина, по переделу 1898 г. «земля в Парканах была поделена по 3,5 десятины на наличную душу. В этот надел входит 1 десятина сада»⁶⁵.

Стереотип третий: преувеличение значения столыпинской реформы в разрушении общины и расслоении крестьянства. Как известно, согласно реформе крестьяне получали право свободного выхода из общины с получением своего надела, отруба. Составной частью реформы было переселение крестьян-добровольцев на свободные земли Казахстана и Сибири. Однако процесс осуществления столыпинской реформы в различных регионах России изучен историками слабо. Весьма поверхностно изучен вопрос о влиянии столыпинской реформы на бывшие болгарские колонии. Как же осуществлялась реформа в Тираспольском уезде? Как она повлияла на жизнь Паркан? Попробуем разобраться.

Касаясь аграрных отношений начала XX века, многие специалисты не учитывают важный момент: проведение земельного переустройства по-столыпински было делом сугубо добровольным. Сельская сходка решала, начинать хозяйствовать по-новому или нет. Многие села выразились против реформы. Согласно данным книги А. Мофода «Русское землеустройство», написанной по горячим следам столыпинской реформы, число крестьян в Тираспольском уезде, перешедших к единоличному владению к 1 января 1912 г., составило менее двух процентов⁶⁶.

В 1914 году Тираспольский уездный землестроительный комитет опубликовал списки единоличных хозяйств, образованных при его действии с 1907 по 1913 годы. В этом списке нет ни одного парканского хозяйства, тогда как в селе Плоское таких хозяйств было 31⁶⁷.

Анализируя хозяйственную жизнь прошлого, помимо законов экономических и социальных, по-видимому, следует учитывать и вековые традиции, и психологию народов. Деление крестьян в болгарских селах на кулаков и бедняков по меньшей степени наивно. Это метко заметил Н.С. Державин: «Болгарская колония не знает того явления, которое называется кулачеством: здесь нет кулаков... Безземелка болгарин так или иначе изворачивается, но не идет в батраки к своему односельчанину»⁶⁸.

Разумеется, имущественное расслоение было, и это естественно. Оно бывает в любом обществе. И многоземельные, и малоземельные парканцы обрабатывали свои наделы сами. А главное, каждой семье гарантировался минимум земли, который ей предоставляла община.

27 июля 1893 года в Парканах была открыта волостная вспомогательно-сберегательная касса. Подозрительные парканцы вначале с недоверием отнеслись к новому и необычному для них учреждению. Сельское общество внесло основной капитал в кассу на смехотворно малую сумму: всего 600 рублей, намного меньше, чем крестьяне других волостей. Однако доверие к «банку», как называли сберегательную кассу парканцы, с каждым годом возрастало. Касса находилась напротив церкви. В начале XX века оборотный капитал Парканской вспомогательно-сберегательной кассы составил:

1901 г.	5419,37 руб.
1902 г.	5844,45 руб.
1903 г.	6292,72 руб.

Сумма оборотного капитала намного превышала аналогичный показатель других волостных касс Тираспольского уезда⁶⁹.

По инициативе земства в начале нынешнего века в селах стали создаваться сельскохозяйственные товарищества, кооперативы, артели. В казенных селениях Тираспольского уезда все больше единоличников вступали в кооперативы. Однако в Парканах с их общинно-душевым укладом землепользования эти формы объединения не прижились. Они просто дублировали бы работу общины. Зато крестьяне с заметным интересом отнеслись к другим, финансовым формам кооперирования. 15 января 1906 года было создано Парканское товарищество мелкого кредита, объединившее 1216 членов. Товарищество получило кредит от Государственного банка в размере 30000 руб. и от уездного земства – 20000 руб. Любой член объединения мог взять долгосрочную ссуду под небольшие проценты. На 1 января 1914 года в обороте Парканского кредитного товарищества было 14949,78 руб. В одном только 1914 году крестьянам было выдано 6800 руб. Сумма погашения на 1 января 1915 года составила 21799,78 руб. И снова эти показатели значительно превышали данные по другим кредитным обществам Тираспольского уезда⁷⁰.

Подведем некоторые итоги. В 1916 году в России была проведена Первая сельскохозяйственная перепись. Согласно ее данным в Парках насчитывалось 979 дворов, в которых проживал 5051 человек, из них – 2236 мужчин и 2875 женщин. В связи с тем что остальные данные приводятся за волость, укажу для сравнения аналогичные показатели Терновки: дворов – 514, жителей – 2463.

На 1 января 1915 г. в хозяйствах Парканской волости насчитывалось:

лошадей	1944
волов	116
коров и телят	2234
свиней	1847

Из 1524 хозяйств Парканской волости без всякой скотины было 286 хозяйств⁷¹. Следует учесть, что значительная часть лошадей была отдана на нужды войны. К тому же в 1914 году в Парканской волости наблюдался большой падеж лошадей из-за сапа.

Наиболее состоятельные парканские хозяева – Иван Николаевич Карназ, Иван Васильевич Карназ, Николай Стоянов, Николай Братоев, Сергей Обручков и другие имели по 30–40 десятин пахотной земли и до 10–15 десятин садов. Большинство же хозяйств имели от 5 до 10 десятин пахотной земли и от 1 до 3 десятин садов.

К 1914 году в селе имелось 4 школы, 2 паровых мельницы, каменоломня с постоянной добычей камня, сельская и волостная почты, 1 общественный и до 10-ти частных магазинов. Предприниматели из Бендера и Тирасполя имели в Парках не только магазины, но и мастерские по изготовлению и ремонту повозок и подвод, сельхозинвентаря, пошиву и ремонту одежды и обуви.

Несмотря на начавшуюся войну, хозяйственная жизнь кипела. Ничего не предвещало страшных перемен, которые ожидали парканцев через несколько лет.

VI. ПУТИ СООБЩЕНИЯ

В начале работы над книгой я не собирался особо выделять вопрос о путях сообщения. Но чем больше накапливался материал, тем острее ощущалась необходимость детальнее разобраться, как создавались и развивались транспортные артерии, какое влияние они оказывали на Парканы.

Дорога от Бендера на Украину существовала задолго до появления села. Ее протоптали кочевники своими табунами и средневековые купцы-авантюристы, отправлявшиеся в нелегкие и опасные путешествия в неведомые края. Помимо генуэзских купцов, у берегов Днестра появлялись торговые люди из других средиземноморских городов-республик. Итальянцы, греки, евреи, армяне были частыми гостями Тигины и звонкой монетой расплачивались с лодочниками за переправу на левый берег реки. Позже в причерноморских степях все чаще стали появляться обозы чумаков. Извоз был их главным промыслом. На берегах Азовского и Черного морей двух- и четыреххволовые упряжки чумаков загружались солью, рыбой и медленно брали по бескрайним причерноморским степям. Чумацкие тракты пролегали с берегов моря вглубь Украины, России, Молдовы. В столь опасное путешествие чумаки собирались большими группами. Они избирали своего вожака, повара. За несколько веков истории чумачества сложились своеобразный быт, традиции, песни большой группы людей. Не зря фамилии Чумак, Чумаченко – одни из самых распространенных на Украине.

Чумаки проложили через Парканы две дороги. Одну на Бендеры, а вторую вдоль Днестра на Дубоссары. Возродившиеся в 1805 г. Парканы стояли на почтовой дороге, официально носившей название Бендоро-Вознесенского почтового тракта или Бендоро-Вознесенской военно-транзитной дороги. Значение дороги намного возросло после присоединения Бессарабии к России в 1812 году. Дорога связывала два быстро растущих города – Одессу и Кишинев, два региона – Бессарабию и Новороссию, в которых бурными темпами развивалось сельское хозяйство.

Через Парканы проезжали и почтовые экипажи, и тяжело груженые обозы, легкие брички местных чиновников и кареты высокопоставленных особ. Когда становилось известно, что через Парканы проедет

кавалькада роскошных карет с царствующими особами, село заранее прихорашивалось, приводило в надлежащий вид дорогу.

Конечно, почтовые дороги начала XIX века далеки от нашего современного понимания дорог. Это были обыкновенные проселочные пути без какого-либо грунтового покрытия шириной от трех до четырех метров. По ним крайне тяжело было ехать в весеннюю и осеннюю распутицу. Однако уже тогда к почтовым дорогам предъявлялись определенные требования. Помимо верстовых столбов, обязательным атрибутом для них стали небольшие пирамиды из камня или прутьев на случай чрезвычайных обстоятельств¹. После того как вблизи Вознесенска произошел конфуз с царской каретой, застрявшей в грязи, вышел специальный императорский рескрипт. Александр I предписывал на всех дорогах Новороссийского края вырыть канавы для стока воды. До середины 1860-х годов ответственность за состояние дорог несли близлежащие населенные пункты. Натуральная дорожная повинность колонии Парканы заключалась в ремонте дорог на Бендерах и Дубоссары, строительстве и ремонте дорожных мостов, находящихся на ее территории. Дорожная повинность особенно возрастала во время частых войн и военных маневров.

Большое значение имели дороги для местных жителей. Особенно участок Бендера – Тирасполь. Связи двух приднестровских городов окончательно все более многообразными. В базарные дни жители окрестных сел везли туда сельхозпродукты, гнали скот на продажу. Ключевым звеном Одесско-Кишиневской дороги являлась переправа через Днестр. Вполне естественно возникает вопрос: как она осуществлялась и когда был построен первый мост через Днестр из Бендера в Парканы? Казалось, найти ответ будет несложно – факт не очень далекого прошлого. Однако в книгах и статьях историков и краеведов Молдовы время постройки бендерского моста дается разное.

Авторы «Очерков истории Тирасполя» несколько лукавили, когда писали о том, что большое значение «имел мост через Днестр у села Парканы, который связывал Тирасполь с Бендерами»². Из этой фразы непонятно, о каком мосте идет речь: о «плавучем мосте», как называли паром в начале XIX века, о наплавном или о стационарном. Не указывается и дата постройки моста, хотя речь в книге шла о первых десятилетиях XIX века.

В солидном исследовании «История народного хозяйства Молдавской ССР 1812–1917 г.г.» упомянуто о паромной переправе через Днестр и сообщается, что «до первой мировой войны на Днестре и Прутке отсутствуют мосты для автомобильного и гужевого транспорта»³. Небрежное обращение с фактами, а при их отсутствии – «домысливание» событий нежелательны в работе историков. Обнаруженные факты позволяют воспроизвести с достаточной степенью достоверности историю бендерско-парканской переправы.

Первая известная попытка сооружения стационарного моста через Днестр относится еще ко времени турецкого владычества. Периодически у самых стен крепости устраивались мосты из деревянных настилов, которые крепили к серии больших лодок. Это сооружение напоминало современный понтонный мост, но было не очень прочным. Известный русский художник М.М. Иванов, сопровождавший армию Г.А. Потемкина, на одном из рисунков запечатлел такой мост на Бендерской переправе. В январе 1770 года бендерский паша устроил пышную встречу татарскому хану Крым-Гирею, который возвращался в Каушаны после опустошительного похода по селам Приднестровья, Запорожской Сечи и южной России. В честь высокого гостя по приказу паши, несмотря на холода, был сооружен деревянный мост. Подъехав к нему, крымский хан заявил, что настоящему воину это баловство ни к чему. Он направил своего коня на тонкий днестровский лед. Растряянному паше, встречавшему хана в Парках, ничего не оставалось делать, как последовать примеру высокого гостя. Каждый раз, когда лед трещал под ногами коней, бендерский паша вздрагивал и с округленными от ужаса глазами искал спасительный правый берег Днестра. Неизвестно, был ли затем мост сожжен, разобран, или его снесло наводнением. Но когда в апреле 1770 г. армия графа Панина подошла к Днестру, моста уже не было.

В начале 1807 года, после сдачи турками Бендера, у стен крепости была налажена паромная переправа. Она стала важной составной частью Одесско-Кишиневской дороги, проходившей вдоль северных стен крепости. Паромная переправа находилась на втором повороте «днестровской подковы». Паром представлял собой деревянную площадку, располагавшуюся на 6–7 лодках, и был способен перевезти до 50 человек и 8 подвод. Переправа состояла из двух паромов, принадлежавших военному ведомству. Когда русские войска ушли на Дунай, паромы были разобраны⁵.

Однако потребность в паромах в мирное время ощущалась все больше. Вскоре бендерский предприниматель Георгий Казимир получил разрешение «учредить паромную переправу из двух паромов у Бендера противу Парканской заставы»⁶. Паромы вновь понадобились военным в 1813 году в связи с войной с Наполеоном для переправы войск, провианта и боеприпасов. Они были выкуплены у Г. Казимира и переданы в распоряжение Бендерского военного коменданта. От нещадной эксплуатации паромы быстро пришли в негодность. Приставленный к паромам бывший солдат Марко Дондук исполнял свои обязанности неохотно и неумело. Несколько раз по его вине паромы срывало с канатов и уносило вниз по течению.

В 1815 г. в Бендерах был доставлен новый паром из Криулян и передан городским властям. Но одного парома на столь оживленную переправу оказалось недостаточно. В 1820 году из Дубоссар пригнали еще один паром, который был выкуплен Попечительным комитетом и

передан в собственность Парканской колонии. Мирская сходка решила отдать паром в откупное содержание на четыре года тираспольскому мещанину еврею Янкелю Савранскому, который обязался ежегодно выплачивать колонии по 500 рублей. Доходы, поступавшие от найма парома, использовались на строительство церкви. Помимо денежной суммы в договоре с Я. Савранским были записаны и другие выгодные для парканцев условия:

1. Я. Савранский должен был содержать паром в исправности, причем не требовать компенсации за ремонт ни от казны, ни от колонии;

2. Парканские колонисты – и пешие, и с подводами – пользовались паромом бесплатно;

3. Сельский приказ сам устанавливал Савранскому таксу за провоз пассажиров⁷.

Паром был ненадежным средством переправы. Не раз во время непогоды канаты лопались и его уносило вниз по течению. Настоящим бедствием для переправы были наводнения. В XIX веке, когда взаимоотношения человека с природой не выходили за пределы разумного, Днестр был намного полноводнее. Как правило, два раза в год река выходила из берегов. Первый раз при вскрытии и начале ледохода в марте-апреле. Второй – в июне-июле после таяния снегов в Карпатах.

Почти ежегодно Днестр разливался так, что вода покрывала и паромную переправу, и карантин, и парканские сады. Живописное воспоминание о днестровском наводнении оставил кишиневский друг Пушкина писатель А.Ф. Вельтман. В марте 1821 года он получил предписание срочно прибыть в Кишинев, несмотря «на разлив Днестра». «Я отправился ночью, – вспоминает А.Ф. Вельтман, – подъехал к карантину Парканскому и увидел уже не реку перед собою, но море, и вдали крепость Бендера, как на острове. Лодки переправы были за наводнением. Убеждения карантинных чиновников подождать ночь не остановили меня. Стоя на почтовой телеге, я пустился вплавь, доехал счастливо до места переправы, но надо было еще грозить через реку паромщикам, которые были за рекой на островке, образовавшемся из кургана. Они не решались перевозить, но угрозы действовали: они приплыли на сплоченных двух лодках, и я переправился на островок, послал в Бендерах за лошадьми и снова вплавь доехал до нагорного берега»⁸.

Объем перевозок с каждым годом возрастал, и уже с середины 1820-х годов паромная переправа не справлялась с нагрузками. В разгар сезона обозы с грузами ждали своей очереди по несколько дней на обоих берегах Днестра. Назрела необходимость сооружения стационарного моста. В 1827 г. ниже крепости немецкий механик Александр Шеффер

«предпринял устройство постоянного моста через Днестр»⁹. Уже были возведены средние быки, то есть опоры, две арки, и на следующий год предполагалось завершить сооружение моста. Управляющий делами Новороссийского края и Бессарабской области граф Ф.П. Пален даже упрекнул бендерские власти в расточительстве из-за покупки нового парома. По мнению высокопоставленного чиновника, новый паром вскоре окажется не у дел. Ф.П. Пален отдал городу распоряжение как можно быстрее приступить к строительству дороги от моста в Бендерах¹⁰. Уже в августе 1827 года Бендерский магистрат докладывал о полном ходе полевых (земельных) работ по строительству дороги и ее «строгом уравнении с мостом»¹¹.

Аналогичное распоряжение о строительстве дороги последовало и в Парканы. 2 ноября 1827 года тираспольский уездный исправник распорядился приступить к «коснастке дороги новостроящегося моста от Днестра до Парканского карантина»¹². Такое безобидное, на первый взгляд, распоряжение на деле означало вырубку парканских садов, прилегающих к Днестру в районе строящегося моста. Можно представить себе состояние парканцев. Сады только набрали силу, и расставаться с ними было нелегко. На сходке колонисты решили не торопиться. А после давления на них со стороны уездного исправника сельский приказ убедил смотрителя Д.И. Парули обратиться за помощью к генералу И.Н. Инзову, Парули в донесении Главному попечителю сообщал, что «моста сего построено две арки, их следует затем накрыть помостом», и когда будет завершено строительство моста, еще неизвестно. Мост строился вяло, денег на это постоянно не хватало. Сам А. Шеффер уехал в Одессу. Едва ли мост будет готов до весны 1828 г., делал вывод Д.И. Парули. Он предложил Инзову не торопиться с выкорчевкой садов, а лучше «вместо поспешных ожиданий купить новый паром, как в Бендерах, или отремонтировать старый». Генерал И.Н. Инзов одобрил предложения парканского смотрителя и отдал распоряжение «прекратить преждевременную вырубку деревьев в колонистских садах»¹³. Дальнейшие события показали, что предусмотрительность парканцев была не напрасной.

27 февраля 1828 г. при вскрытии Днестра напором воды были разрушены все воздвигнутые сооружения¹⁴. Строительство моста отодвинулось на неопределенное время. Сады парканцев уцелели, однако злоключения вокруг переправы на этом не закончились. Еще 1 мая 1827 года истек срок оброчного содержания парома. Попечительный комитет и парканская колония объявили новые торги. Объявления были разосланы не только в Бендерах и Тирасполь, но и в ряд других городов. В итоге желающих арендовать парканский паром на новые четыре года оказалось трое: прежний наниматель Я. Савранский, бендерский

чиновник А. Дмитровский и бендерский купец С. Имас. Каждый из них предлагал условия найма парома одно выгоднее другого. Особенно старался С. Имас. Он уже взял внаем бендерский паром и теперь мечтал взять полностью под свой контроль паромную переправу.

Но уже в июне, узнав о строящемся мосте, участники предстоящих торгов стали срочно отказываться от своих предложений. Паром остался без хозяина. Прежний наниматель Я. Савранский согласился взять паром в «откупное содержание» на прежних условиях (500 рублей в год) еще на четыре года, но просил дать гарантию, что паромная переправа за это время не будет ликвидирована. Новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов, отвечая на запрос Савранского, пояснил, что такой гарантии дать не может. В любом случае, заметил М.С. Воронцов, на Днестре у Паркан будет мост. Или стационарный или плавной, подобный Дубоссарскому и Могилев-Подольскому. Савранский в ответ взялся арендовать паром только до конца сезона. 14 апреля 1828 года после вскрытия Днестра парканский паром был вытащен на берег. Присяжные старики по поручению сельского приказа осмотрели паром и сделали вывод о его полной непригодности: «Ни в дальнейшее использование, ни в починку паром не годится»¹⁵. Остатки парома и его оснастка были проданы с молотка, а вырученные деньги пошли на оружение каменной ограды вокруг недавно построенной церкви.

Между тем генерал Инзов медлил с покупкой нового парома на средства Попечительного комитета. Он надеялся на скорое сооружение моста. Эта медлительность дорого обошлась парканцам. В 1828 году началась новая русско-турецкая война. Нагрузка на паромную переправу резко возросла, а ее обслуживал только один паром из Бендера. В рамках натуральной повинности военные чины стали постоянно привлекать парканцев «для ремонта спуска к парому» и погрузки на него снарядов и орудий, «за что не имеют никакого возмездия и теряют, напротив, свое время для полевых работ», – сетовал Д. И. Парули¹⁶.

Видя проволочки с покупкой нового парома, сельский приказ сам нашел выход из положения. Он договорился с женой недавно умершего Я. Савранского «купчихой 3-й гильдии Суркой Савранскою» о новых, весьма выгодных для колонистов условиях содержания парома. Вдова гарантировала, что если ей «предоставлено будет содержание парома, то она выстроит онный из собственных средств и содержать его на прежних условиях, то есть платить парканскому обществу 500 руб. ежегодно, и сверх того, примет разработку берега без всякого участия со стороны колонистов, а с истечением четырех лет паром будет отдан безденежно в пользу парканского общества»¹⁷.

Такой договор снимал с парканцев сразу несколько проблем. От Главного попечителя требовалось только согласие. Но И.Н. Инзов снова ответил отказом. Он убеждал Парули и колонистов, что в связи с условиями военного времени вот-вот «правительство устроит там плавной мост». Договор с С. Савранской поэтому не дает, по мнению Инзова, никакой пользы колонистам. Главный попечитель постановил «признать полезным оставить устройство парома до окончания военной кампании»¹⁸.

В такой ситуации, по заведенному порядку, заботу о левом береге Днестра должна была взять бендерская сторона, как владелица единственного парома. Однако бендерские власти не торопились выполнять свои обязанности. Вся тяжесть обеспечения бесперебойной работы парома с левого берега Днестра в условиях военного времени легла на плечи колонистов. Тяжелые обозы с боеприпасами и провиантом быстро приводили в негодность песчаную дорогу к парому. Погрузочно-разгрузочные работы продолжались круглогодично.

Наступила пора весенних полевых работ 1829 года, а переправа, отвлекая от основных обязанностей большое количество людей, забирала много сил и времени. Вдобавок ко всему, командир третьего резервного полубатальона майор Величко в феврале того же года подал иск в суд на Парули и Парканский сельский приказ за якобы «чинимые ими помехи при переправе войск». Тираспольский уездный нижний земский суд рассмотрел дело по иску майора Величко, заслушал обе стороны и уже собирался оправдать парканцев. Но в марте в уездный суд поступило отношение приехавшего с инспекцией на переправу генерал-лейтенанта графа Витте «О неудовлетворительном состоянии парканской паромной переправы». В своем отношении граф Витте снова обвинил сельский приказ в недобросовестном выполнении натуральной военной повинности. Хотя истинная причина была на поверхности: не было второго парома. Но высокопоставленные чиновники не желали сознаться в собственном промахе.

В Тирасполе побоялись принимать решение, не соответствующее « духу военного времени ». Суд постановил подвергнуть Парканский сельский приказ штрафу и обязать увеличить количество людей для работ на паромной переправе. Но на этом конфликт с военными не закончился. Парканцы решили положить конец затянувшейся непосильной и несправедливой повинности. Мирская сходка постановила: в связи с началом полевых работ и с тем, что парканский спуск обязана обслуживать бендерская сторона, немедленно прекратить вообще все работы на переправе. Колонисты дали понять, что и в военное время каждый должен заниматься своим делом. И всесильное военное ведомство уступило. Командование забрало обратно свой иск из суда.

В апреле-мае 1829 года инспекционную поездку по местам, связанным с Дунайским театром военных действий, совершил высокопоставленный чиновник из Санкт-Петербурга А.Я. Стороженко, впоследствии российский сенатор и известный государственный деятель. Ему сразу бросилось в глаза неудовлетворительное состояние парканской паромной переправы. «29 апреля, — вспоминал впоследствии А.Я. Стороженко, — я подъехал к левому берегу Днестра... Переправившись на пароме, я узнал, что один только этот паром и служит устроеною переправою, около которой часто по несколько суток ожидают транспорты с казенным провиантом»¹⁸. Стороженко возмущался нерасторопностью местных чиновников. «Лучше устроить хорошую коммуникацию через Днестр, — писал он далее, — чем бросать деньги на строительство мостовых в Одессе, где все равно грязь»¹⁹. Закончилась война. Новый мост на Днестре так и не был построен. Парканские колонисты настояли на своем и С. Савранская взяла внаем паромную переправу на очередные четыре года на уже оговоренных условиях.

Вопрос о совершенствовании переправы через Днестр снова встал в повестку дня лишь во время новой Крымской войны. 22 марта 1854 года бендерская крепость была объявлена на осадном положении. Начались огромные строительные работы по укреплению крепости и наведению двух мостов через Днестр. Из всех уездов Бессарабии и Тираспольского уезда Херсонской губернии были стянуты крестьяне для производства земляных работ. Почти год парканцы исполняли эту тяжелую повинность и выделяли требуемое количество людей и подвод установленными нормами.

Военное командование жаловалось, что крестьяне из бессарабских уездов всячески избегали работ и очень часто сельские приказы присыпали в Бендерах стариков и подростков, которые неправлялись с установленными нормами.

Иначе обстояло дело с парканскими колонистами. На этот раз их интересы совпадали с интересами военных. Парканцы были заняты строительством дамбы и дороги от колонии до Днестра и проявляли при этом заметное рвение. Уже к июлю 1854 года наплавные мосты и дамбы были построены. Но работы по укреплению крепости продолжались до глубокой осени 1855 года. Особенно трудоемким было сооружение люнетов — огромных валов, воздвигнутых вокруг Бендерской крепости, с глубокими рвами впереди.

Большие строительные работы не могли не заинтересовать военных противников России. Французская военная разведка отправила вглубь России группу из 25 человек «для обозрения крепостей, местностей и прочего». Парканские колонисты проявили бдительность и с повышенной подозрительностью относились ко всем «чужакам», появлявшимся на левом берегу Днестра. 13 декабря 1854 года ими были задержаны

два французских шпиона Егор Кузьмин (он же Балтазар Штарк) и Михаил Яворский, которые были заброшены «для обозрения и снятия плана Бендерской крепости»²⁰.

Военное строительство в Бендерах нанесло невосполнимый ущерб парканскому лесу вдоль Днестра, откуда было решено рубить и доставлять хвост и колья для укреплений²¹.

Несмотря на все издержки, военные хлопоты имели и свое положительное значение. Между Бендерами и Парканами появилась более удобная переправа. Еще 30 мая 1854 года был подписан императорский указ о передаче наплавных мостов через Днестр в гражданское ведомство. Впоследствии остался лишь один мост, а второй разобран. Наплавной мост на плотах тоже не был лишен недостатков. Он наводился только в летнее время, тяжелые грузы быстро приводили его в негодность. Поэтому рядом с наплавным мостом по-прежнему ходил паром. На левом берегу Днестра было построено предмостное оборонительное сооружение со рвом. Ну, а главное — на обоих пологих берегах Днестра были построены дамбы, и теперь значительно приподнятая почтовая дорога, проходившая по гребню дамбы, предохранялась от затопления. Усилиями парканской общины от села до переправы дорога была шоссирована речным бульдозером. Кроме того, были построены два деревянных моста на каменных устоях. Первый мост был наведен через небольшой овраг и ручей, впадающий в Днестр. Второй мост был построен через ров перед оборонительным сооружением. Уже такой увидел дорогу в 1858 году А.С. Афанасьев-Чужбинский: «За деревней к Днестру тянутся сады и тут же между ними поемные луга. Через это место проходит почтовая дорога из Тирасполя в Бендеры, значительно возвышенная и с несколькими мостами на случай днестровских разливов»²².

Ответственность за состояние дороги и мостов полностью ложилась на колонистов. С 1865 года эта забота перешла в ведение Тираспольского уездного земства, что значительно облегчило повинности парканцев. Но и в дальнейшем община на раз предпочитала вместо уплаты дорожных налогов выделять необходимое количество людей на ремонтные работы.

Поистине революцией на транспорте в XIX веке стало строительство железных дорог. Быстро развивающиеся новороссийские губернии остро нуждались в совершенствовании своих транспортных артерий. Одной из наиболее важных была дорога с берегов Днестра к Одессе. Она позволила бы ускорить доставку хлеба из Бессарабии и левобережных колоний в Одесский порт. К 1845 году Бессарабия заняла первое место среди новороссийских губерний по валовому сбору зерна.

Еще в марте 1845 г. Новороссийский генерал-губернатор М.С. Воронцов представил в Комитет по железным дорогам при императоре Николае I доклад «Об устройстве конной железной дороги из Одессы в Тирасполь и колонию Парканы»²³. Однако дальше бумаг дело не пошло. Лишь в 1862 г. учредители Киевско-Одесской железной дороги обратились с ходатайством о разрешении открыть акционерную кампанию для сооружения железной дороги Одесса-Киев с ветвью к Днестру у Паркан²⁴. 15 января 1863 года по настоянию генерал-губернатора графа Коцебу российское правительство дало указание о «постройке 100-верстного участка от Одессы до Паркан с употреблением для работ нижних чинов армии».

Право строительства Одесско-Парканской железной дороги было предоставлено барону К.К. Унгерн-Штернбергу, который до этого уже занимался субсидированием строительства стальных магистралей юга России. В предложениях барона внимание царского правительства привлекала относительная дешевизна строительства. К.К. Унгерн-Штернберг предлагал строить железную дорогу, широко используя бесплатный труд солдат штрафных подразделений и осужденных за мелкие преступления гражданских лиц. Подобный способ строительства не раз критиковался в прессе того времени, и даже была опубликована книга главного оппонента барона – А.Д. Селиванова²⁵. Впрочем, нашлось и немало защитников, считавших, что правительство находится в большом материальном затруднении. «В такой момент, – писал «Одесский вестник», – явился барон Унгерн-Штернберг с ходатайством о разрешении ему устройства в виде опыта 100 верст от Одессы до Паркан, причем он просил отведения ему необходимого количества безштрафных нижних чинов, до того времени находившихся в полном бездействии»²⁶.

Строительство дороги шло тяжело. Понадобилось осуществить огромное количество земляных работ, чего раньше в практике сооружения железных дорог не встречалось. У российского правительства появились даже сомнения в целесообразности строительства дороги через Парканы с дальнейшей перспективой на Кишинев. На первый взгляд, Днестр являлся для железнодорожных строителей непреодолимой преградой. Дорога была доведена только до Тирасполя. 12 августа 1867 года по ней прошел первый поезд по участку Раздельная-Тирасполь.

Тем временем в феврале 1865 г. правительственный комитет железных дорог рассмотрел два варианта дальнейшего строительства дороги Одесса-Львов: один – от Паркан через Кишинев и Новоселицу, другой – от Тирасполя по левому берегу Днестра, где окажется удобнее направить путь на соединение со Львовом²⁷. Разгорелись нешуточные

споры, так как в первую очередь речь шла о миллионных вложениях капитала. 26 марта Совет Министров утвердил решение комитета о строительстве Одесско-Лембергской²⁸ дороги через Парканы и Кишинев.

Уже 3 июля 1865 г. в Кишинев и Тирасполь прибыли первые группы специалистов «для изыскания работ с инструментами и рабочими»²⁹. Главным объектом строительства Тираспольско-Кишиневского участка дороги были мост через Днестр и насыпь на левом берегу реки. В эти годы Парканы напоминали муравейник. К строительству гигантской железнодорожной насыпи К.К. Унгерн-Штернберг привлек не только несколько тысяч штрафников, но и объявил о широком найме крестьян с подводами и без них за приличное вознаграждение. На заработки в Парканы потянулись сотни крестьян из ближних и дальних сел. Такая гигантская стройка не могла не отразиться в народной памяти парканцев. Многие старожилы утверждают, что их предки участвовали в подвозе земли для насыпи. Н.К. Погорельский рассказывает о том, что его дед Макар с братом Василием нанялись на строительство самой насыпи.

Всем колонистам, чьи сады ушли под насыпь, была выплачена солидная компенсация. В семье Бахчеван сохранилось предание о том, что их предок Николай Бахчеван за полученную компенсацию купил себе участок даже большей площади. Кроме того, большие суммы были выплачены колонистам, чьи усадьбы также оказались под насыпью. Им были предоставлены для обустройства участки вдоль железной дороги. Так появилась в Парканах новая поперечная улица (ныне ул. Шевченко), названная в народе «Липканы». Очевидно, парканцы провели аналогию с недавним переселением жителей пригородного села близ Бендера. Во время строительства люнетов вокруг крепости в 1854 г. значительная часть села Липканы ушла под земляной вал. Жители получили компенсацию и были переселены в другое место.

Сооружение огромной насыпи полностью изменило ландшафт прилегающей местности. Насыпь закрыла собой остатки оборонительных сооружений, оставшихся еще со времен Потемкина, часть оврага и ручей, впадавший в Днестр. Выемка большого количества земли для насыпи изменила течение вышедших на поверхность грунтовых вод. Для их стока с южной стороны насыпи параллельно ей был прорыт канал к Днестру, а с северной стороны вырыта каменная труба. Изменился и участок дороги от Паркан в Бендери. Построенная в 1854 г. дамба получила продолжение на юг к строящемуся железнодорожному мосту. По мосту, кроме поездов, предполагалось пустить и гужевой транспорт.

В начале 1870 года бендерские власти, ожидая скорого окончания строительства железнодорожного моста, отказались от капитального ремонта наплавного моста. Уже к лету на переправе сложилась катастрофическая ситуация. Наплавной мост пришел в негодность, а бендерский и парканский паромы не справлялись с огромным потоком грузов. На обоих берегах ежедневно скапливались сотни подвод, экипажей и обозов. Бендерское уездное земство засыпало все вышесяющие инстанции просьбами о скорейшем вводе транспортной части моста³⁰. Руководитель строительства железной дороги барон Унгерн-Штернберг пошел навстречу. Железнодорожный мост был построен в рекордные для того времени сроки: за 17 месяцев. Уже 20 января 1871 г. состоялись испытания этого великолепного архитектурного и инженерного сооружения. Днестровский железнодорожный мост был поставлен на железных быках-устоях и имел три пролета общей протяженностью 107 метров. Высота сооружения от поверхности воды до рельсового пути составила 38 метров. Вес всего сооружения – 2191 тонна. Мост состоял из двух ярусов. На верхнем были проложены две колеи железной дороги, на нижнем ярусе был настлан «мостовой пол для обыкновенной экипажной езды». Ширина нижней проезжей части моста составила 6 метров. Испытание конструкции проводилось двумя особыми железнодорожными составами. Каждый из них состоял из четырех паровозов с прицепленными полными тендерами и четырех платформ, груженых рельсами. При испытании нагрузка на 1 погонный метр моста составила 3600 кг. Поезда передвигались поочередно по каждому пути, останавливаясь на каждом пролете по одной минуте. Затем оба поезда двинулись по обоим путям, обеспечив тем самым максимальную нагрузку на мост. «Результаты испытаний, – сообщал «Одесский вестник», – признаны технически блестательными»³¹.

В пятницу 22 января 1871 года в Парках с утра царило праздничное оживление. Поступило сообщение о том, что из Одессы в Бендеры на торжественное открытие моста выехал экстренный поезд с генерал-губернатором П.Е. Коцебу, «В 12,5 часов дня поезд прибыл в с. Парканы, расположенные по сю сторону Днестра, – сообщал подробности корреспондент «Одесского вестника», – к самому мосту, где уже были собраны представители местной гражданской и военной администрации, дворянства, земства, горожан и духовенства при многочисленном скоплении народа, весьма картинно усеявшего обе стороны реки»³². Парканцы преподнесли генерал-губернатору хлеб-соль, а бендерчане – ножницы на серебряном подносе. После того как П.Е. Коцебу разрезал ленточку, мост был окроплен святой водой, и все участники торжества прошли по нижней галерее на противоположный берег. Затем по верхнему ярусу под ликование публики проехал поезд генерал-губернатора.

Ажурный красавец-мост, наряду с крепостью, стал визитной карточкой Бендер. Во многих иллюстрированных изданиях конца XIX – начала XX века помещались рисунки и фотографии этого сооружения, долгое время служившего надежным средством переправы через Днестр. Впоследствии мост был взорван в годы гражданской войны, в 1935 году по нему было открыто железнодорожное сообщение. Но в годы Великой Отечественной войны мост снова был разрушен.

Открытие нижней, пешеходно-экипажной части моста позволило снять накопившиеся транспортные проблемы. Просуществовавшая более 65 лет паромная переправа оказалась лишней. Завершение строительства днестровского моста ускорило окончание работ на сооружении железной дороги Тирасполь-Кишинев. Строителям дороги пришлось выполнить около 7 тысяч куб. саженей земляных работ. Железнодорожная линия длиной в 66 верст 35 раз проходила через речки и овраги.

В воскресенье 15 августа 1871 года перед жителями Паркан предстало необычное зрелище. Из Тирасполя по огромной насыпи, сверкая на солнце, проехал разукрашенный флагами и цветами первый пассажирский поезд. Почетными пассажирами были строители дороги со своими семьями³³. Для обслуживания железной дороги на территории Паркан на расстоянии одной версты друг от друга вдоль дороги были построены три небольших здания, в которых поселились железнодорожники с семьями. Вначале это были прочные и ярко раскрашенные деревянные домики, а с начала XX века – каменные.

Железная дорога имела большое значение для дальнейшего развития приднестровского региона. Но несмотря на прогнозы многих чиновников, после открытия железнодорожного сообщения значение приднестровских грунтовых дорог не уменьшилось. Наоборот, возросла их роль в качестве подъездных путей к станциям Бендеры и Тирасполь. С 1865 г. забота о дорогах полностью легла на уездное земство. Ежегодно проводился мелкий ремонт, раз в 2–3 года полностью менялся настил мостов. В 1892 г. за ненадобностью был разобран мост через оборонительный ров, ведущий к старой переправе. Ров был засыпан. Остатки земляных дамб по обеим сторонам реки на втором повороте Днестра сохранились до сих пор. По ним шла дорога, огибавшая Бендерскую крепость с севера. Легко заметить и остатки той дороги, которая вела к двухъярусному мосту. На поворачивающей на юг дамбе теперь находятся вольеры для сторожевых собак.

В 1878 г. был разобран мост через овраг, а пролет засыпан³⁴. К концу 1870-х годов Днестр на первом своем крутом повороте существенно размыл берег и вплотную приблизился к дамбе. Возникла проблема, какие меры предпринять: укрепить берег или перенести дамбу. Первый

вариант был отвергнут как ненадежный. Уездное земство по согласованию с Парканским сельским приказом решило перенести дорогу на южную сторону железнодорожной насыпи и устроить с той стороны въезд на мост. Император Александр II подписал указ об отчуждении необходимого количества земли и выплате компенсации парканским жителям. После подписания указа губернское земство обратилось к управлению Юго-Западных дорог об оказании содействия. Но управление сочло невозможным перенос дороги. Министерство путей сообщения, куда обратилось за помощью земство, только подтвердило отказ управления Юго-Западных дорог.

Более четырех лет продолжалась бюрократическая волокита, велась вялая переписка между заинтересованными сторонами. За это время Днестр уже подмыл часть дамбы. По проекту инженера Соколовского было решено перенести дамбу на расстояние 20 саженей от берега. Пока шла новая переписка, в 1886 году на одном участке дамбу полностью размыло. Парканцы своими силами поставили барьер, фонарь и наладили обезд на месте прорыва. В 1887 г. началась постройка обходной дамбы. Селу за отчуждение садов было уплачено 2905 руб. 35 коп. Кроме нанятых земством строителей, в сооружении новой дамбы участвовали и парканцы. В 1888 г. ее строительство было закончено. Новая дорога была вымощена крупным булыжником, склоны дамбы обсажены вербой³⁵.

Наводнения еще не раз угрожали дороге. В 1909 г. вода подошла к дороге на расстояние не более одной сажени и около 60 метров от железнодорожной насыпи. В июне силами парканского общества было отремонтировано 70 саженей дороги и продолжено срочное обвалование Днестра³⁶. После наводнения размытый северный склон дамбы был восстановлен и укреплен каменными плитами, плотно подогнанными одна к другой. Ежегодно сельский приказ снаряжал нескольких парканцев для проверки и поправки каменного покрытия.

К началу XX века в Тираспольском уезде существовала хорошо развитая система почтовых станций с утвержденными маршрутами пассажирских и грузопассажирских экипажей. С полной нагрузкой работали маршруты Тирасполь-Бендеры и Тирасполь-Парканы³⁷. Тираспольская уездная земская управа еще в 1905 году всерьез рассматривала вопрос «устройства автомобильного сообщения Тирасполь-Бендеры и Тирасполь-Дубоссары»³⁸.

Рассказ о путях сообщения был бы неполным, если бы мы не коснулись судоходства и его роли в жизни Паркан. Историки XIX века были склонны приписывать заслуги в развитии судоходства на Днестре герцогу Э. О. Ришелье. Еще в 1809 г. Новороссийский генерал-губернатор обратился с запиской к императору Александру I с предложениями о

судоходстве по Днестру. В качестве примера Ришелье приводил факт торгового плавания на больших плоскодонных лодках в 1802 году от Развадова в Галиции до Маяк на Днестровском лимане.

Все же первые серьезные попытки регулярного судоходства по большей части русла реки были предприняты при другом генерал-губернаторе – М. С. Воронцове. В 1838 г. по его распоряжению начались изыскательские работы по организации «судоходства на Днестре на конно-бечевой тяге»³⁹. Работы по обследованию берега реки продолжались около 20 лет и не имели положительного результата. При М.С. Воронцове начались первые попытки плавания по Днестру пароходов. Купленные за границей пароходы «Князь Воронцов», «Днестр», «Луба», «Братец» и другие поочередно пытались совершить плавание до Тирасполя, но вынуждены были покинуть Днестр⁴⁰. Судоходству мешала сильная засоренность русла Днестра, и появившиеся пароходы вынуждены были ограничиться плаванием по лиману. В 1884 году началась расчистка русла реки с помощью землечерпалок, а в особых случаях, при наличии каменных порогов, применялся динамит⁴¹. После расчистки русла началось интенсивное судоходство по Днестру. К 1898 году по реке уже плавало 11 паровых судов и 329 непаровых, то есть паромы, плоскодонные баржи и галеры. Из днестровских пристаний наиболее оживленной была Варницкая, куда спускали на баржах пшеницу, а оттуда грузили в вагоны и отправляли железной дорогой в Одессу.

Хотя на пологом парканском берегу и была пристань, напротив Варницкой, но использовалась она мало. Например, в 1901 г. в Варнице было загружено 27 судов, разгружено 594, на плосковской пристани разгруженных судов не было, загружено – 37. В Парканах: загружено – 3, не разгружено ни одной⁴².

Зато пологий парканский берег использовался для зимовок легких барж. Ежегодно на берегу зимовало до 20 барж. Незадолго до начала первой мировой войны напротив крепости, рядом с железнодорожным мостом, на парканском берегу был развернут док для ремонта паровых судов и барж.

Дорога, дорога... Сколько исторических личностей проезжало по почтовой дороге через Парканы?! Кто проезжал с любопытством разглядывал из окошка кареты болгарскую колонию, а кто и не отдергивал занавеску. 4 апреля 1818 года из Кишинева в Тирасполь для смотра войск выехал император Александр I. Очевидцы вспоминали, что всю дорогу до Тирасполя он оживленно разговаривал со своим любимцем графом Аракчеевым⁴³.

21 сентября 1820 года на левом берегу Днестра, сидя в коляске, устало ждал парома прибывший в дороге и совсем разбитый от долгого пути в Кишинев молодой А.С. Пушкин. Признаться, хотелось найти хоть какую-то тоненьку ниточку, которая связала бы великого поэта с Парканами. Тем более, казалось, все к этому располагало. С 1820 по 1823 годы Пушкин 12 раз проезжал через Паркансскую колонию по пути в Одессу, Кишинев, Бендери. Более того, опальный поэт прибыл в Кишинев в распоряжение генерал-лейтенанта И.Н. Инзова как чиновник Попечительного комитета над иностранными поселенцами юга России. Уже по роду своей службы он обязан был бы хоть раз задержаться в болгарской колонии. Однако известно, что И.Н. Инзов не очень обременял А.С. Пушкина служебными делами, и поэту было поручено переводить с французского юридические трактаты для будущей, так и не принятой, Бессарабской конституции.

Зато в Парканах не раз бывал друг Пушкина по Кишиневу И.П. Липранди, назначенный офицером по особым поручениям при Новороссийском генерал-губернаторе. Липранди – прообраз Сильвии из пушкинской повести «Выстрел», человек с таинственной и противоречивой судьбой, герой русско-турецкой войны 1828–1829 годов.

16 февраля 1822 г. под «строжайшим караулом из Кишинева в Тираспольскую крепость» был отправлен еще один друг Пушкина – «первый декабрист» В.Ф. Раевский, человек незаурядного ума. Несколько лет спустя, 6 мая 1828 года, через Парканы в Тирасполь проследует приговоривший Раевского к пожизненному поселению в Сибирь император Николай I. Проезжал через Парканы и его преемник Александр II. Особенно тщательно готовились в Бендерах, Тирасполе и Парканах ко второй встрече «государя императора». О его приезде в конце сентября 1869 года было известно заранее, и уже за несколько месяцев до этого началась интенсивная подготовка к торжественной встрече. Были срочно отремонтированы дорога, наплавной мост. Еще за месяц до прибытия царя грузы направлялись на соседние паромы в Кицканы и Гура-Быкулуй. Участвующие в костюмированной встрече болгары и немцы из бессарабских колоний были направлены для сбора в Парканы – резиденцию смотрителя 3-го колониального округа Ф.П. Патерновского. Болгарские и немецкие колонисты в ожидании приезда царя были распределены по домам парканцев.

24 сентября 1869 года императорский поезд должен был подъехать по насыпи к недостроенному мосту. Здесь императора и его свиту ожидали 27 карет, специально собранных для этого случая из Кишинева и Одессы. Дамба и мост были разукрашены цветами и «эмблематическими украшениями». Паркансскую колонию лихорадило от многочисленных визитеров и проверяющих.

Тем временем отдыхавшая в Крыму царская семья изменила планы своих поездок. Внезапно заболела императрица, и Александр II ограничился визитом 8 октября 1869 года в Одессу. Императорскую яхту «Тигр» в морском порту «встречали местные власти и депутаты от всех болгарских и других колоний Новороссийского края»⁴⁵. Закончив отдых в Крыму, не заезжая в Бендери, Александр II отправился сразу в Царское Село.

Старожилы вспоминают, как встречали последнего российского императора Николая II. В мае 1914 года царь отправился в Кишинев на открытие памятника своему предку Александру I. Вдоль всего железнодорожного пути, пролегавшего через село, парканцы расставили празднично накрытые столы. Все надеялись, что императорский поезд обязательно остановится в Парканах. Но Николай II проехал мимо и сделал остановку в Бендерах.

Хорошо развитые средства коммуникации облегчили жителям Паркан доступ к Бендерам, Тирасполю, Кишиневу и Одессе. Колонисты совершали довольно частые поездки в эти города, особенно в близлежащие Бендеры и Тирасполь. Что же они представляли собой в начале XIX века? К сожалению, история двух приднестровских городов изучена недостаточно. Позволю себе несколько штрихов о Бендерах и Тирасполе первой половины XIX века.

После присоединения Бессарабии к России быстро росло население Бендер. Основную массу его жителей составляли евреи, молдаване, украинцы и русские старообрядцы. И. П. Липранди отмечал, что этот пестрый город в 1820-е годы был столицей ...фальшивомонетчиков юга России: «Фабрикация фальшивой мелкой монеты... подделка ассигнаций, паспортов и других видов. Чтобы запастись ими, стекались из отдаленных мест»⁴⁶, Первый наместник Бессарабии генерал Бахметев собирался перенести в Бендерах столицу области⁴⁷.

Долгое время тяжело складывалась судьба Тирасполя. Горожане занимались в основном сельским хозяйством и потеря в 1808 г. излишков земли чувствительно повлияла на их благосостояние. Русско-турецкие войны тяжело отражались на судьбе уездного города. Тираспольский госпиталь был переполнен больными и ранеными, жители города приходили в полное обнищание от бесчисленных военных постоев. Неизменной спутницей войн была чума. Несмотря на карантинные меры, из госпиталя она выходила на улицы города. В самый разгар войны 1828–1829 гг., 28 апреля 1829 года, побывавший в Тирасполе А. Я. Стороженко составил ему следующую характеристику: «Город самый плохой, бедность жителей, кажется, выглядывает сквозь ободранные крыши колыхающихся от ветру... избушек без всяких пристроек и даже плетней, горожей... Много жителей разбежалось от тягости постоев, бросивши дома свои»⁴⁸.

После русско-турецкой войны 1828–1829 г.г. положение Тирасполя было настолько тяжелым, что по распоряжению Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова от 25 сентября 1831 года начались поиски места для нового «уездного города вместо Тирасполя»⁴⁹. И все же город удержал свой уездный статус, правда, ценой разделения его на два уезда: Тираспольский и Ананьевский. Тирасполь медленно приходил в себя. К началу 1860-х годов в городе было 10 заводов: 2 салотопенных, 5 свечных, 2 кирпичных и 1 пивоваренный⁵⁰. Новую жизнь вдохнула в город Тирасполь железная дорога.

Впрочем, это только краткие зарисовки. Надеюсь, со временем о жизни двух приднестровских городов в XIX веке мы узнаем гораздо больше.

VII. ШКОЛА

Прибывшие в Парканы колонисты уже с первых лет своего поселения ощущали необходимость в грамотных людях из своей среды. Оживленная хозяйственная деятельность требовала составления различного рода документов, договоров, прошений. Некоторое время наличием языкового барьера объяснялся тот факт, что грамотных украинцев было больше, чем болгар. Константин Загарий, Иван Прусь, Федор Швец, Самуил Чумаченко и другие сами составляли необходимые документы. Среди первых болгарских поселенцев, знаяших грамоту, были единицы, да и то на них сразу же обращало внимание колонистское и уездное начальство и забирало на государственную службу. Среди колонистов-болгар в Парках выделялся Петко Райков, хорошо владевший русским языком и обученный грамоте. Другой грамотный колонист Николай Делов в 1811 г. был определен в сан священника.

Понимая важность обучения, отдельные колонисты давали своим детям домашнее образование. В документах 1820–1830-х годов мелькают характеристики молодого поколения парканцев с примечаниями «грамоте обучен». Дали образование своим сыновьям Р. Вельвич, С. Чумаченко, М. Карназ, С. Братоев, М. Добров.

Развитие товарных отношений в деревне, увеличение ее контактов с городом вызвали заинтересованность государства в распространении начального образования на селе. По инициативе Министерства государственных имуществ в 1838 г. был принят царский указ об учреждении в каждом казенном селении приходских училищ для подготовки мальчиков к должности волостных и сельских писарей. Открытие училищ вменялось в обязанность сельским священникам и почетнейшим жителям. Выход в свет указа совпал с переходом Попечительного комитета по делам иностранных поселенцев юга России из ведения Министерства Внутренних Дел в ведение Министерства госимущества. Попечительный комитет задался целью открыть «народные училища» во всех колониях. К 1842 году были разработаны специальные «Наставления о главных правилах для сельских школ в колониях»¹. Согласно этим наставлениям дети колонистов должны были обучаться чтению, грамматике, чистописанию, арифметике, Закону Божьему и церковному пению. Школа должна была содержаться на средства колонистов. Учителю сельский приказ платил жалование из общественной казны.

В том же 1842 г. Парканская мирская сходка «учинила приговор» об «учреждении сельского училища для обучения детей российской грамоте»². Однако занятия в школе начались лишь в 1844 году. Именно тогда, в августе, архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил отдал рапоряжение о назначении парканского священника Якова Делова наставником парканского приходского училища. Сельский приказ определил Я. Делову годовое жалование в 140 руб.

Обучение в школе продолжалось в течение года. Если ученик не сдавал выпускного экзамена, то он обязан был повторно пройти курс обучения. Из учеников, показавших отличные успехи, учитель должен был отобрать кандидатов «для определения по времени к должности сельских писарей и учителей...»³. Ежедневно занятия начинались и заканчивались небольшими молитвами. Хотя согласно «Наставлению...» посещение школы было делом добровольным, в школе велся строгий учет посещаемости учеников, и за пропущенные по неуважительным причинам дни родители обязаны были платить штраф. В первые годы работы приходского училища парканцы отдавали туда своих детей неохотно. Даже малышам 7–8 лет дома тоже находилась работа. Но решительные меры Попечительного комитета и сельского приказа не замедлили сказаться. 7 июля 1847 года решение сходки «О принуждении колонистов колонии Парканы к отправлению детей в школу»⁴ стало решающим поворотом к регулярной посещаемости приходского училища. В 1859 году в Парканах обучалось грамоте 42 ученика⁵. Взыскиваемые регулярно штрафы сельский приказ использовал на нужды школы. В школе поддерживалась строгая дисциплина и допускалось телесное наказание учеников. В школьной документации имелась даже специальная тетрадь «записи учеников, подвергшихся телесному наказанию». При всем старании колонистских чиновников болгарские колонисты всячески противились обучению девочек.

В первые годы своей педагогической деятельности молодой священник Яков Делов старательно выполнял свои учительские обязанности. Но со временем основная должность священнослужителя все больше отвлекала его от школьных занятий. На время своих частых отлучек за небольшую плату отец Яков стал оставлять вместо себя в школе юношей-семинаристов, дьячков, других церковнослужителей, а иногда и совершенно посторонних лиц.

Парканцы ревностно следили за тем, куда уходят их взносы за школу. Они были недовольны тем, что священник «нанимал; всегда от себя за ничтожную цену в помощники себе людей, совершенно не понимающих дела обучения детей, чем самым довел общество до крайнего и весьма справедливого негодования»⁶. Богобоязненность и уважение к

церкви не помешали парканцам вступить в длительный конфликт с отцом Яковом. Смотритель болгарских и немецких колоний Епихин одобрил действия сельского приказа и отметил, что и дальнейшие претензии парканцев к состоянию школьного дела были вполне обоснованными. Дело в том, что по предложению благочинного священника И. Анфинникова Яков Делов передал обучение детей дьячку Парканской церкви Даниилу Попельницкому. Между тем выбор оказался крайне неудачным. Сын священнослужителя Д. Попельницкий в свое время так и не поступил в духовную семинарию. К своим 30 годам он поменял уже не одно место службы, пока в июне 1852 года не был определен дьячком в Парканскую церковь⁷. Педагогические способности Попельницкого оказались еще ниже, нежели его способности к богослужению. Свое неумение работать в школе парканский дьячок компенсировал необоснованным рукоприкладством, чем вызвал справедливое негодование родителей. «В последнее время, – докладывал смотритель Епихин, – дьячок Попельницкий, – забыв свой сан и долг службы, открыл погреб для продажи виноградного вина несобственного производства, за что и состоит ныне под надзором»⁸. Незадачливый «предприниматель» был наказан не только гражданским судом (крупный денежный штраф), но и судом церковным, что было для него более ощутимым. Попельницкий был лишен звания дьячка и до конца своих дней состоял в должности псаломщика Парканской Святомихайловской церкви.

Возмущение Парканского сельского приказа состоянием школьного дела заставило Попечительный комитет пересмотреть свои позиции к организации обучения детей в колониях. Смотритель Епихин в своем рапорте напомнил комитету, что согласно пункту 2 «Наставлений о главных правилах для сельских школ в колониях», сельские общества сами нанимают учителей для сельских училищ и лишь утверждаются Попечительным комитетом. А «вмешательство в это дело духовного ведомства, – продолжал смотритель, – есть для меня обстоятельство совершенно новое»⁹.

В феврале 1860 года наставником (учителем – Г.А.) парканского сельского училища Попечительным комитетом был назначен бывший семинарист Ефим Чепиговский. Херсонская духовная консистория на этот раз ограничилась лишь рекомендациями и предложением кандидатур, а право решающего голоса в назначении учителей с этих пор оставалось за сельским самоуправлением и Попечительным комитетом. 19-летний Е. Чепиговский учительствовал в Парканах недолго: лишь до конца учебного года, а затем перевелся в свое родное село Малашты. Уезжая, Чепиговский рекомендовал сельскому приказу на свое место молодого семинариста Хрисанфа Дубневича. Выбор оказался

удачным, и скучные на похвалу парканцы были очень довольны работой нового наставника в 1860–1861 учебном году. «Со временем поступления Дубневича обучение детей в Парканском сельском училище видимо улучшилось», – замечает Епихин. Но растущий авторитет юного педагога, видимо, встревожил отца Якова. Он написал несколько докладных в Одессу – в резиденцию Херсонской духовной консистории, которая отозвала Х. Дубневича в свое распоряжение. Конфликт между наставником школы и парканским священником остался за строками официальных документов. Что явилось поводом для разногласий, мы не знаем, однако сельский приказ и смотритель колоний Епихин заняли сторону Х. Дубневича, и «потому удаление его, о коем домогается священник Делов, принесло бы для Парканского сельского училища большую потерю». На время отсутствия Дубневича сельский приказ счел лучшим выходом не передавать школу снова отцу Якову, хотя он этого добивался, а закрыть ее. Ученики были распущены по домам до прибытия Дубневича из Одессы, а здание школы опечатано сельским приказом.

Однако Хрисанф Дубневич в Парканы уже не вернулся. Херсонская духовная консистория сообщила Попечительному комитету, что он «уволен от сей должности и на место его определен наставником в Парканское сельское училище уволенный из среднего отделения Херсонской семинарии Павел Головченко»¹⁰. Как видим, церковь снова заявила о своих претензиях на главенствующую роль в решении кадровых вопросов в школе. Дело было уже не в педагогических способностях П. Головченко, а в принципиальном споре: кто кого? После окончания 1861–1862 учебного года сельский приказ отказывается от продления договора с консисторским «протеже» и приглашает в школу, вообще светское лицо – бендерского мещанина Петра Горбоненко¹¹.

Своеобразная «дуэль» за умы детей между отцом Яковом и колонистами закончилась победой последних. Удивительным образом она предвосхитила процесс тотального конфликта между духовным ведомством и светскими учреждениями всей России, имевший место во второй половине 1860-х годов.

П. Горбоненко пробыл наставником в Парканском училище с 1862 по 1864 годы. В 1864–1865 учебном году в училище был приглашен Кирилл Ситницкий¹². Новый наставник, в отличие от своего предшественника, предпочел поселиться в Паркахах и учителяствовал здесь ряд лет.

14 июня 1864 года было утверждено Положение о начальных народных училищах. Начальное образование стало заботой местного земства. Главным препятствием в отстранении духовенства от народного образования была нехватка учительских кадров. Но ситуация из-

менилась, когда в России началось создание учительских семинарий. К 1880 году их было уже 45¹³. Министерство просвещения объяснило открытие этих профессиональных учебных заведений «нерадением сельского духовенства к народной школе».

В целях повышения интереса к народному образованию российское правительство предприняло ряд шагов, поднимавших авторитет учителя. Еще в 1863 г. учителя народных училищ и лица, окончившие уездные училища, освобождались от телесного наказания. В 1870 г. учителя освобождаются от рекрутской и других натуральных повинностей.

В 1877 г. после упразднения Попечительского комитета и отмены колонистского статуса Министерству народного просвещения были переданы болгарские школы Новороссийского края. Учительские кадры для них «ковались» главным образом в Байрамчинской учительской семинарии Аккерманского уезда. В Байрамче среди воспитанников семинарии все чаще встречаются и «крестьянские дети», а также выходцы из болгарских колоний и непосредственно из самой Болгарии. После окончания Байрамчинской учительской семинарии в 1878 году в Терновку и Парканы приехали полные надежд и больших планов Георгий Дачев Куванжиев и Иван Александров Пасат¹⁴. Скудость документальных сведений о них не дает нам возможности узнать о их вкладе в школьное образование Паркан.

Многие годы в селе проработала – сначала помощницей учителя, затем учительницей – Ольга Николаевна Басюлова, женщина с тяжелой судьбой, рано лишившаяся родителей. Круглая сирота, с двенадцати лет она была отдана в приют на воспитание. В 22 года Ольга Басюлова поступает в Одесское духовное училище. После его окончания она приезжает учителяствовать в Парканы, приобретает здесь «вторую родину» и душевное успокоение.

Постепенно к концу 1880-х годов школа приобретает все те черты, без которых мы сегодня не представляем себе современную школу. Совершенствуется методика преподавания, школа все больше снабжается книгами, наглядными пособиями, мебелью. Для многих читателей, наверное, будет откровением узнать, что уже тогда существовали курсы повышения квалификации учителей. Учителя получали жалование от казны, причем с солидными надбавками за педагогический стаж. Уездное земство предоставляло учителям на время отпуска бесплатные путевки, выплачивало компенсации тем, кто жил на квартирах. Годовое жалование учителя конца XIX века без надбавок составляло 300 рублей, что по тем временам обеспечивало приличное материальное положение.

Как же дальше взаимодействовали школа и церковь? Еще несколько раз Синод пытался добиться от российского правительства передачи всех народных училищ духовному ведомству. К середине 1880-х годов вопрос окончательно решился. В 1884 году было разработано новое Положение о церковно-приходских школах, ставших первым начальным звеном образования, доступным для всех детей.

В 1889 г. в Парканах была открыта церковно-приходская школа для мальчиков, а в 1892 году – для девочек. Надо отдать должное священнику Ф. Делову, сумевшему убедить большинство парканцев в необходимости обучения девочек. Находилась церковно-приходская школа на месте производственного корпуса нынешней школы-интерната. Хотя церковно-приходские школы (в дальнейшем – ЦПШ) и подчинялись Синоду, но содержались за счет государства и парканского общества. В начале XX века на содержание ЦПШ ежегодно отпускалось:

школе для мальчиков: от казны – 780 руб., от села – 380 руб.

школе для девочек: от казны – 780 руб., от села – 70 руб.¹⁵

Взаимоотношения земства и церкви принципиально меняются. Теперь уже духовенство для поддержки высокого уровня преподавания приглашает работать в ЦПШ светских лиц.

Высокий материальный уровень жизни учителей, приличные условия для работы привели к значительному снижению текучести кадров из сельских школ. К началу XX века в Парканах создаются стабильные учительские коллективы. Более двадцати лет проработал в Парканах Филипп Герасимович Гроза. Впервые его имя встречается в документах еще в 1869 г. Приезжавший с инспекционной проверкой профессор Новороссийского императорского университета В. И. Григорович отмечает Ф. Грому среди лучших учеников Тираспольского уездного училища.

С 1 сентября 1880 года пришла в Парканскую земскую школу Екатерина Петровна Бадюл и проработала в селе более 40 лет. На ее женские плечи легли нелегкие испытания военного лихолетья и неспокойных 1920-х годов. С 1908 года пришла работать в Парканскую земскую школу № 1 Мария Антоновна Невинская, а через несколько лет и ее сестра Любовь Антоновна. Их отец, тираспольский мещанин Антон Невинский, несмотря на нужду, всем своим семерым сыновьям и дочерям дал хорошее образование. С 1912 года в Парканской земской школе № 2 стала работать Мария Васильевна Хренова. Все старожилы, с кем удалось побеседовать, с благодарностью вспоминают своих первых учительниц. И так же, как молодое поколение, знают своих учительниц только по имени-отчеству.

В конце 1880-х годов в Парканах произошло знаменательное для села событие. Закончил учебу в Херсонской учительской семинарии и вернулся на работу в родные Парканы Николай Иванович Митов, первый местный учитель. Николай Иванович ряд лет преподавал в церковно-приходском училище и был первым из парканцев, кто занялся краеведческой работой. По-видимому, к этому его подтолкнула встреча в Парканах с ученым Н.С. Державиным. Занявшись своей родословной, парканский учитель нашел общность корней двух родов, Добровых и Митовых, и стал подписываться двойной фамилией: «Митов, он же и Добров». По стопам отца пошел и сын Н.И. Митова Николай Николаевич, но его учительская деятельность в основном падает на период после 1917 года.

Наличие постоянных учительских коллективов сказалось и на качестве преподавания. В свою очередь возросла заинтересованность парканских жителей дать образование своим детям. Но существовавших к 1910 году трех школ – одной земской и двух церковно-приходских (для мальчиков и для девочек) – уже не хватало. 4 сентября 1911 года сельская сходка постановила открыть еще одну земскую школу, построить для нее здание, а также построить новое здание для уже существующей земской школы. На эти нужды парканское общество выделило 6600 рублей и земельные участки. Остальные средства на строительство каменных зданий выделили земство и казна. Первое здание было построено уже к 1 сентябрю 1912 года. Оно находилось на месте нынешнего Дворца культуры. Не затягивали со строительством здания и для второй земской школы. Она стала работать уже на следующий год и занимала территорию теперешнего детского сада по улице Фрунзе.

Строительство новых зданий земских школ совпало с политикой царского правительства, направленной на всеобщий охват населения начальным образованием. Под давлением общественности и в силу экономической целесообразности значительно изменилась система народного образования. Во всех парканских школах, кроме земской № 2, срок обучения составил уже четыре года, в земской школе № 2 – три года. В школах преподавали Закон Божий, церковно-славянское чтение, русский язык, арифметику, русскую историю, географию, природоведение, чистописание, рисование, пение, гимнастику (для девочек – рукоделие)¹⁷. В программе русской истории предусматривались часы для изучения родного края.

По данным Тираспольского уездного земства на 15 декабря 1914 года в парканских школах обучалось:

Школа	Мальчиков	Девочек
земская № 1	90	30
земская № 2	55	8
ЦПШ для мальчиков	159	—
ЦПШ для девочек	—	108

Начальным образованием были охвачены все дети села. Но отдельные парканцы стремились дать своим детям более высокое образование. До сих пор не удалось выяснить, где учились отец и сын Митовы. Но право преподавания им давали или гимназия, или учительская семинария. Кроме того, в годовом журнале Бендерского высшего начального училища за 1913 г. встречаются фамилии детей парканцев: Иван и Николай Узун, Петр Добров, Михаил Митов¹⁸. В 1912 г. уездное земство выделило «стипендию крестьянину с. Парканы Доброму на воспитание сына Петра в Бендерском высшем начальном училище»¹⁹.

В отличие от болгарских колоний Бессарабии, в Парках даже не ставился вопрос о преподавании на родном, болгарском языке. Родственность двух славянских языков помогала ученикам сравнительно легко усваивать материал, но все же языковой барьер в некоторой мере ощущался. Население Паркан в основной своей массе оставалось малограмотным, зная только основы чтения и письма.

VIII. ЦЕРКОВЬ

На протяжении ряда веков доминирующую роль в духовном развитии общества играла церковь. Воспитанные в «марксистско-ленинском духе», мы привыкли видеть в деятельности церкви только отрицательную сторону. Между тем мы забываем, что многие сельские священники были своеобразными «духовными пастырями» для своих односельчан, делили с ними все тяготы в лихолетье и по достоинству оценивали те немногие минуты радости, выпадавшие на долю прихожан. Именно церковь помогла многострадальному болгарскому народу найти в себе силы в борьбе с турецкими завоевателями. Во многом благодаря подвигничеству ее лучших представителей – Паисия Хилендарского, Софрония Врачанского и других – болгарский народ сохранил свой язык, свою самобытность и в итоге отстоял свое право на существование.

Заметную роль играла церковь в духовной жизни болгарских переселенцев. Многие священники следовали в далекий и неведомый край вместе со своими прихожанами. Часто болгары именно от священников узнавали о тех землях, где им предстояло поселяться. Оторванные от своей родины, первые болгарские колонисты находили в церкви источник для заполнения духовного вакуума и вполне понятного дискомфорта, существовавшего в первые годы переселения.

Почти одновременно с основаниями сел строились церкви маленькие, убогие, но вселявшие мир и успокоение в души исстрадавшихся людей. Первые церкви в приднестровских селах появились после освобождения от турецко-татарского владычества. Выше уже упоминалось, что и в Парках в 1792 г. началось строительство каменной Николаевской церкви. Священником строящейся церкви в том же году был назначен некто Яков Добрилов (в отдельных документах – Добриловский), состоявший до этого священником в одном из селений Бендерского цынута. «Но как то селение осталось после войны в турецком владении, – сообщает архиепископ Гавриил, – то сей священник и просил о переводе его в новозаводимое против Бендер... местечко Парканы»¹. Дьячком в церкви был определен Илия Драгутин, пономарем – младший брат священника Иосиф Добриловский². Скудные докумен-

тальные сведения не дают возможности определить национальную принадлежность церковнослужителей. Но судя по фамилиям, можно предположить их сербо-болгарское происхождение.

Церковь в Парканах так и не была построена в связи с массовым переселением парканцев в Тирасполь. Священнослужители последовали в город за своим приходом и обосновались в бывшей Суклейской Николаевской церкви³. С 1797 г. она стала Соборной церковью города Тирасполя, первой церковью в истории города. Парканские и суклейские священники несли службу вместе, тем более что забот в быстро-растущем уездном городе хватало.

С прибытием иностранных переселенцев в Новороссийский край возникла необходимость строительства в колониях церквей. Царское правительство решило проявить особую заботу об их сооружении. Министр Внутренних Дел России В.П. Кочубей в письме С.Х. Контениусу еще в 1804 г. высказал мысль о том, что «построение церквей для болгар и греков, сугубо их к новой земле привяжет». Он просил Главного судью конторы опекунства составить и прислать планы и сметы, во что обойдутся здания церквей «без излишеств с небольшими колокольнями, дабы и сим для угнетенных темных греков и болгар наглядно показать им внимание единоверного с ними правительства»⁴. Наличие церкви в поселении всегда означало стабильность, основательность заселения. Поэтому правительство надеялось с помощью церквей предотвратить или, по крайней мере, свести до минимума обратную миграцию колонистов. 24 августа 1805 г. Кочубей сообщает Контениусу о разрешении императором строительства церквей и создании отдельной духовной консистории (управления – Г.А.) болгарских колоний⁵. Однако дальнейшие события показали, что далеко не все церкви в болгарских колониях строились за казенный счет.

С прибытием первых колонистов в Парканы в 1805 году возникла необходимость исполнения церковных обрядов. В первые годы парканские колонисты использовали для этих целей ближайшую к ним церковь Святой Параскевы в Терновке, построенную еще в 1790 году черноморскими казаками. Однако в Терновку путь неблизкий, и уже в 1811 году в колонии был построен плетневой деревянный молитвенный дом, покрытый камышом, а внутри обитый циновками. После освящения он был назван Святоимхайловским. 12 марта 1811 года недавно прибывший тридцатидвухлетний парканский колонист Николай Никонов Делов по распоряжению архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического Платона был произведен в сан священника⁶. Первым церковным старостой, ведавшим делопроизводством и небольшими церковными суммами, был избран парканский колонист Иван Станилевич.

Можно только себе представить, как в первые годы было тяжело молодому малограмматному Николаю Делову, не имевшему специального духовного образования, завоевать авторитет односельчан, стать их духовным наставником. Так не только начиналась история Парканской церкви, но и зарождалась династия священников Деловых. Впоследствии потомки Н. Делова и его сыновей становились священниками не только в Парканах, но и в ряде приходов Херсонской, Таврической и других губерний юга России.

Колония разрасталась, обустраивалась, однако обещанных от казны сумм на строительство церкви парканцы так и не дождались. В 1816 г. на сельской сходке община решила строить церковь «тщанием прихожан». Согласно неписанным традициям – основные расходы в таких случаях нес самый зажиточный селянин. В то время им был бывший казак Самойло Чумаченко, «взявший обязательство строить церковь за свой счет по бедности Парканского общества»⁷.

В 1818 г. С. Чумаченко принялся за дело. Он нанял строительную артель, началась закладка фундамента. Чтобы как-то компенсировать свои затраты на строительство церкви, 1 апреля 1819 года С. Чумаченко выкупил с торгов 400 десятин парканской земли сроком на три года с ежегодным платежом общине 400 рублей, а в мае того же года обратился к генералу И.Н. Инзову о предоставлении ему ссуды в 1000 руб. и получил ее. Строительство церкви поначалу шло быстро. С. Чумаченко выделил на первоначальное строительство 3000 рублей, от всей общине в фонд церкви поступило еще 1120 руб. 33 коп. Кроме того колонисты перевезли из Комаровой балки более 50 кубических саженей камня, а также другие строительные материалы. Церковь строилась с высоким фундаментом на случай днестровских разливов. Но... наступил несчастливый 1820 год. Напасти начались с ареста нанятого каменщика Михаила Семенова за тайную переправу через Днестр трех беглых крестьян. С. Чумаченко пришлось искать нового каменщика. Затем наводнение небывалой силы и летняя засуха нанесли большой урон парканскому хозяйству. И хотя к сентябрю 1820 года здание церкви уже было подведено под аркадные своды, дальнейшее ее строительство затормозилось. Расчеты С. Чумаченко компенсировать хотя бы частично свои затраты на строительство церкви за счет хорошего урожая не оправдались. Подошло время возвращать ссуду и платить взнос 400 руб. за арендованную землю, а денег не хватало.

Община пришла на помощь попавшему в затруднительное положение односельчанину. 24 сентября 1820 г. собралась мирская сходка, и парканцы приняли решение просить Попечительный комитет не

взыскивать с С. Чумаченко долг в 1400 руб., на что генерал Инзов дал согласие⁹. Однако в дальнейшем строительство церкви затянулось. Хозяйство С. Чумаченко пришло в расстройство. Не лучшие годы переживало большинство парканцев.

В дальнейшем Попечительный комитет отказывался предоставлять Самойле Чумаченко просимые им ссуды. Два года недостроенное здание с уже поднятыми стенами оставалось непокрытым. Только в апреле 1822 г. Одесская контора иностранных поселенцев разрешила парканскому колонисту взять из «Парканского леса необходимое количество для решетования купола»¹⁰.

Долго ходил по различным инстанциям священник Николай Делов в поисках помощи. По его предложению уже от имени «всего общества» сельский приказ в октябре 1825 года взял у Попечительного комитета ссуду в 1000 руб., рассчитывая вернуть ее за счет доходов от найма парканского парома. Но и эту сумму колония не смогла вернуть в связи с выходом парома из строя в 1827 г. Злоключения со строительством Парканской церкви дошли до Главного попечителя И.Н. Инзова. В который раз «дядо Инзов» пришел на помощь колонистам! Он принял решение не только закрыть задолженность по ссуде «по бедности тамошних колонистов», но и выделить в 1828 г. на окончание строительства церкви 25000 руб.¹¹.

Хотя по клировым ведомостям парканская Свято-Михайловская церковь была освящена и считалась действующей с 1826 г., отделочные работы продолжались до 1829 г. В том же году вокруг церкви была сооружена каменная ограда. Незадолго до этого Парканской церкви, как и другим колонистским церквям, в 1825 г. было выделено 120 десятин земли для священника и остального причта (то есть остальных священно- и церковнослужителей). Это подспорье было как нельзя кстати. Приняв духовный сан, Николай Делов согласно принятым правилам лишался колонистского звания и всех льгот, связанных с ним. Церковную землю обрабатывали, как правило, сами служители церкви, изредка принимая помощь прихожан при сложных работах.

Кроме Н. Делова решился принять духовный сан и другой парканский колонист Димо Стоянов Димов. 30 ноября 1819 года он был принят в духовное звание и определен дьячком при Парканском молитвенном доме, а затем и при церкви¹². По-видимому, принять подобное решение ему посоветовал его отец, Стоян Димов, бывший в ту пору церковным старостой. Впоследствии сын Димо Димова, Кирилл, закончил духовную семинарию и проходил службу в различных церквях Херсонской губернии.

Николай Делов и Димо Димов жили в собственных деревянных домах, доставшихся им еще во время заселения колонии. Но впослед-

ствии паркансское общество выкупало священно- и церковнослужителям дома. А еще позже, в 1864 г. большое старое здание запасного хлебного магазина, находившееся рядом с церковью было переоборудовано в «дом для парканских причетников»¹³. Затем этот дом после капитального ремонта был передан во владение первому священнику,

Росло село, и соответственно возросли заботы отца Николая Делова. Священник-самоучка приобрел большой авторитет в колонии. Несмотря на духовный сан, Н. Делов по-прежнему чувствовал себя крестьянином и довольно активно участвовал в хозяйственной жизни колонии. В ведомости о сдаче шелка отец Николай – среди лучших. Он присутствует на мирских сходках и подписывает приговоры за неграмотных колонистов, принимает от них «клятвенные обещания» при различных разбирательствах. Даже за пределами церкви отец Николай следит за нравственной чистотой поселенцев, сохранением обычаяев и традиций. Весной 1818 г. по дороге в Одессу он встретил жену парканского колониста Велю Радулова Ульяну Пелюховскую, уроженку с. Глиное, «в лентах, с открытою головою, то есть одетой вроде девицы», да еще бежавшей от мужа. Священник задержал ее и под караулом отправил «бесстыдницу» обратно в Парканы¹⁴.

Да и в своей семье Николай Делов придерживался тех же строгих моральных принципов. Отец девятерых детей, он дал образование только сыновьям: Якову, Дмитрию, Тимофею, Григорию и Зиновию. Дочерей же воспитал в строгом целомудрии и всепокорности, не обучив даже грамоте.

Большинство сыновей священников и дьяков Тираспольского уезда начинали свое образование в духовном училище г. Тирасполя. 9 ноября 1823 года поступил сюда и старший сын Н. Делова одиннадцатилетний Яков. Учебные ведомости духовных училищ и семинарий скучны сведениями, но лаконичные характеристики часто оказываются весьма исчерпывающими. Это были не просто слова о «хорошем» или «плохом» поведении, не трафаретная отписка. Напротив фамилии одного из нерадивых учеников, например, читаем как приговор: «поведения плохого, по способностям – тупой». О Якове Делове мы узнаем, что он «поведения изрядного, способностей хороших, учится на собственном содержании»¹⁵.

1 сентября 1825 года Яков Делов поступает в кишиневское духовное училище. Оттуда была открыта прямая дорога в духовную семинарию. Кишиневская духовная семинария, открытая в 1814 г., была одним из наиболее популярных высших учебных духовных заведений юго-запада России. В ней учились выходцы из Бессарабии, Херсонской, Подольской и Киевской губерний, Болгарии. Абсолютное большинство Деловых закончило семинарию в Кишиневе. Их однокашниками были не только выходцы из Болгарии, но и из болгарских колоний Бессарабии.

бии и Херсонской губернии. Особенно Я. Делов сдружился с Иваном Тинтуловым, сыном катаржинского священника. Более чем десятилетняя совместная учеба в духовном училище и семинарии, совместные поездки домой на каникулы. По дороге домой И. Тинтулов часто останавливался в Парканах у гостеприимных Деловых.

Кишиневские семинаристы получали всесторонние глубокие знания не только по специальным, но и по светским наукам. В деле молодого семинариста из Паркан читаем, что он обучался «наукам богословским, философским, словесным и физико-математическим, истории церковной и гражданской, языкам латинскому, греческому, немецкому, французскому, еврейскому и молдавскому»¹⁶.

Впоследствии все Деловы по мужской линии получали хорошее образование, но, оторванные с 10–12 лет от родного села, все больше и больше теряли связь с парканцами. С прихожанами общались на русском языке, не говоря о службе в церкви. Все парканские старожилы, с кем довелось беседовать, с удивлением узнавали от меня, что Деловы, которых они знали, – коренные парканцы, болгары.

После окончания Кишиневской семинарии Яков Делов выехал в Херсон и сдал там экзамены, после которых он был удостоен высшего после окончания учебы разряда: степени студента. 3 декабря 1839 года Яков Делов был произведен в священники Петропавловской церкви.

30 мая 1840 года в Парканской церкви было особенно многолюдно. Венчалось три пары молодоженов. Но одна из пар привлекала особое внимание парканцев. Отец Николай выдавал свою 17-летнюю дочь Марию за Ивана Тинтулова, сына катаржинского священника отца Федора. Эта свадьба символизировала еще более тесное укрепление родственных и духовных связей двух болгарских колоний. И еще одно событие привлекло внимание набившихся в церковь прихожан. Обряд венчания в этот день производил сын Н. Делова Яков, приехавший по такому случаю из Петропавловки. Друг по семинарии теперь стал и близким родственником.

После свадьбы отец Николай по болезни все чаще стал пропускать богослужения, и все чаще его стал подменять приезжавший в Парканы Яков. В начале апреля 1841 года в возрасте 62-х лет в окружении многочисленного семейства умер отец Николай, первый священник Парканской церкви.

16 апреля 1841 года митрополит Херсонский и Таврический утвердил прошение Якова Делова о переводе его священником в Святомихайловскую церковь колонии Парканы. Тяжело дались первые годы богослужения в родном селе отцу Якову. В формулярных списках за 1843 год о парканских служителях церкви сообщается, что «состояние

их скучно, жалования не получают»¹⁷. На содержании Якова Делова, кроме своей семьи, оставались мать и пятеро младших братьев и сестер. Учитывая бедственное положение семьи Деловых, Херсонская духовная консистория пошла навстречу прошению молодого парканского священника. Его младший брат Григорий был принят в Одесское духовное училище, где обучался за казенный счет, а восьмилетняя сестра Надюша была отдана в Одесский женский монастырь, где получила образование и через 10 лет вернулась в семью.

Постепенно материальное положение семьи Деловых пошло на поправку. 22 ноября 1845 года Попечительный комитет утвердил штат Парканской церкви. Согласно штату священник, дьяк и пономарь получали в год по 115 рублей. Кроме того, сельский приказ выделил священнику и дьяку дома для жительства, а отец Яков получал еще и жалованье за обучение детей в приходской школе.

С 12 сентября 1844 года отец Яков был первым и единственным учителем в колонии. Авторитет парканского священника растет не только среди прихожан, но и в духовной среде. В начале 1850-х годов он получил высшее священническое звание протоиерея и был назначен благочинным, то есть наставником близлежащих церквей Тираспольского уезда. 28–30 мая 1874 года в Одессе состоялся епархиальный съезд священнослужителей Херсонской епархии, посвященный проблемам обучения. Среди активных участников съезда – протоиерей Яков Делов. Он вел несколько заседаний съезда, подписывал итоговые документы¹⁸. В те же годы парканская церковь была признана одной из лучших в Тираспольском уезде. Как результат этого, церковному старосте Кириллу Стоянову 11 августа 1878 года указом «Государя императора была пожалована серебряная медаль для ношения на груди на Станиславской ленте»¹⁹.

Состоявшийся в июне 1878 года очередной епархиальный съезд был омрачен печальным известием о кончине протоиерея Якова Николаевича Делова. Съезд покинули и уехали в Парканы братья покойного священника Григорий, Зиновий, Тимофея и Димитрий, его старший сын Николай. Из Кишиневской духовной семинарии приехали еще два сына: Сергей и Петр. Из Одесского уезда прибыл только что начавший карьеру священнослужителя сын Иван.

После похорон на семейном совете обсуждался вопрос, кому перенять приход и наследство отца Якова. Выбор пал на его 24-летнего сына Федора. В 1877 году после окончания Кишиневской духовной семинарии Федор Делов приехал в Парканы и уже год проработал в должности народного учителя в местной земской школе. Согласно церковным канонам, священником нельзя стать, пропустив какое-то звено

в карьере. Поэтому 18 июня 1878 года Ф. Делов был рукоположен в дьяконы, а уже через неделю в священники Михайловской церкви села Парканы. Всю свою жизнь отец Федор сохранял первоначальную тягу к школе. При его активном участии в селе были последовательно открыты две земских школы, а позже единственные в уезде раздельные церковноприходские школы: для мальчиков и для девочек. С 1885 по 1908 годы, помимо прямых обязанностей, парканский священник исполнял должность наблюдателя церковно-приходских школ всего Тираспольского уезда. В 1904 г. за труды на ниве народного просвещения отец Федор был награжден орденом святой Анны третьей степени. Ф. Делов неоднократно избирался в уездные земские учреждения.

На долю священника Ф. Делова выпало и строительство нового здания церкви. В 1912 году после капитального ремонта стало ясно, что необходимо новое здание. «Старая церковь, хотя и была ремонтирована, но в некоторых местах дает течь и сама по себе церковь очень тесна»²⁰, – аккуратно записал отец Федор в «Клировых ведомостях» за 1914 год. Незадолго до этого церковь посетил архиепископ Херсонский и Одесский, получивший прошение от Парканского сельского общества разрешить постройку новой церкви. Получив разрешение его преосвященства, в 1915 году парканцы взялись за дело. Строили церковь всем селом. «Во время строительства церкви, – передает рассказ отца Н.К. Погорельский, – показал всю свою силу Иван Гайвук (И.Ф. Узун – Г.А.). Он поднимал наверх сразу по пять пятериков котельца». Воздвигалась новая церковь на месте старой. Алтарь оставался нетронутым, его только накрыли тентом. Богослужение временно проходило в здании церковно-приходской школы напротив. К зиме церковь была уже построена. Новая церковь стала крупнейшей в округе. Она была точной копией Бендерского Преображенского собора, и парканцы по праву гордились ее прекрасной архитектурой.

Но и новое здание церкви не удовлетворяло потребностей разросшегося села. В 1916 году началось строительство новой церкви в «Гурляндах» – на месте нынешней средней школы № 3. Но грянула революция. Церковь так и не была достроена, камни из ее уже поднятых стен потихоньку разошлись по соседним дворам.

Наряду со строительством нового здания, решением архиепископа был расширен причт Парканской церкви. В 1914 г. в Парканы был назначен второй священник, молодой 23-летний выпускник Одесской духовной семинарии Дмитрий Яковлевич Тихонов. Окончив с отличием семинарию, он был направлен в Парканы, где с августа 1913 по май 1914 года был псаломщиком, с мая по ноябрь 1914 г. дьяком, а затем священником Парканской Свято-Михайловской церкви.

Кипучая энергия Ф. Делова буквально перехлестывала тот предел, через который духовному лицу не следовало бы переступать. Пожалуй, ни в ком из других потомков первого парканского священника Николая Делова не было такой тяги к сельскому хозяйству и предпринимательству, как у отца Федора. По его инициативе в женской церковно-приходской школе стали преподаваться основы шелководства. Туда были завезены три размоточных станка. На церковной земле он разбил большой сад и 5 десятин виноградников. Кроме большого дома в Парканах имелся еще дом в Бендерах, записанный за его женой Надеждой Ермоловой. Прямо из Паркан можно было разглядеть 12 десятин виноградников на правом берегу Днестра, принадлежавших супругам Деловым. Под огромным навесом около дома отца Федора стояли три ряда бочек, полных хорошего вина собственного производства. Священникам категорически запрещалось торговать «зеленым змием». В селе поговаривали, что вино Ф. Делова успешно сбывала Мария Радулова, имевшая напротив церкви винную лавку.

До сих пор старики поговаривают о большом состоянии отца Федора. Свои сбережения он хранил в германском банке. Революционные события сыграли злую шутку с парканским священником. 19 января 1918 года сразу два несчастья обрушились на его голову. В Тирасполе он узнал, что деньги, вложенные в германский банк, обратно уже не получит. Удрученным и потрясенным возвращался отец Федор из Тирасполя. В селе его ждало еще одно неприятное известие. Офицеры бендерской крепости решили положить конец пьяному разгулу деморализованных солдат, чувствовавших свою безнаказанность и спокойно покупавших вино у Марии Радуловой, а то и прямо в церковном дворе. По приказу командования присланный наряд вскрыл все бочки отца Федора. Многие бочки были прострелены пистолетными и винтовочными выстрелами. Вино хлынуло рекой вниз по дороге к Днестру. Пьяные солдаты кинулись набирать дармовую выпивку – кто котелком, кто сапогом, а кто просто приложился к винному потоку. Это известие окончательно добило отца Федора. Так он и умер в санях от сердечного приступа, не доехав до своего дома всего лишь сотню метров.

Девять дней гроб с телом парканского священника находился в церкви. Священники Бендер, Тирасполя, окрестных сел по очереди проводили отпевание. Ф. Делов был похоронен в фамильном склепе в церковной усадьбе.

Вопрос о том, кому стать преемником отца Федора у епархиального начальства не стоял. Выбор безоговорочно пал на 56-летнего Сергея Делова, уже достаточно известного в Херсонской губернии священника. В отличие от своего старшего брата, отец Сергей большого богатс-

тва не нажил. В «Клировых ведомостях» за 1914 год о нем сообщается: «недвижимого имущества нет ни у самого, ни у жены»²¹. Служебный путь у отца Сергия был более сложным и тернистым. После окончания Кишиневской духовной семинарии в 1885 году молодого Сергея Делова тянуло ближе к дому, и согласно своему прошению он был определен псаломщиком в церковь святой Параскевы села Терновка. Но здравая мысль о карьере взяла верх. Уже на следующий год он отправился священником в село Карповку на место своего брата Николая. Одновременно он учительствовал, преподавал Закон Божий и заведовал церковно-приходской школой. В ноябре 1892 года отец Сергий перебрался поближе к дому и стал настоятелем Покровской церкви в селе Коротном. С этого времени в ряде губернских и уездных периодических изданий появляются его острые критические заметки о местной жизни. Учитывая большой преподавательский опыт С. Делова, в 1913 г. епархиальное ведомство назначает его наблюдателем церковно-приходских школ Тираспольского уезда. В том же году отец Сергий за свой вклад в развитие народного образования был награжден орденом святой Анны 3-й степени.

Сергей Делов принял парканский приход в тяжелое и неспокойное время. Началась гражданская война. Войска и банды всех цветов и мастей сменяли друг друга, село бедствовало. Страшная трагедия 19 ноября 1921 года унесла жизни десятков ни в чем не повинных парканцев. В тяжелую годину испытаний усилилась тяга сельчан к церкви. Несмотря на антирелигиозную агитацию властей, церковь была полна прихожан, церковные обряды исполнялись в полном объеме, а молодожены по субботам выстраивались длинной очередью для венчания. В Парках был создан прекрасный церковный хор из двух составов, в котором пело около ста человек. Очень сильной была группа теноров, где особенно выделялись братья Федор и Василий Черниченко. Федор Андреевич Черниченко впоследствии пел в профессиональном оперном хоре, закончил духовную семинарию. После Великой Отечественной войны был священником Слободзейской церкви, а затем уехал в Россию, на Волгу, и там дослужился до протоиерейского сана и должности благочинного.

Впрочем, мирное соперничество за умы людей продолжалось недолго. Советская власть объявила очередной поход против церкви. Одним из первых пострадал отец Сергий, имевший значительное влияние на духовенство левобережных сел. К тому времени он был еще и благочинным близлежащих приднестровских церквей. За помощью и советом к отцу Сергию приходили не только парканцы, но и священники и крестьяне окрестных сел.

Большим авторитетом у парканцев пользовался и второй священник – отец Дмитрий, который с молодой горячностью открыто проявлял недовольство действиями местных органов власти. Очевидно, чувство безысходности, тяжелая нравственная атмосфера 1920-х годов сказалась на состоянии Дмитрия Тихонова. Он запил, все чаще парканцы замечали его навеселе.

Первым шагом наступления властей на церковь в Парках была конфискация дома священников, переоборудованного под пограничную заставу. В 1929 году началась коллективизация в Левобережном Приднестровье и так называемая «ликвидация кулачества как класса». В числе первых репрессированных парканцев оказался и отец Дмитрий, высланный в Сибирь. Дальнейшая его судьба, к сожалению, неизвестна.

Нелегкие испытания достались и престарелому отцу Сергию. У властей хватило благоразумия не арестовывать убеленного сединами священника, но, пожалуй, с ним поступили не менее жестоко, отобрав церковь, оборудованную под клуб, и выгнав из дома. Отец Сергий после этого потрясения сразу пал духом. Силы быстро покидали его. Но чевал где придется. Сначала в церковной сторожке, затем, когда и оттуда его выгнали пограничники, – у сердобольных верующих старушек. К дочери Александре, бывшей замужем за чобруским священником, ехать не решался, чтобы не накликать и на них беду. Остальные дети были далеко. В последние недели своей жизни священник стал заговариваться. Парканцы заметили, что он не в себе. Так и умер отец Сергий тихо и незаметно...

В этом очерке я вышел за установленные нами хронологические рамки. Но судьбы человеческие не признают «периодов» и «эпох». Они трагически преломляются на фоне крупных событий и потрясений. Такова и судьба Парканской церкви. Восстановленная в период румынской оккупации, она проработала затем до конца 1950-х годов. Но что-то уже надломилось. Не было прежних традиций, не было династии Деловых. Священники сменяли друг друга так часто, что старожилы при расспросах так и не могут вспомнить, кто служил в церкви после войны. В 1960-м году она была взорвана. Взрывали церковь трижды. Два первых взрыва ничего не дали. Только купол слегка покосился. После третьего, более мощного взрыва белоснежный исполин рухнул...

IX. КУЛЬТУРА, БЫТ, ТРАДИЦИИ ПАРКАНСКИХ БОЛГАР

В ходе работы над этим очерком мне хотелось как можно меньше привлекать выдержки из уже имеющихся работ, где дается этнографический обзор болгарских колоний вообще. На основе документальных данных, бесед со старожилами и собственных наблюдений хотелось показать определенные особенности парканской культуры. Из опубликованных работ обратим внимание лишь на те, где идет речь непосредственно о Парканах.

Придя в 1807 и 1810–1811 годах в Парканы, болгары принесли с собой свои обычаи, традиции, быт из далекой теперь для них родины. Любопытно проследить взаимоотношения двух начал в Парканах: украинского и болгарского. В наши дни этой проблемы не существует. Большинство парканцев с украинскими фамилиями, справедливо считая себя болгарами, и не подозревают о своем запорожском происхождении. Как же проходила ассимиляция украинцев, какой след они оставили в Парканах кроме своих фамилий?

В первые десятилетия существования колонии болгары и украинцы держались несколько обособленно друг от друга. Особенно это проявлялось в создании новых семей. Строгость и целомудрие в воспитании болгарских девушек плохо сочетались с заметной раскованностью и свободолюбием молодых казачек. В 1810–1820-е годы абсолютное большинство украинских девушек выходило замуж за непарканских женихов. Дочери Демьяна Погорельского, Антона Костуренко, Мирона Гончаренко, Андрея Продана и других разъехались по дальним и близким селам и городам: в Тирасполь, Бендера, Овидиополь, Ташлык, Малаешты.

Постепенно болгарская община добилась строгого воспитания девушек и в украинских семьях. Любой выходящий за рамки традиций поступок молодых украинок воспринимался как верх бесстыдства и распутства. Невинная встреча парканского объездчика Лаврентия Петкова с Анной Костуренко летом 1824 года была объявлена сельским приказом «прелюбодеянием», и молодые люди были строго наказаны¹. Степан Кочуровский из Овидиополя, женившийся на Анне Погорельской, остался жить в Парканах. Уже через полгода стал нещадно

бить жену. Когда А. Погорельская бежала от побоев к своей старшей замужней сестре в Ташлык, С. Кочуровский обвинил ее в «блудодеянии с бывшими тогда на границе казаками». Вина молодой женщины не была доказана, но все равно сельский приказ по просьбе С. Кочуровского ходатайствовал перед Попечительным комитетом о разводе².

Но в 1830-е годы подобных «разбирательств» уже не встречается. Ассимиляция украинцев ускорилась. Увеличилось число смешанных браков. В 1840 году Онуфрий Чмиль женился на Варваре Пельтек, Иван Маринов – на Евдокии Кушниренко.

А. С. Афанасьев-Чужбанский обратил внимание на то, что в Парканах «женщины, избегали всяких разговоров с посторонними мужчинами»³. Писатель с восхищением пишет о чистоте нравов в селе, где «воровство также одно из тяжких пороков»⁴. Действительно, пьянство, воровство – явление крайне редкое для Паркан XIX века. У болгарских и немецких колонистов выработался своеобразный неписаный кодекс чести и благородства. Ни при каких обстоятельствах колонисты на чужое не зарились. В документах Попечительного комитета часто встречаются рапорты Парканского сельского приказа «о пригульном скоте», где подробно описываются приметы потерявшихся коров и лошадей. «Пригульные» животные содержались в общественном стаде, пока не находился хозяин.

В конце сентября 1830 г. жена Дмитрия Вельвича 23-летняя Русана, идя к колодцу за водой, нашла возле дома инспектора по шелководству бумажник с двумя сотнями рублей. По тем временам – целое состояние. На такие деньги можно было купить две пары волов. Но Д. Вельвич тотчас известил о находке старосту Стояна Кирова и инспектора по шелководству Яблонского. Лишь в мае 1831 года нашелся хозяин бумажника: заезжавший к Яблонскому командир 10-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Бартоломей⁵.

Став подданными России, парканские болгары, несмотря на русификаторскую политику ведомств, по-прежнему даже в официальных документах называли себя не утвержденными за ними фамилиями, а по именам отцов. Нейко и Коста Градинар везде подписывались как Ангеловы, по имени отца. Братья Обручковы – Гинковы и так далее.

Большинство парканских болгарских фамилий произошло от имени отцов первых колонистов: Ангеловы, Апостоловы, Братоевы, Вельвичи, Велевы, Волковы, Владовы, Вербановы, Добробы, Дизовы, Диордиевы, Дымовы, Жековы, Железковы, Кировы, Мариновы, Мищенко (Мишинковы), Митовы, Николаевы, Неделковы, Обручковы, Петковы, Петровы, Райчевы, Радуловы, Стояновы, Сталевы, Стамовы, Станевы, Становы.

В ранних документах встречаются другие написания многих парканских фамилий, но постепенно местные чиновники несколько «русифицировали» их. Так Върбан стали Вербановы, Димовы – Дымовы, Желяско – Железковы, Обръчко – Обручковы и т.д. Самая большая метаморфоза произошла с фамилией Мищенко. Долгое время я тщетно искал среди первых украинских колонистов предков нашего знаменитого земляка Д.И. Мищенко. Пока не обнаружил в Документах 1840–1850-х годов прибывшую семью болгар Мишинковых. В конце XIX века фамилия несколько изменилась: «Мишенков». Ну а кто-то из более поздних писарей написал украинское «Мищенко».

Ряд фамилий парканцев сложились из семейно-родовых прозвищ. Многие слова-прозвища имеют тюркское происхождение:

Бахчеван – «огородник»,
Градинар – «садовод»,
Гайдаржи – «свадебный музыкант», дословно «игрок на гайде»,
Дебелян – «толстяк»,
Делибалта – «дели» означает «отчаянный», «балта» – секира,
Пельтек – «заика»,
Салабаш – «плотогон», другой перевод – «качающаяся голова».
Тулум – «мех, бурдюк»,
Узун – «длинный».

Прозвище «Хаджи» обычно присваивалось тем, кто совершил поклонение святым местам господним. Такие болгары пользовались среди земляков особым уважением.

На семейно-родовые прозвища парканцев следует обратить особое внимание. Как и у всех болгар, для большинства парканских жителей они до сих пор служат главным ориентиром в поисках нужного адресата. Действительно, трудно было бы разобраться без прозвищ, когда в селе десятки Обручковых, Николаевых, Добровых, Стояновых и так далее, часто с одинаковыми именами и даже отчествами.

Большинство семейно-родовых прозвищ произошли от имен предков, дальних и не очень, о существовании которых многие современные парканцы и не подозревают:

«Монкуви» – по имени Семена (Мончо) Владова (род. в 1843 г.)

«Фокуви» – по имени Фоки Вербанова (род. в 1851 г.)

«Костуви» – по имени Коста (Константина) Градинаря (род. в 1799 г.)

Все Железковы носят прозвище «Нехтиянуви», не зная, что оно происходит от имени их предка, первого поселенца, зачинателя их рода Нехтияна Желяско. Таким же древним является и прозвище «Братанувви», «Братанчик» у Степановых по имени Братана Степанова, прибывшего в Парканы еще в 1806 году.

Прозвище могло даваться и по женской линии: «Кунюв», «Варварин», «Степанидин», «Мулдуванкин» и т.д.

В ряде случаев надо осторожно относиться к происхождению прозвищ. Их первоначальная смысловая нагрузка могла быть самой неожиданной. Любопытно, что у самых многочисленных родов Обручковых и Николаевых почти нет в прозвищах имен их предков.

Многие прозвища дают нам возможность существенно пополнить информацию, полученную из архивов. К примеру группа прозвищ географического происхождения: «Гаджали», «Свиштуви», «Катаржийци». Отдельные прозвища подтверждают документальные данные о том, что:

«хуторянцы» – прозвище Петровых. Их предок Диордий Петров основал свой хутор в Гребениках;

«шинебоци» – прозвище семьи Мокан молдавского происхождения лишний раз подтверждает тот факт, что предок Моканов был молдаванином;

«рибакуви» – прозвище Братоевых. Константин Братоев в 1860-е годы арендовал у общину два рыбных озера.

В течение первой половины XIX века в Парканах устойчиво сохранялись болгарские имена. Наиболее встречавшиеся мужские имена: Ангел, Атанас, Братан, Велю, Волко, Ганчо, Диордий, Димо, Добро, Желю, Киро, Коста, Миле, Минчо, Нейко, Петко, Саботин, Слав, Станис, Стоян.

Женские имена: Бана, Вета, Гана, Деляна, Донка, Злата, Куна, Милка, Неделя, Пенка, Русана, Стана, Стояна, Султана.

С середины XIX века процесс русификации имен шел быстрыми темпами. Большинство имен с тех пор имели церковнославянское происхождение. У мужчин: Иван, Петр, Василий и т.д. Среди женщин чаще всего встречаются Мария и... Прасковья. Эти два имени значительно превосходят количество других женских имен.

Все же в обиходе парканцев до сих пор многие имена «оболгариваются»: «Горчо», «Сею», «Мончо», «Дона», «Вета» и др.

По прибытии в Паркансскую колонию болгары начали ее обустройство. Как правило, прия на новое место, болгары рыли колодцы. Первый болгарин, прибывший в колонию, Радул Вельвич вырыл колодец еще в далеком 1806 году. Первыми улицами колонии стали нынешние Ленина и Димитрова, расположенные по обе стороны почтовой дороги. К 1840-м годам в центре села появилась улица, перпендикулярная двумя главным (нынешней улицы Гоголя). Долгое время улицы названий не имели. Все село делилось на кварталы. К 1917 году таких кварталов было шесть. К концу 1850-х годов началась застройка нынешней ул. Садовой. В конце 1860-х годов появились «Липканы» (ул. Шевченко). В начале XX века появились улицы Мира, Пушкина, Лазо, Комсомольская (названия современные).

После 1811 года вновь прибывшие и молодые семьи уже строили дома себе сами. Да и старые семьи с начала 1820-х годов начали обзаводиться вместо деревянных, построенных по указанию Ришелье, более привычными для них глинобитными домами. До недавнего времени в Парканах сохранялась традиция коллективной взаимопомощи при выполнении самых трудоемких работ на строительстве домов, так называемая «миджия». На миджию приглашались родственники, соседи, друзья. Работы шли быстро, с шутками, прибаутками, песнями. За один день выполнялось столько работы, с какой хозяин сам не справился бы и за месяц.

На протяжении всего XIX века глинобитные («чамурные») дома составляли абсолютное большинство в Парканах. Крыши домов в основном покрывали соломой или камышом. Более дорогими считались камышовые крыши, особенно если они стелились «под щетку», по-немецки. Такая крыша требовала искусной работы и обходилась обычно хозяину в немалую сумму – около 100 руб. С конца прошлого века уездные власти стали поощрять строительство пожаробезопасных крыш из жести или черепицы. За дома с таким покрытием платились меньшие налоги. Добротную красную черепицу парканские хозяева покупали на заводах, построенных немецкими колонистами: в с. Гура-Быкулуй или в Кучурганах. Такая черепица стоила дорого, но служила долго.

Свою усадьбу парканцы огораживали плетневым забором. Прутья, колья брали из местного леса. Но поскольку он принадлежал колонистскому ведомству, за каждую ветку приходилось платить. Без разрешения колонистских чиновников вырубка деревьев строго запрещалась. Из нескольких досок сколачивались ворота («вратник»). Позже, к началу XX века появились деревянные и каменные заборы («дувари»). Дом обычно стоял в глубине усадьбы. Между забором и домом, как правило, было посажено несколько фруктовых деревьев и среди них – овощи. В украинских семьях этот участок назывался «апалисадник», у болгар – «градинка». К дому хозяина примыкало помещение для скота. Чуть дальше для свиней строилась «сажа» (у украинцев) или «кочина» (у болгар). Зимняя постройка для кур называлась одинаково: «курник».

Параллельно дому располагался подвал. Его строительству парканцы придавали особое значение. Это было не только место для хранения вина, но и целого ряда продуктов, что требовало создания постоянно низкой температуры и минимальной влажности. В этих целях над подвалом сооружалась небольшая пристройка с летней кухней – «башка». Со временем башка становилась все больше и благоустроеннее. Крестьяне жили в ней круглый год, оставив дом только для гостей. Рядом с башкой складывали печь («соба») для выпечки хлеба, пасхальных куличей, баницы и других блюд. Дома и пристройки белились известкой. По свидетельству Н. С. Державина, в начале XX века «в Парканах дома белые с зелеными обводами» .

Заглянем в типичный парканский дом начала ХХ века. Навес вдоль всего дома, характерный для всего прошлого века, уступает место небольшой застекленной веранде. Из веранды мы попадаем в коридор («фаяту») с тремя дверями. Дверь прямо ведет в маленькую жилую комнату, что-то среднее между кухней и спальней. Здесь находится печь, обогревающая также соседнюю комнату. В ряде домов, если башка не отапливалась, вместо печки выкладывали плиту, на которой готовили еду. Пол земляной, накрытый домоткаными половиками.

В качестве топлива использовались хворост, кукурузные кочаны («чукалея»), но чаще всего кизяк («тизек») – прессованный конский и коровий навоз. Кизяк заготавливали заранее. Прессовали катком и сушили прямо во дворе. Затем рубили на брикеты и складывали. Чем не яркий пример безотходного производства в животноводстве? Позже в маленькой и отапливаемой комнатах появились дощатые полы. Холодная же комната оставалась с земляным полом почти до нашего времени. В теплой и холодной комнатах стены увещивались домоткаными коврами («килими»). Вдоль стен стояли длинные деревянные скамьи («лавици»). Обязательным атрибутом теплой комнаты были большая кровать, большой стол и сундук для белья. По справедливому замечанию Н. С. Державина, многие атрибуты быта болгар, в том числе парканских, были заимствованы у русских, украинцев, у немецких колонистов .

Наиболее устойчивым, чисто болгарским предметом обихода оказался маленький обеденный столик – «суфричка». Это круглый низкий столик на трех ножках. Такую суфричку мне показал К. С. Обручков, изготовивший ее еще в начале 1930-х годов. Летом за такой столик садилась обедать на маленьких самодельных табуреточках вся семья. Но и этот столик в Парканах претерпел в ХХ веке значительные изменения. Вместо круглого он стал прямоугольным, но в наши дни такие столики тоже стали встречаться все реже.

Одежда парканцев в течение XIX века постепенно теряла свои национальные черты. В первые десятилетия носили домотканую льняную и конопляную одежду. Лен и коноплю сеяли в колонии. Основным элементом мужского костюма была нижняя льняная рубаха («риза»), шерстяные брюки («гашти»), жилет без рукавов, поверх жилета – полукафттан («дулма»). Непременным атрибутом мужского костюма был длинный красный шерстяной пояс. Из всех элементов одежды он сохранялся у мужчин дольше всех. На ноги одевались шерстяные чулки («джурапи») или портнянки («навушти»). Поверх них одевались кожаные постолы («царвули»). Зимой на голове носили смушковые шапки, летом – картузы.

Некоторые элементы женского костюма сохранились у пожилых парканских женщин до сих пор. Нижняя рубаха с длинными широкими рукавами ("риза"). Поверх рубахи надевалось платье без рукавов ("рокла"), поверх нее – кофта с рукавами. К талии привязывался фартук с кружевной обшивкой. Голова обязательно обязывалась тонким платком. Поверх него надевался еще один, летом – ситцевый, зимой – шерстяной. Обязательным украшением женщины были золотые или серебряные серьги, форма которых фактически не изменилась до сих пор. На шею надевались украшения из монет, позже – стеклянное монисто. На ноги женщины надевали чулки и кожаные ботинки.

Уже к середине прошлого века одежда мужчин ничем не отличалась от одежды тираспольских и бендерских мещан. А.С. Афанасьев-Чужбинский в 1858 г. отметил, что в Парканах «национальный костюм сохранился только у женщин»⁸. Через пятьдесят лет Н.С. Державин сообщает, что из четырех тысяч душ населения в с. Парканы только два человека из мужчин носят до сих пор болгарскую «дулму» – полукофтан в талию, все же остальные носят такой же костюм, какой можно встретить у бендерских мещан... «Царвули» здесь уже совсем не встречаются. Несмотря, однако, на полное вырождение болгарского костюма, типичный болгарский красный пояс сохранился и здесь. Женский костюм постигла та же участь, что и мужской⁹.

Из национальных блюд до наших дней дошло немногое. «Баница» – тонкое раскатанное тесто, сложенное рулетом с творогом и яйцами. Выпекается в «собе» или духовке. «Тиквиник» – баница с натертой тыквой вместо творога. У молдаван парканцы переняли плацынды и мамалыгу. Из сладких блюд излюбленное лакомство парканцев – «шупла». Выпекалась она на сковородке из муки, масла, молока, яиц и творога с сахаром. Из первых блюд чаще всего готовились «чурбъ» или «борч».

О досуге парканцев упоминает А. С. Афанасьев-Чужбинский: «После работ по вечерам все население выходило на улицу, молодежь уходила к Днестру, пела песни, старики беседовали, сидя у ворот»¹⁰.

Одним из любимых развлечений парканских мужчин была карточная игра «филька». Старожилы не припоминают, когда она появилась в селе и откуда, но встречается она только в Парканах.

Из народных и религиозных праздников в селе больше всего держались Курбан, Рождество, Новый год, Троица.

23 апреля (6 мая по новому стилю), в день святого Георгия, отмечался Курбан. На средства общества забивали несколько бычков, и готовился большой обед. Накрывался общественный огромной длины стол, как правило, в церковном дворе. На Курбан в Парканы приезжали почетные гости из Бендер, Тирасполя и окрестных сел.

В день святого Михаила отмечался Храмовый праздник, своеобразная годовщина Парканской церкви святого архистратига Михаила. Нарядно одетые прихожане во главе со священником с песнопениями обходили церковь.

От рождественских колядок 25 декабря (7 января) в Парканах долгое время сохранялось хождение мальчиков по соседним домам с сумками через плечо, «турбичками», с криками «Слава ти ли Бога!». Хозяйки заранее готовили угощения и щедро одаривали колядующих. На Новый год пекли баницу. Рано утром дети с турбичками и длинными палками ходили по селу с криками «Сурва! Сурва година!»

Взаимопроникновение болгарской и украинской культур в Парканах своеобразно проявилось в празднике «Янув ден» ("Ивана Купалы"). Н.С. Державин описал, как в Парканах отмечался этот праздник: «На кануне девушки вяжут пучки цветов и вставляют их в стрехи домов, а в день Ивана Купалы с песнями отправляются в сад к реке или воде, и одновременно все присутствующие бросают в воду свои пучки, и чай пучок поплынет быстрее других, та раньше других выйдет замуж»¹¹.

Описание свадебного обряда заняло бы не одну страницу. Свадебные ритуалы пока еще в памяти парканцев, хотя сегодня вместо традиционных четырехдневных гуляний чаще всего ограничиваются одним вечером с эстрадным оркестром. Любопытные сведения о парканских свадьбах оставил Н.С. Державин: «В селе Парканы в настоящее время (1910-е годы – Г.А.) ни одна свадьба не обходится без полковой военной музыки. От трехструнного жиденьского по гармонии кеменче к полковому оркестру – шаг очень большой, обуславливаемый... соседством колонии с городским центром (Бендеры) и усвоением удобств городской жизни»¹². Однако старожилы рассказывают, что чаще в Парканах играли специально приглашенные музыканты из Ташлыка, Мапаешт и других близлежащих сел. По-видимому, мода на военные оркестры, которые застал Н.С. Державин, была недолгой. Впрочем, информация ученого даст ответ на вопрос, почему до сих пор свадебные музыканты встречают гостей маршем «Прощание славянки», очень популярным военным маршем начала XX века.

Хотя дети с малого возраста приучались к труду, все же у них было время поиграть. До недавнего времени наиболее популярными играми оставались «жмурка», «бигува», «будишник», «цурка».

Болгары принесли в Парканы не только свой язык, культуру, традиции и обычай, но и свою психологию, свое фанатичное трудолюбие и жажду предпринимательства. К этому следует добавить черты, характерные для большинства колонистов, независимо от национальности: опора на собственные силы, самостоятельность в принятии важных решений.

Дух здоровой конкуренции постоянно присутствовал в Парканах. Поэтому на протяжении всего XIX века и начала XX среди парканцев не было постоянных «лидеров» среди хозяев. На смену Самойло Чумаченко и Мито Доброву пришли Стоян Бахчеван и Добри Митов. Потом наступила пора Обручковых и нового поколения Добровых. Их сменили братья Карнис и братья Братоевы. Парканцы постоянно стремились все сделать лучше и больше, чем у соседа. Лень и запущенность в хозяйственных делах были не в почете. Те, кто не выдерживал своеобразных «условий игры», как правило, уезжали из Паркан. В 1840 г., не рассчитавшись с долгами, бежала из села в Подольскую губернию семья Никиты Томаченко. Другая семья (в документе не указана фамилия – Г.А.) пыталась бежать в Бессарабию. Но их вернули и подвергли суворому наказанию¹³.

Удаленность Паркан от других болгарских колоний, близость городской цивилизации, большое количество смешанных браков не помешали болгарам сохранить свой язык, хотя до 1917 г. в школах он не изучался. Наоборот, осевшие в селе русские, украинцы, молдаване «оболгаривались» в течение одного поколения, быстро усваивая язык и традиции парканцев.

Соперничество хозяев не мешало однако формированию в селе здоровой нравственной атмосферы. Взаимовыручка и бескорыстная помощь попавшим в беду прослеживаются через всю историю села. Когда летом 1830 года загорелся дом у молодого хозяина Кости Градинара, первым поднял тревогу 58-летний Бано Жеков. Будучи опытнее своих соседей, он организовал тушение пожара, спасение имущества и скотины. 1 декабря того же года такое же несчастье подстерегло самого Б. Жекова. От случайной искры загорелась камышовая крыша его дома. Первым пришел на помощь недавний «погорелец» 30-летний сосед Б. Жекова К. Градинар, а следом за ним братья Дмитрий и Диордий Димовы, Танас Велев, Григорий Николаев¹⁴. Пожар был быстро потушен, дом уцелел. По воспоминаниям К.С. Обручкова, когда во внеурочное время звонил церковный колокол, то все сразу выходили на улицу: кто с ведром, кто с лопатой или багром. Спрашивали друг друга, где горит, чтобы тут же побежать на помощь.

Когда приходила большая беда, забывались национальные, религиозные, имущественные различия. Люди не задумываясь помогали чем могли. Очень тяжелым выдался 1821 год, пожалуй, самый тяжелый за весь дореволюционный период. Опустошительное наводнение, затем засуха, саранча. 14 июля и 5 ноября Приднестровье содрогнулось от двух сильных землетрясений. Небольшое тогда село потрясла и чисто

своя беда. С интервалом в две недели утонули дети двух колонистов. Когда 21 июня хозяин питейного дома старый еврей Янкель Савранский увидел тонущего в разлившемся Днестровском гирле Федю Вербанова, он стал громко звать на помощь. Первым на крики выскочил надзиратель парканского карантина Липовский. Он бросился в воду и вытащил уже исчезнувшего с поверхности воды мальчика. На берегу пытался привести его в чувство, но было уже поздно.

Несмотря на тяжелое материальное положение, парканцы отклинулись на беду греческого народа, чье восстание было жестоко подавлено турками. В 1822 г. парканское общество пожертвовало греческим беженцам 173 руб. 21 коп.

Как и во всех болгарских семьях, в Парканах не было брошеных детей-сирот. Оставшийся без родителей сирота («сирак») воспитывался ближайшими родственниками. Считалось большим позором для всего рода, если сирота нищенствовал или в чужой семье чувствовал себя чем-то обделенным.

Общественное мнение – значительная сила, с которой колонисты вынуждены были считаться. А.С. Афанасьев-Чужбинский описывает шумное обсуждение на парканской улице поведения молодой болгарки, «которая спозналась с солдатом из Бендера, пока муж в отлучке», каждый день ходит якобы на базар, а женщины видели, как «солдат провожал ее через паром». Не будем вслед за парканскими сплетницами выяснять, о ком конкретно шла речь. Но в документах прослеживается несколько случаев отчисления молодых парканок из колонии с «незаконнорожденными» детьми.

Личная жизнь молодых людей была под строгим контролем родителей. Как правило, родители решали за них, с кем вступать в брак. Народная память парканцев хранит и первый случай непослушания, когда в 1890-е годы к Никите Обручкову без ведома родителей убежала молодая Софийка.

Возможно, именно общественное мнение заставило уже престарелого Стояна Иванова, прожившего сорок лет в Парканах, поднять все свое семейство и уехать в колонию Камчик после самоубийства старшего сына Никиты.

Многие традиции, обычаи парканских болгар сохранились до наших дней. Но под напором «прелестей цивилизации» они загнаны внутрь. Старожилы помнят много народных песен, преданий, но редко их поют и рассказывают. Если не собрать по крупицам остатки народного творчества в ближайшие годы, то мы потеряем это наследие навсегда.

X. «КАКОГО РОДУ-ПЛЕМЕНИ?»

Когда 15 лет назад вышел из печати роман Чингиза Айтматова «Буранный полустанок», многих читателей поразила рассказанная писателем легенда о манкурте-рабе, забывшем свое собственное имя. На волне проснувшегося самосознания в последние годы даже появился новый термин «манкуртизм». Отбросив все политические наслоения и спекуляции вокруг этой легенды, отдадим должное главному, необходимо восстановить народную память, необходимо знать свои исторические и родственные корни.

Уже десятки тысяч человеческих судеб связаны с Парканами. Все они оставили свой след в истории села. Наши предшественники пахали землю и разбивали сады, строили дороги и мосты, церкви и школы, самозабвенно трудились и весело отдыхали, радовались общим и личным успехам и горчались неудачам, влюблялись и умирали. О ком-то мы знаем из документов достаточно много, кто-то лишь промелькнул в казенных бумагах.

Начав по документам восстановление парканских родов, конечно, я предполагал предстоящие затруднения. Наивно было бы надеяться, что в архивах все разложено по полочкам, и стоит только найти нужный документ. Генеалогия многих фамилий восстанавливалась буквально по крупицам. Порой поиски больше напоминали работу детектива, нежели историка. Пока обнаружены две ревизские сказки 1811 и 1858 годов, четыре метрические книги и целый ряд документов со списками колонистов. Благодаря им можно проследить развитие родов вплоть до конца XIX века.

Составляя краткие сведения о парканских родах, я не собирался составлять полные родословные. Это труд огромный, требующий гораздо большего времени. Но все из ныне живущих парканцев, имея под руками изложенные сведения, легко смогут найти свои корни. Для этого достаточно расспросить своих дедушек и бабушек о их родителях. После бесед со старожилами я легко восстанавливала вею цепочки их рода от первых поселенцев до наших дней.

Не все парканские роды сохранились. Оборвалась ниточка Волковых. После отъезда Киро Волкова в Парках остался его брат Танас Волков (Чунжук). Его 17-летний сын Степан утонул в 1851 г. в Днестре, сыновей больше не было.

В возрасте 68 лет в 1851 году умер беспокойный Георгий Савов Чебанов. В жилах парканцев течет и его кровь через трех дочерей – Татьяну, Марию и Степаниду, но сыновей не было и у него.

Не раз, наверное, в 1860-е годы вздыхал по ночам сторож приходской школы постаревший Атанас Велев. Ему и жене его Констанде бог вообще не дал детей.

Обрываются по мужской линии нити Кириака Папазова (в отдельных документах «Папазогло», «Папазоил»), Дмитрия Нанцова, Ивана Антонова, Вакулы Драгана. От последнего осталось лишь прозвище, доставшееся ему от деда: «Волкануви».

Сведения о ныне живущих парканских родах даются не в алфавитном порядке, а по мере прибытия их предков в село, до 1867 года и только по мужской линии. В скобках указаны годы рождения парканцев.

Потомки украинцев

ЧЕРНИЧЕНКО

Семья Черниченко прибыла весной 1805 г. с двумя волами и одной коровой. Прокоп Черниченко (1780) и его жена Мария (1780) приехали с сыном Никитой и дочерью Марией (1803). Позже, в 1811 году родилась еще одна дочь Феодосия.

Никита Прокопов Черниченко (1800) имел двух сыновей: Еремея (1817) и Ефима (1818).

Еремеевы сыновья: Иван (1850), Яков (1852), Федор (1854), Тимофей (1856).

Ефимовы сыновья: Григорий (1852), Степан (1855), Семен (1857).

ПОГОРЕЛЬСКИЕ

Демьян Погорельский (1770) прибыл с семьей весной 1805 г., имея в хозяйстве лишь одну лошаденку. Жена Аксиния (1778), сын Антон, дочери Анна, Оксана, Агафия. Дочери после замужества разъехались по окрестным селам,

Антона Погорельского (1802) сыновья: Василий (1823). Макарий (1829), Терентий (умер в 1852 г. в возрасте пяти лет).

Сын Василия Погорельского – Василий (1849).

Сын Макария Погорельского – Константин (1867).

Сыновья Константина Погорельского: Дмитрий (1893). Николай (1914). Николай Константинович Погорельский здравствует и поныне.

ЗАГАРИЙ

Константин (1758) и Пелагея (1759) Загарий прибыли весной 1805 г. Константинов сын Игнат (1800).

Игнатовы сыновья: Василий (1833) и Семен (1837). Василия сын Иван (1867).

КУШНИРЕНКО

Весной 1805 г. прибыли Пантелей (1778) и Мария (1780) Кушниренко с 5-летним сыном Мироном и двухлетним Антоном. Уже в Парканах у них родились две дочери Мария и Евдокия.

Мирона сын Яков (1830).

Антона сын Филипп (1833).

Филипа Кушниренко сын Степан (1852)

ШВЕЦ

Сапожник Федор Швец (1757) прибыл весной 1805 г. со второй женой Оксаной (1778). Старший сын от первого брака Александр (1786). От второго брака уже в Парканах родилась дочь Мария.

Александра сыновья: Федор (1820), Василий (1822) и Петр (1830).

Федора сыновья: Степан (1845) и Онофрий (1847).

Василия сын Михаил (1852).

ПРОДАНОВЫ

Первоначальное написание в документах «Продан». Из всех украинских семей, прибывших весной 1805 года, самая многочисленная. Иван Продан (1770) прибыл вместе с братьями Андреем (1774), Петром (1780), Танасом (1789) и Леонтием (1791) с молодой женой Марией и матерью Ириной (1735). Продановы заселялись основательно, приведя с собой четырех волов и двух коров с теленком. К концу 1805 года приехал еще один брат Ивана Григорий (год рождения не установлен).

Андрея Проданова сын Алексей (1809).

Алексея сын Иван (1850).

Многочисленное потомство оставили Григорий Продан и его сыновья Ефим (1819) и Никифор (1824).

Ефимовы сыновья: Дмитрий (1844), Георгий (1846), Василий (1848), Трифон (1851), Лукьян (1852).

Никифора сыновья: Антон (1854) и Павел (1856).

ЧМИЛЬ

К концу 1805 г. прибыл Яков Мацыченко (1789) с женой Анной. Во всех документах до конца 1860-х годов писался с двойной фамилией: «Мацыченко, он же и Чмиль (иногда – «Чмель»).

Якова сыновья: Онуфрий (1817), Павел (1833), Иван (1835).

Онуфрия сыновья: Михаил (1840), Петр (1853), Павел (1854).

Павла сын Федор (год рождения неизвестен, далее в тексте – «б/р»). Его дочь Елизавета Федоровна (1911), баба Вета, по мужу Хаджи, здравствует и поныне.

Ивана Чмиля сын Иван (1867).

ЧУМАЧЕНКО

Предприимчивый и изворотливый Самойло Чумаченко (1757) прибыл в Парканы чуть позже других украинцев: в августе-сентябре 1805 г. с сыновьями Данилой (1790) и Сергеем (1802). Его вторая жена Марина была всего на два года старше Данилы. 30-летняя разница в возрасте не помешала супругам Чумаченко завести в Парканах еще двоих детей: сына Павла (1806) и дочь Авдотью (1809). Позже, в 1829 г., Павел и Сергей Чумаченко записались в Дунайское казачество и обосновались в одной из станиц Аккерманского уезда. В Парканах остался и продолжил род Чумаченко один Данила. Даниловы сыновья: Еграф (1820), Афанасий (1827).

Афанасия сын: Никифор (1852).

Болгары

ВЕЛЬВИЧ

Радул Вельвич (1754) и его жена Добра (1768) с сыновьями Дмитрием (1792) и Велчо (1796) прибыли первыми из болгар в 1806 году.

Плодовитым на потомство оказался Дмитрий Вельвич. Женат был трижды. От второго и третьего брака имел шестерых сыновей: Петр (1821), Марин (1825), Георгий (1838), Лазарь (1840), Семен (1842), Никита (1846).

Петра сыновья: Николай (1855), Тимофей (1857).

17 августа 1807 года в Парканы прибыл 42-летний Волко Вельвич со второй женой 19-летней Докицей и детьми от первой жены Константином (1803), Настасией и Ангелиной. Степень родства Радула и Волко Вельвичей установить не удалось.

Константина сын Степан (1856).

СТЕПАНОВЫ

Братан Степанов (1769) и его жена Елена (1779) прибыли в 1806 году.

Братановы сыновья: Павел (1807), Диордий (1809).

Павла сыновья: Степан (1830), Танас (1839), Константин (1851).

Диордия сыновья: Петр (1839), Семен (1842), Василий (1847).

Степана Павлова сын Павел (1867).

Танаса Павлова сын Михаил (1867).

В 1810 г. прибыл Димо Степанов (1784) с семьей. Судя по всему, родственником Бр. Степанову не являлся.

Димо Степанова сыновья: Карп (1815), Иван (1816), Диордий (1824).

Карпов сын Василий (1857).

Приемный сын Диордия Д. Степанова Никита (1856).

В 1847 г. все семейство Димо Степанова переехало в колонию Камчик Аккерманского уезда, получило там колонистский надел, и ревизский номер. Но в 1855 г. вернулись обратно. В том же году Димо Степанов умер.

СПАСОВЫ

Станчо Спасов (1774) и его жена Неделка (1784) прибыли 15 марта 1807 года. Их сыновья: Дмитрий (1800), Алексей (1809).

Дмитрия сыновья: Игнат (1822), Степан (1831).

Игнаторовы сыновья: Иван (1856), Яков (1857).

Степана сын Иван (1856).

В 1811 году приехала молодая пара Радо (1780) и Анастасии (1790) Спасовых. Степень родства со Станчо Спасовым не установлена. Возможно, братья, так как во многих документах записаны рядом.

Сыновья Радо Спасова: Дмитрий (1815), Михаил (1824), Лазарь (1834).

Дмитрия Р. Спасова сын Илья (1851).

Михаила Р. Спасова сыновья: Кирила (1854), Иван (1856).

НЕДЕЛКОВЫ

Прибыли в Парканы 24 марта 1807 года. Семейно-родовое прозвище «Топалуви». По прибытию в колонию надел был приписан за 78-летним Тодором Топалом. После его смерти наследником хозяйства стал его зять Братан Неделков (1769).

Братана сын Тодор (1803).

Тодора Неделкова сыновья: Николай (1832), Федор (1836).

УЗУН

До конца XIX века фамилия писалась «Узум». Причем основатель рода приписывал имя отца. Петр Узум Танас (1779) и его жена Мария (1786) приехали 4 апреля 1807 года.

Их сыновья: Тодор (1808), Петр (1826).

Тодоровы сыновья: Петр (1837), Иван (1841), Василий (1843).

Петра П. Узуна сын Василий (1856).

НИКОЛАЕВЫ

Два наиболее многочисленных парканских рода с довольно запутанной генеалогией.

4 апреля 1807 года прибыли Никола Стоянов (1745) и его жена Вида (1749) с многочисленным семейством. Старший сын Семен Николаев (1776) и его жена Султана (1784) по прибытию отдалились. Сыновей не имели. В 1811 г. Никола Стоянов умер, дав начало роду Николаевых. Кроме Семена было еще четыре сына: Иван (1789), Волко (1799), Веле (1792), Неделко (1793).

Ивановы сыновья: Андрей (1826), Николай (1834).

Неделко Николаева сыновья: Семен (1831), Федор (1837), Василий (1849).

Волко Николаева сыновья: Семен (1826), Филип (1833), Андрей (1835), Петр (1841).

Андрея Ив. Николаева сыновья: Георгий (1851) и Иван (1854),

Семена Нед. Николаева сыновья: Андрей (1953), Алексей (1857).

Семена Волк. Николаева сын Сергей (1867).

Петра Волк. Николаева сын Михаил (1867).

Василия Нед. Николаева сын Федор.

16 июня 1807 года прибыла еще одна довольно многочисленная семья Николаевых. Стою Николаев (1759) и его жена Тодора (1769) приехали с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми. Сыновья Стою Николаева: Иван (1794), Григорий (1803), Троган (1806), Илья (1816).

Ивановы сыновья: Степан (1821), Петр (1826), Павел (1839).

Григория сыновья: Петр (1830), Дмитрий (1832), Иван (1836), Сергей (1839). Григория Ст. Николаева жены от первого мужа сын Афанасий (1828).

Трогана сыновья: Иван (1832), Петр (1835).

Ильи сыновья: Георгий (1839), Андрей (1841), Василий (1846), Филип (1849), Яков (1852).

Петра Ив. Николаева сыновья: Михаил (1853), Степан (1856).

Павла Ив. Николаева сын Никита (1867).

Ивана Трог. Николаева сыновья: Георгий (1854), Петр (1855), Андрей (1857), Федор (1867).

По ревизии 1858 года записаны еще Василий Тодоров Николаев (1819) и его жена Ефросинья (1825). На момент ревизии детей у них не было.

ПЕЛЬТЕК

68-летний Петко (иногда в документах – «Пенко») Пельтек (1739) пришел с семейством 4 апреля 1807 года. Жена – Стана (1759). Его сын Тодор (1779) пришел с женой Яной и тремя детьми.

Тодора сыновья: Петр (1802), Николай (1805), Иван (1827).

Петра Тод. Пельтек сыновья: Федор (1829), Георгий (1839), Михаил (1841), Василий (1844).

Ивана Тод. Пельтек сыновья: Семен (1846), Василий (1851), Давид (1853).

Федора Петр. Пельтек сын Игнатий (1855).

ДИОРДИЕВЫ

Два рода Диордиевых.

Зело Диордиев (1779) с семьей прибыл 12 апреля 1807 года.

Его сыновья: Иван (1799), Николай (1801).

Николая сыновья: Петр (1827), Никита (1845).

20 октября 1807 года приехал Стоян Диордиев (1759) с женой Баной (1769) и сыновьями Диордием (1769) и Киро (1803). У Диордия детей не было. Зато Киро постарался за двоих. Он и его жена Вида имели семерых детей, из них – четырех сыновей. Киро Диордиева сыновья: Георгий (1827), Стефан (1830), Иван (1837), Дмитрий (1844).

Георгия сыновья: Яков (1854), Федор (1857), Михаил (1867).

Стефана сыновья: Павел (1856), Тимофей (1867).

АНГЕЛОВЫ

Два рода Ангеловых.

Родоначальник первого рода Ангел Генов (1779) с женой Марией (1784) прибыл 12 апреля 1807 года. После трех дочерей подряд дождался наконец сына, продолжателя рода. Назвал именем отца: Гено.

Гено Ангелов (1813) тоже «подкачал» по мужской линии. У него родился только один сын Тимофей (1834).

Тимофей Генов Ангелов был трижды женат, но наследственность дала себя знать. И у него родился только один сын Георгий (1851).

7 мая 1807 года прибыла семья Стояна Ангелова (1769).

Сыновья Стояна Ангелова: Василий (1804), Степан (1816), Михаил (1825), Федор (1828).

Степана Ст. Ангелова сыновья: Федор (1844), Василий (1846), Михаил (1855), Гавриил (1857).

Федора Ст. Ангелова сын Иван (1857).

БАХЧЕВАН

12 апреля 1807 года приехали 52-летний Никола Бахчеван и его жена Стойка (1764) с сыном Стояном (1791).

Стояна Бахчеван сыновья: Николай (1813) и Георгий (1822).

Николая Ст. Бахчевана сыновья: Степан (1839), Петр (1842), Матвей (1843), Федор (1846), Григорий (1850).

Георгия Ст. Бахчевана сын Иван (1852).

Петра Ник. Бахчевана сын Иван (1867).

ДЫМОВЫ

До конца XIX века во всех документах – «Димовы».

16 июня 1807 года 52-летний Стоян Димов и его 42-летняя жена Калина приехали с пятью сыновьями.

Стояна Димова сыновья: Иван (1787), Павел (1792), Димо (1792), Диордий (1797), Дмитрий (1800),

Павла Ст. Димова сын Иван (1822).

Ивана Ст. Димова сыновья: Петр (1814), Сергей (1820).

Диордия Ст. Димова сыновья: Василий (1839), Петр (1841).

Ивана Павл. Димова сыновья: Семен (1854), Пантелеий (1857).

Петра Ив. Димова сыновья: Георгий (1839), Филип (1847), Михаил (1856).

Сергей Ив. Димов ушел из жизни рано. Утонул в Днестре в 1852 г. Но оставил двух сыновей.

Сергея Ив. Димова сыновья: Иван (1847), Павел (1851).

Филипа Петр. Димова сын Афанасий (1867).

СТОЯНОВЫ

Один из крупнейших парканских кланов. Состоит из двух родов.

24 июня 1807 года 72-летний Петр Стоянов и его жена Кирица (1759) приехали со своими пятью женатыми сыновьями. Старшие сыновья Иван (1779), Стоян (1772) и Диордий (1774) по прибытии отделились и получили наделы и свои ревизские номера. С отцом остались Дмитрий (1787) и Тодор (1792).

Тодора Петр, сыновья: Георгий (1816), Иван (1821), Петр (1827).

Георгия Тод. Стоянова сыновья: Сергей (1839), Николай (1841).

Ивана Тод. Стоянова сыновья: Георгий (1848), Кирилл (1851), Кузьма (1853), Макарий (1855).

Петра Тод. Стоянова сыновья: Павел (1851), Николай (1858).

Николая Георг. Стоянова сын Федор (1867).

Наиболее густая ветвь генеалогического древа пошла от Дмитрия Петра Стоянова.

Его сыновья: Сергей (1813), Кирилл (1815), Петр (1822), Иван (1827), Василий (1834).

Сергея Дм. Стоянова сыновья: Дмитрий (1836), Петр (1839), Григорий (1845), Василий (1855).

Кирилла Дм. Стоянова сыновья: Георгий (1839), Дмитрий (1842), Афанасий (1844), Никифор (1855), Павел (1854).

Петра Дм. Стоянова сыновья: Дмитрий (1853), Георгий (1856).

Иван Дм. Стоянов умер рано, в 28 лет, но оставил после себя сына Григория (1849).

3 июля 1807 года пришла семья Стано Стоянова (1780). Стано и его жена Пена (1784) имели двух сыновей: Гавриил (1807) и Стефан (1817).

Гавр. Ст. Стоянова сыновья: Николай (1839), Стоян (1845).

В 1847 г. Гаврила Стоянов выехал с семьей в колонию Камчик Аккерманского уезда, но затем в 1855 г. вернулся.

Стефана Ст. Стоянова сыновья: Семен (1846), Федор (1852), Никита (1853).

ПЕТРОВЫ

Из старших сыновей Петра Стоянова в Парканах остался только Иван (1779), фамилия пошла по имени его отца. Диордий и Стоян Петровы записались в Одесское купечество и уехали из Паркан. Иван Петров прибыл с отцом 24 июня 1807 года.

Сыновья Ивана Петрова: Петр (1804), Стефан (1811).

Петра Ив. Петрова сыновья: Иван (1827), Стоян (1829), Павел (1834), Андрей (1837).

Сыновья Стефана Ив. Петрова: Стоян (1834), Иван (1840), Петр (1849).

Ивана Петр., сыновья: Петр (1851), Андрей (1856).

Стояна Петр. Петрова сын Петр (1856).

ЖЕКОВЫ

В ранних документах встречается написание «Жечов».

Бано Жеков (1769) и его жена Петра (1769) прибыли 24 июля 1807 года. Имели пятерых детей, в том числе трех сыновей.

Бано Жекова сыновья: Дмитрий (1800), Атанас (1803), Стефан (1808).

Дмитрия сыновья: Иван (1829), Яков (1832), Семен (1846), Сергей (1851).

Атанаса сыновья: Семен (1837), Петр (1843), Дмитрий (1847),

Стефана сыновья: Петр (1835), Дмитрий (1840), Николай (1843), Савва (1849), Георгий (1852).

Николая Стеф. Жекова сын Андрей (1867).

ДИЗОВЫ

Марко Дизов (1751) и его жена Добра с двумя женатыми сыновьями прибыли 1 июля 1807 года. В Парканах Марко Дизов прожил всего два с половиной года и умер в 1810 году.

Сыновья Марко Дизова: Яно (1784), Дмитрий (1786).

Яно Дизов с женой Доницей и сыном Марко в 1814 году переезжают в Катаржину.

Дмитрия Маркова Дизова сыновья: Николай (1815), Иван (1824), Григорий (1825), Мито (1827), Добро (1832).

Николая Дм. Дизова сыновья: Петр (1841), Дмитрий (1844), Илья (1848).

Ивана Дм. Дизова сын Константин (1867).

Григория Дм. Дизова сын Григорий (1852).

Петра Ник. Дизова сын Дмитрий (1867).

Дмитрия Ник. Дизова сын Степан (1867).

КИРОВЫ

Тодор Киров (1759), его жена Доница (1779), сын Стоян (1796) и дочь Стана (1799) прибыли 1 июля 1807 года.

Стояна Тод. Кирова сыновья: Федор (1818), Григорий (1822), Петр (1835), Афанасий (1839).

Федора Ст. Кирова сыновья: Иван (1842), Филип (1851).

Григория Ст. Кирова сын Иван (1857).

Афанасия Ст. Кирова сын Федор (1867).

РАДУЛОВЫ

Велико (в более поздних документах «Веле») Радулов (1775) с женой Недой (1789) и детьми прибыли 1 июля 1807 года. Сыновья Веле Радулова: Диордий (1813), Павел (1820), Андрей (1828), Илья (1817).

Диордия Вел. Радулова сыновья: Федор (1837), Петр (1839), Степан (1842), Василий (1846), Дмитрий (1851), Филип (1853), Иван (1856).

Павла Вел. Радулова сыновья: Георгий (1844), Семен (1849), Никита (1852), Петр (1854).

Андрея Вел. Радулова сын Василий (1854).

Илья Вел. Радулов умел рано, но после него остался сын Иван (1839).

Ивана Ил. Радулова сын Григорий (1867).

ХАДЖИ

1 июля 1807 года прибыли Стефан Стоянов (1759) и его жена Бойка (1764) с детьми. Через несколько лет в документах стало все чаще упоминаться семейно-родовое прозвище Ст. Стоянова «Хаджи», которое и стало затем фамилией этого рода.

Сыновья Стефана Хаджи: Петр (1805), Константин (1808), Давид (1820).

Константина Ст. Хаджи сыновья: Степан (1839), Василий (1842), Филип (1849), Семен (1852).

Давида Ст. Хаджи сыновья Петр (1846), Иван (1852), Яков (б/г).

Василия Конст. Хаджи сын Матвей (1867).

Петра Дав. Хаджи сын Пантелеий (б/г).

Ивана Дав. Хаджи сын Николай (б/г).

Николая Ив. Хаджи сын Дмитрий (1914) здравствует и поныне.

СТАЛЕВЫ

Райко Сталев (1779), его жена Стояна (1784), сын Иван (1800) и дочь Тодора (1803) прибыли 3 июля 1807 года.

Ивана Р. Сталева сыновья: Николай (1833), Илья (1839), Дмитрий (1843).

Николая Ив. Сталева сын Иван (1856).
Ильи Ив. Сталева сын Степан (1867).
Дмитрия Ив. Сталева сын Павел (1867).

ДОБРОВ

Один из наиболее многочисленных парканских родов.

Мито Добров (1759) и его вторая жена Тодора (1779) пришли 3 июля 1807 года с пятью сыновьями. Старший сын Добри (1784) жил отдельно и получил свой ревизский номер. Остальные сыновья остались с отцом: Авраам (1789), Стефан (1791), Стоян (1802), Федор (1806).

Добри Мит. Доброка сыновья: Дмитрий (1810), Нестор (1811), Семен (1817), Алексей (1822).

Чуть позже отделился Авраам Мит. Добров и получил надел и ревизский номер.

Его сыновья: Николай (1817), Петр (1824), Иван (1827).

Стефана Мит. Доброка сыновья: Дмитрий (1823), Иван (1825), Стефан (1833), Петр (1839), Павел (1840).

Дмитрия Добр. Доброка сыновья: Иван (1839), Федор (1840), Андрей (1847).

Нестора Добр. Доброка сыновья: Петр (1842), Захарий (1858).

Семена Добр. Доброка сыновья: Павел (1845), Григорий (1847).

Николая Авр. Доброка сыновья: Василий (1841), Григорий (1843), Диордий (1848), Филип (1853), Семен (1855).

Петра Авр. Доброка сыновья: Алексей (1847), Федор (1848), Афанасий (1853), Павел (1855).

Ивана Авр. Доброка сын Николай (1855).

Дмитрия Ст. Доброка сыновья: Сидор (1855), Леонтий (1857).

Андрея Дм. Доброка сын Георгий (1867).

Петра Нест. Доброка сын Иван (1867).

МАРИНОВЫ

Основатель рода Марин Милчев (1744) и его жена Вета (1750) прибыли 3 июля 1807 года со своим женатым сыном Стояном (1769).

Первый и единственный сын Стояна Маринова родился лишь в 1810 году, назвали его Лазарем.

Лазаря Ст. Маринова сыновья: Степан (1839), Василий (1841).

Со Стояном Мариновым жил его шурин Иван. Взял фамилию Мариновых. Иван Маринов своих детей не имел, хотя женат был дважды.

ГРАДИНАР

Ангел Градинар (б/г), вдовец, прибыл с двумя сыновьями в ноябре 1807 года. По прибытии вскоре умер.

Ангела Градинара сыновья: Нейко (1789), Константин (1799, в ряде документов «Коста»).

Нейко Анг. Градинара сыновья: Леонтий (1812), Яков (1816), Лазарь (1817).

Константина Анг. Градинара сыновья: Иван (1821), Трифон (1823). Якова Нейк. сын Илья (1839).

Лазаря Нейк. сыновья: Андрей (1842), Захарий (1856).

Имя одного из братьев Леонтия Нейк. Градинара не установлено, он умер рано, но с Леонтием жил его сын Михаил (1847).

Ивана Конст. Градинара сыновья: Яков (1842), Степан (1849).

Трифона Конст. Градинара сыновья: Григорий (1849), Василий (1855).

ПЕТКОВЫ

Димо Петков (1774) и его жена Стояна (1784) прибыли с детьми в ноябре 1807 года.

Димо Петкова сыновья: Михаил (1811), Лаврентий (б/г).

Михаила Дим. Петкова сыновья: Афанасий (1834), Василий (1840). Лаврентия Петкова сын Василий (1842).

Афанасия Мих. Петкова сын Прокопий (1867).

Василия Мих. Петкова сын Николай (1867).

Другая ветвь Петковых пошла от Гено Петкова (в отдельных документах «Игнат», «Гено» Петков). Гено Петков (1794) прибыл в 1811 году.

Гено Петкова сыновья: Иван (1827), Григорий (1829), Тимофей (1834), Иван (1838).

У Гено Петкова был брат. Имя его не установлено. Умер рано, с Гено Петковым жил братов сын Иван (1845).

Ивана Ген. Петкова сын Яков (1853).

ТУЛУМ

Стою Русов Тулум (1769) и его жена Димитра (1779) прибыли в ноябре-декабре 1807 года. Родоначальник Стою Тулум прожил долго, умер в 1853 г.

Его сыновья: Русин (1801), Илья (1818), Кирил (1822).

Ильи Ст. Тулум сыновья: Иван (1845), Степан (1848).

Кирила сын Михаил (1853).

СТАНОВЫ

Основатель рода Стане Митов (1784, в отдельных документах «Станен Станов Митов») и его жена Куна (1789) прибыли в 1810 г.

Стояна Станова сыновья: Спиридон (1808), Петр (1817), Стефан (1819), Дмитрий (1825), Михаил (1827), Иван (1832).

Спиридон Станов имел пятерых сыновей. Троє из них умерли в детском возрасте один за другим в 1850, 1851, 1852 годах.

Другие его сыновья: Иван (1838), Андрей (1836).

Петра сыновья: Андрей (1843), Никифор (1854).

Стефана Ст. Станова сыновья: Иван (1853), Василий (1856).

Дмитрия сын Иван (1851).

Михаила Ст. Станова сыновья: Николай (1857), Иван (1867).

САЛАБАШ

Основатель рода Семен Салабаш (1730) приехал в конце 1810 года в возрасте 80 лет со своей второй женой 41-летней Желей, ее 81-летней матерью Саввой и женатым сыном Петром (1879).

Петра Сем. Салабаша сыновья: Марин (1806), Николай (1817), Семен (1820), Иван (1827).

Марина Петр, сыновья: Петр (1838), Семен (1842), Сергей (1851), Алексей (1855).

Николая Петр, сыновья: Маркел (1841), Иван (1843), Кирил (1846), Георгий (1849), Василий (1851), Самуил (1867).

Ивана Петр, сын Алексей (1852).

ВЛАДОВЫ

Основатель рода Владо Колев (1774) и его жена Ивана (1784) прибыли в 1810 году с сыновьями Петко (1805), Колю (1807). В 1811 году у них родился еще один сын Дмитрий.

Петко Владова сыновья: Владимир (1827), Кирил (1841).

Колю Владова сыновья: Дмитрий (1833), Марко (1835), Федор (1849).

Дмитрия Владова сыновья: Алексей (1838), Семен (1843), Иван (1846) и Григорий (1854).

Владимира Петк. Владова сын Давид (1857).

Семена Дмитр. Владова сын Иван (1867).

Ивана Сем. Владова сын Иван (б/г).

Его сын Филипп Иванович Владов (1911 г.р.) здравствует и поныне.

ГОШАРОВЫ

В документах XIX века «Гошур», «Гошуров». Один из тех случаев, когда за родом закрепилось семейно-родовое прозвище в качестве фамилии.

Петко Райков Гошур (1774) прибыл в 1810 году с женой Баженой матерью Гиной. Долгое время у П. Райкова сыновей не было. Наверное, 21 мая 1817 года, когда наконец родился наследник, названный Константином, радости П. Райкова не было предела. 25 октября 1822 года, когда до свадьбы старшей дочери Иваны оставалась всего неделя, родился еще один сын Стефан. Почти сразу после родов Бажена Петкова Райкова умерла. Сыновей вырастила вторая жена П. Райкова Автения.

Константина Гошурова сыновья: Семен (1840), Кирил (1844).

У Стефана Гошурова до 36 лет по документам детей не прослеживается.

КАРНИЗ

В 1810 году приехала вдова Статира (1759) с сыном Миле Николаевым и юной невесткой Александрой (1793).

Миле Николаев Карнлиз (1792) в первых документах упоминался как «Миле Николаев».

Его сыновья: Николай (1817), Диордий (1829), Василий (1833), Федор (1835), Иван (1839).

Николая сыновья: Григорий (1846), Иван (1848), Спиридон (1851).
Диордия сын Дмитрий (1856).

Василия сыновья: Андрей (1853), Иван (1855).

ДЕЛИБАЛТА

Константин Делибалта (1784) и его мать Пена (1759) прибыли в 1811 году. Его отец Ганчо и жена умерли в дороге. На руках осталась шестилетняя дочь Дона.

От второго брака: сын Николай (1818).

Николай тоже был дважды женат, но имел только одного сына от первого брака Федора (1847).

Позже подъехал и брат К. Делибалта Тимофей (б/г), но сыновей он не имел.

СТАНИЛЕВИЧ

В 1810 году прибыла семья Ивана (иногда «Яни») Станилевича. В документах И. Станилевич прослеживается до 1813 г. Затем переехал в другую колонию.

В 1811 году приехала семья Диордия Станилевича. Степень родства Ивана и Диордия не установлена.

Диордий Станилевич (1769) и его жена Ксения (1769) имели четырех сыновей: Ивана (1797), Николая (1807), Савву (1810) и Кирила (1817).

Ивановы сыновья: Василий (1832), Петр (1835).

Николаевы сыновья: Дмитрий (1837), Георгий (1839), Афанасий (1842), Андрей (1850), Николай (1855).

Саввы сыновья: Степан (1839), Яков (1841), Михаил (1850), Георгий (1855).

Кирила сыновья: Николай (1841), Георгий (1847), Савва (1849), Василий (1852).

Дмитрия Ник. Станилевича сын Митрофан (1867).

Степана Сав. Станилевича сын Даниил (1867).

СТАНЕВЫ

Михайло Станев (1779) и его жена Христина (1784) прибыли в 1811 году. В некоторых документах М. Станев упоминался как «Станилевич». Учитывая одновременное прибытие с Диордием Станилевичем возможно родство между ними.

Михаил и Христина Станевы были богаты на дочерей. Сына дождались в 1820 г. Назвали Иваном.

Ивану Станеву тоже тяжело дался наследник. Первый и единственный сын Петр родился лишь в 1867, когда счастливому отцу исполнилось уже 47 лет.

СТОЕВЫ

Дмитрий Стоев (1774) и его жена Параксева (1789) прибыли в 1811 году с дочуркой Иваной (1806). В Парканах у них родились два сына: Петр (1814) и Дмитрий (1815).

Дмитрий Стоев умер рано. Его жена Прасковья вышла замуж второй раз за Ивана Маринова, который вырастил и воспитал ее сыновей.

Петра сын Стефан (1838), умер в 1857 г.

Дмитрия сын Кирил (1838).

СТАМОВЫ

В первых документах упоминалось «Стоян Стамов, он же и Храменов». В 1810 г. прибыл Дмитрий Храменов, но вскоре умер. Стоян Стамов, он же и Храменов (1779) прибыл в 1811 году, жена Стана (1789) и сын Демьян (1808).

Демьяна сын Тимофей (1841).

Тимофея сын Платон (1867).

КАРИОНОВЫ

В XIX веке фамилия имела ряд написаний «Криона», «Крион», «Крион». С этой фамилией также произошла «метаморфоза». Вполне очевидно, что первоначальное ее звучание «Караинов» («Кара» – «черный»). Атанас Крион (1774) и его жена Неделя (1789) прибыли в 1811 году с сыном Саввой и дочерью Еленой (1805). В Парканах родился еще один сын Дмитрий (1817).

Савва Крион был женат дважды. От двух браков его сыновья: Иван (1834), Кирил (1855) и Яков (1856).

Дмитрия сын Нестор (1856).

Ивана сын Яков (1856).

ЖЕЛЕЗКОВЫ

В документах XIX века упоминаются как «Желяско», «Железко». Нехтиян Железков (1764) и его молодая жена Дана (1784) прибыли в 1811 году с сыном Павлом (1807) и дочерью Степанидой (1808).

Павла сыновья: Пантелея (1846), Григорий (1849), Федор (1852), Иван (1856), Тимофей (1859).

Пантелея Пав. Железкова сын Павел (1867).

Иван Павлович Железков прожил 102 года.

Тимофея Павл. Железкова сын Матвей. Его дети Василий и Надежда Железковы проживают ныне в Парканах.

МИТОВЫ

Никола Митов (1795), вероятно, отделившийся сын Мито Доброка. хотя прямых сведений нет.

Николы Митова сыновья: Степан (1816), Федор (1830).

Степана сыновья: Петр (1839), Иван (1842).

Федор Ник. Митов был женат трижды. Но по данным до 1858 г. сыновей у него не было.

Сын Ивана Ник. Митова Николай Иванович Митов – первый учитель из парканцев. Его сын Николай Николаевич тоже стал учителем.

ДЕБЕЛЯН

Гаврило Дебелян (1764) и его жена Ефросинья (1772) приехали в 1810 году с детьми и матерью Ефросиньи Анной (1749).

Гаврила Дебеляна сыновья: Петр (1792), Тимофей (1806), Иоргакий (1810).

Тимофея сыновья: Петр (1834), Михаил (1842).

БРАТОЕВЫ

Стоян Братоев (1779) и его жена Злата (1784) прибыли с детьми в конце 1810 года.

Стояна Братоева сыновья: Филип (1807), Константин (1820).

Константиновы сыновья: Иван (1848), Николай (1855), Степан (1867).

Николая сын Михаил (б/г). Его сын Григорий Михайлович Братоев (1919) проживает ныне в Парканах.

ОБРУЧКОВЫ

Один из крупнейших парканских родов. Зачинатель рода Гинко Обручков (1755) и его жена Цоца прибыли в 1811 году. В первом документе упоминается как «Ганчо Обручко оглу». Гинко Обручков умер 2 августа 1822 года, оставив после себя многочисленное потомство.

Гинко Обручкова сыновья: Петр (1784), Ганю (1786), Иван (1790), Саботин (1800).

Петра сыновья: Диордий (1800), Георгий (1821).

Ганю сыновья: Иван (1818), Матвей (1822), Филип (1827), Савва (1830).

Ивана Гинкова сыновья: Петр (1816), Георгий (1819), Филип (1824), Павел (1840).

Саботина сыновья: Федор (1824), Иван (1834).

Диордия Петр. Обручкова сыновья: Ефрем (1823), Петр (1837), Николай (1840).

Георгия Петр. Обручкова сын Петр (1846).

Матвея Ганева сын Кирил (1850)

Филипа Ганева сын Яков (1854).

Петра Иванова сыновья: Иван (1844), Федор (1849), Тимофей (1851).

Георгия Иванова сыновья: Иван (1844), Василий (1856).

Федора Саботинова сыновья: Петр (1836), Константин (1851).

Ефрема Диордиева сыновья: Василий (1852), Тимофей (1856).

Петра Диордиева сын Иван (1867).

Ивана Петрова сын Михаил (1867).

Петра Федорова Саботинова сын Сергей (б/г).

Его сын Кирилл Сергеевич Обручков (1908) здравствует и ныне.

ВЕРБАНОВЫ

Мино Вербанов (1779) приехал в 1811 году с женой Петкой, сыном Тодором, дочерью Войкой (1803) и двумя своими младшими братьями: Борзой (1799) и Семеном (1802). Уже в колонии у Мино Вербанова родилось еще три сына: Яков (1817), Иван (1825), Семен (1825).

Борза Вербанов имел пятерых сыновей: Марко (1825), Андрей (1828), Николай (1831), Иван (1834), Дмитрий (1839, умер в 17 лет).

Семена сын Петр (1829).

Якова сыновья: Михаил (1848), Петр (1853), Иван (1854), Гавриил (1855), Антон (1856).

Ивана Минова сыновья: Фока (1851), Тимофей (1853), Степан (1855).

Семена Минова сыновья: Василий (1854), Павел (1856).

Марко Борзова сыновья: Георгий (1856), Никифор (1867).

Николая Борзова сын Семен (1856).

МОКАН

Молдаване Николай и Мария Мокан пришли из Бессарабии в 1812 году. Ревизского номера не имели. Их сын Петр Мокан (1789) женился на болгарке, вдове Зоице (1774) и получил статус колониста.

Петра Мокана неродной сын Дмитрий (1802).

Дмитрия Мокана сыновья: Николай (1838), Андрей (1841).

ГАЙДАРЖИ

В 1811 году 70-летний Драган Цветков Гайдаржи приехал со своими женатыми сыновьями: Минчо и Драганом. До конца 1860-х годов в документах была двойная фамилия: «Гайдаржи, он же и Цветков».

Минчо Гайдаржи (1769) и его жена Стана (1764) приехали с сыном Гено (1797).

С одним сыном приехали Драган Гайдаржи (1773) и его жена Драгана (1785). Его звали Станчо (1803). Уже в Парканах родились Дмитрий (1815), Николай (1817), Марко (1822), Христофор (1823)

Гено Минчева сыновья: Иван (1817), Минчо (1826).

Станчо Драганова сыновья: Иван (1825), Степан (1830), Марко (1833), Семен (1835), Николай (1847).

Дмитрия Драганова сыновья: Николай (1833), Павел (1837), Дмитрий (1839).

Марко Драганова сыновья: Никита (1849), Савва (1855), Алексей (1857).

Ивана Генова сын Дмитрий (1839).

Минчо Генова сыновья: Сергей (1854), Петр (1856), Никита (1858).

Степана Станчева сыновья: Сидор (1854), Андрей (1867).

Марко Станчева сын Никита (1856).

ЯНИ

Дмитрий Яни (1813) прибыл в начале 1830-х годов как «турецко-подданный». Женившись в 1837 году на дочери Неделко Николаева, получил статус колониста.

Сыновья Дмитрия Яни: Иван (1838), Петр (1840), Алексей (1845), Ивана сын Василий (1867).

Петра сын Матвей (1867).

ДУЛАПЧИ

Дмитрий Дулапчи (1792) и его жена Тодора (1803) прибыли в начале 1830-х годов.

Дмитрия сыновья: Михаил (1820), Федор (1825).

Михаила сыновья: Федор (1841), Иван (1845), Дмитрий (1852).

Федора сыновья: Яков (1855), Савва (1857), Иван (1867).

ГРУДОГЛО

Петко Мавродий Грудогло (1794) и его жена Милка (1805) прибыли в начале 1830-х годов.

Их сыновья: Мавродий (1821), Иван (1830).
Мавродия сыновья: Тимофей (1854), Дмитрий (1856).
Ивана сыновья: Петр (1852), Георгий (1855).
Тимофея сын Константин (б/г).
Петра сын Иван (б/г).

АПОСТОЛОВЫ

Иван Апостолов (1803) прибыл в начале 1830-х годов. В Парканах женился вторично на Славе Станевой (1813).

От первого брака сын Дмитрий (1829), от второго брака сын Савва (1840).

Дмитрий Апостолов в 1847 г. женился на дочери отставного солдата Дорофея Мавлочи Епистинии. Через два года у них родился сын Аврам (1849).

МИЩЕНКО

В XIX веке – «Мишинков», «Мишенков».

Иван Мишинков (1798) и его жена Настасия (1799) прибыли в начале 1830-х годов.

Их сыновья: Спиридон (1823), Василий (1826), Федор (1828), Петр (1836), Георгий (1840).

Спиридона сын Алексей (1849).

Василия сыновья: Степан (1851), Трофим (1852), Николай (1856).

Федора сын Дмитрий (1856).

Георгия сын Иван (1867).

Ивана сын Дмитрий Иванович Мищенко, наш знаменитый односельчанин.

РАЙЧЕВЫ

Катаржинский колонист Слав Райчев Славов (1801) женился на дочери Волкана Драгана Прасковье Волкановой (1805) в 1827 году. Ревизский номер получил только в 1850 г.

Его сыновья: Тодор (1828), Волкан (1831).
Тодора сын Савва (1853).

ГАНЕВИЧ

Катаржинский колонист Степан Ганевич (1819) 13 октября 1840 года женился на 18-летней дочери Семена Николаева Стане.

ПРОКОПОВЫ

Катаржинский колонист Иван Георгиев Прокопов (1817) 27 октября 1840 года женился на дочери Георгия Савова Чебанова 18-летней Марии.

СТОЙКОВЫ

Исерлийский колонист Константин Райков Стойков (1840) 30 апреля 1867 года женился на дочери Николая Станилевича Евдокии (1844).

Сведения о трех последних родах взяты из метрических книг. К сожалению, более полной информации пока нет.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Очень не хочется ставить точку в своем повествовании. Кажется, не все мысли легли на бумагу, о чем-то главном так и не сказано. Многие факты, обнаруженные в архивах, остались за пределами работы. Одни требуют проверки или увязки с другими событиями, другие – серьезного анализа, третьи носят сугубо личный характер. Многие любопытные сведения из рассказов старожилов не нашли пока документального подтверждения.

Остается неразгаданной загадка Григория Степановича Радулова, члена Одесского тайного союза «Храм общества независимых» начала 1820-х годов. В «Истории Кишинева» сообщается, что Г.С. Радулов – «сын колониста с. Парканы Тираспольского уезда»¹. В то же время историк Л.Н. Оганян, пользуясь другим документальным источником, сообщает, что Г.С. Радулов «получил домашнее образование в с. Глиное»². В «Истории Молдавии» и Молдавской энциклопедии о нем сообщается как об уроженце с. Глиное. Прямых свидетельств пребывания Г. С. Радулова в Парках пока не обнаружено. В работе «Рух декабристів на Україні» мы узнаем, что он – «сын колониста-серба из Тираспольского уезда. В 1810 году, как грамотный писарь, вступил в службу в земский суд в Тирасполе, с 1822 г. переходит протоколистом в коммерческий суд в город Одессу»³.

Заманчиво, конечно, объявить Г. С. Радулова «сыном парканского колониста». Но полной уверенности в этом нет. В списке колонистов Парканы за 1810 год Г.С. Радулов не упоминается. Правда, под номером 62 без указания фамилии в списке написано: «Выбыл по распоряжению начальства»⁴.

К сожалению, пока недостаточно материала об участии парканцев в первой мировой войне, о ее влиянии на село. События, происходящие на грани эпох, всегда трудно проследить. Ряд архивных документов 1914-1918 г.г. находятся в фондах советского периода. Первые находки свидетельствуют о том, что парканских жителей войны обошла минимальными потерями.

Пока еще не обнаружены списки парканцев 1860-1900-х годов, что позволило бы лучше проследить историю парканских родов, а также демографические процессы в селе.

Надеюсь через несколько лет снова вернуться к первой части «Очерков...». А пока впереди не менее богатая событиями история села после 1917 года.

Кардинальные перемены в нашем обществе позволяют нам по-новому взглянуть на многие трагические страницы парканской жизни. Началась подготовка, но вся работа над второй частью книги еще впереди. Надеюсь на помочь односельчан – очевидцев многих событий послереволюционного периода.

Продолжение следует...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов И.А. Крестьяне Левобережного Поднестровья в дореформенный период. Кишинев, 1990.
2. Анцупов И.А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX веке. Кишинев, 1981.
3. Афанасьев-Чужбинский А.С. Собрание сочинений, т. VII. Поездка в Южную Россию. Санкт-Петербург, 1891.
4. «Багратион в Дунайских княжествах». Сборник документов. Кишинев, 1949.
5. Бантыш-Каменский Д. Путешествие в Молдавию, Валахию, Сербию. Москва, 1810.
6. Бантыш-Каменский Д. История Малой России. Часть I-II. Москва, 1822.
7. Бантыш-Каменский Д. История Малой России. Часть I. Москва, 1842.
8. Бачинский А.Д. Основные этапы крестьянско-казацкой колонизации Буджакской степи и низовьев Дуная в XVIII-XIX в.в. – в кн. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1966.
9. Бачинский А. Д. Народна колонізация пониззя Дунаю (остання четверть XVIII-початок XIX ст.) Український историчний журнал, 1964, № 2.
10. Бачинский А.Д. Сербы и болгары в Усть-Дунайском казачьем войске. – сб. «Славянское источниковедение». Москва, 1965.
11. Бернштейн С.Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX в.в. – «Советское славяноведение». 1980, № 1.
12. Бернштейн С.Б. Атлас болгарских говоров СССР. Москва, 1958.
13. Бертенсон В.А. Кооперация в шелководстве. – «Южный кооператор», 1913, № 11.
14. Бертенсон В.А. Шелководство в Херсонской, Бессарабской и Таврической губерниях и меры к его развитию. Одесса, 1894.
15. Бухтеев М. Опыт статистического описания Новороссийского края А. Скальковского – «ЗООИД», т. 3, Одесса, 1850.
16. Быховский Н. Я. К истории заселения Новороссийского края, – «Южные записки», 1905, № 42.
17. Валуев П.А. Дневник Министра внутренних дел в двух томах, т. II, 1865-1876. Москва, 1961.
18. Варадинов Н. Краткое обозрение деятельности Министерства Внутренних Дел в первых двух периодах истории его. – «ЖМВД», 1860, ч. 41, № 3, отд. II.
19. Варадинов Н. История Министерства Внутренних Дел. – «ЖМВД», 1860, ч. 42, №№ 5–6.
20. Варадинов Н. История Министерства Внутренних Дел, ч. I, Санкт-Петербург, 1858, ч. II, Санкт-Петербург, 1859.
21. Велицын А.А. Иностранные колонизации в России. – «Русский вестник», т.т. 200–202, 1889, №№ 1–3.
22. Вельтман А.Ф. Странник, роман. Москва, 1978.
23. Вельтман А.Ф. Избранное. Москва, 1989.
24. Вигель Ф.Ф. Замечания на нынешнее состояние Бессарабии, писанное в октябре 1823 года. Москва, 1892.
25. Виноградники Херсонской губернии. Статистико-экономическое описание. Херсон, 1892.
26. Внешняя политика России XIX – начала XX века. Сборник документов, т. 2. Москва, 1960.
27. Волан Ф.П. Донесение, касающееся географии и топографического положения области Озу или Едисана, общеназванной Очаковской степью, служащее к объяснению карт и планов, снятых по Высочайшему повелению. – «Записки императорского Новороссийского университета», т. 20, Одесса, 1876.
28. Вольтер. История Карла XII. Санкт-Петербург, 1905.
29. Гавриил, архиепископ. Хронологико-историческое описание церквей епархии Херсонской и Таврической. – «ЗООИД», т. 2. Одесса, 1848.
30. Ганичев В. Росс непобедимый. Москва, 1985.
31. Гейсман П.А. и Дубовой А.Н. Граф П.И. Панин. 1721–1789. Санкт-Петербург, 1897.
32. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. Москва, 1945.
33. Голубцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956.
34. Голубцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957.
35. Гордин Р.Р. Странная персона. Кишинев, 1977.
36. Гошкевич В.И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903.
37. Грек И.Ф. Общественное движение и классовая борьба болгар и гагаузов юга России. Конец 20-х – середина 50-х годов XIX века. Кишинев, 1988.

38. Грек И.Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев, 1993.
39. Грек И.Ф., Червенков Н. Българите от Украина и Молдова. Миниатюри и настояще. София, 1993.
40. Грачев В.П. Към вопроса за преселването на българи в Русия в началото на XIX в. (1800–1806) – в сб. «Българско възраждане и Русия». София, 1981.
41. Григорович В.И. Записка о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в военно-ученом архиве Главного штаба. – «Записки императорского Новороссийского университета», т. 20. Одесса, 1976.
42. Григорович В.И. Донесения об испытаниях в Тираспольском уездном училище, Кишиневской гимназии и о болгарских народных училищах в Бессарабии. Одесса, 1869.
43. Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975.
44. Демидов А. Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. Москва, 1852.
45. Демченко Н.А. Виноградарство и виноделие Молдавии в XIX–начале XX веков. Кишинев, 1978.
46. Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.
47. Державин Н.С. Болгарские колонии в России, т. I, София, 1914, т. 2, Петроград, 1915.
48. Добрица Ф., Савченко Г. Город славных традиций. Кишинев, 1976.
49. Добролюбский А.Д. Тайны причерноморских курганов. Одесса, 1988.
50. Дойнов Ст. Преселенчески движения от българските земи по време на руско-турските войни през първата половина на XIX ст. – сб. «Българско възраждане и Русия». София, 1981.
51. Дойнов Ст. Българското национално-освободително движение. 1800–1812. София, 1972.
52. Дрон И. Что в имени твоем, Тигина? – «Независимая Молдова», 24 августа 1994 г.
53. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир. Москва, 1955.
54. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье. 1775–1800 г.г. Москва, 1959.
55. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1825 г.г. Москва, 1975.
56. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825–1860. Москва, 1981.
57. Дружинина Е.И. Классовая борьба крестьян южной Украины в первой четверти XIX в. – в сб. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1966.
58. Дундаров И. Български преселенци в Русия. – «Отечество», 1990, № 12.
59. Еремия А.И. Географические названия рассказывают. Кишинев, 1990.
60. Жаркуцкий И.И. Развитие промышленности и торговли в левобережных районах молдавского Поднестровья в преобразованный период. 1861–1905. Кишинев, 1985.
61. Жаркуцкий И.И. Развитие виноградарства и виноделия в левобережном Поднестровье в 60–90-е годы XIX века. – в сб. «Вопросы истории Молдавии XIX – начале XX в. в. Кишинев, 1989.
62. Жеребцов Н.О двух современных экономических вопросах. – «ЖМНП», 1849, № 3, отд. II.
63. Жуков В. И. Города Бессарабии. 1861–1900. Кишинев, 1975.
64. Заболоцкий А. Хозяйственные замечания о некоторых губерниях южного края России. – «ЖМГИ», 1841, ч. I.
65. Забунов И.Д. Болгари юга России и национальное болгарское возрождение в 50–70-е годы XIX в. Кишинев, 1981.
66. Занетов Г. Българските колонии в Русия. Средец, 1892.
67. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией. 1806–1812, – «Русская старина», 1907–1908.
68. Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область Части I и 2. Санкт-Петербург, 1862.
69. Защук А. Материалы для военной географии и военной статистики России. Военное обозрение Бессарабской области. Санкт-Петербург, 1863.
70. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX веке. Кишинев, 1979.
71. Земские дороги и дорожные сооружения Тираспольского уезда. Одесса, 1895.
72. Иванов И.С. О некоторых выдающихся событиях в современной жизни болгар. Кишинев, 1896.
73. Исторический очерк деятельности Херсонского губернского земства за 1865–1899 г.г. Вып. I. Херсон, 1904; вып. 2, Херсон, 1905.
74. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России. – «ЖМВД», 1837, № 12.
75. История городов и сел Украинской ССР. Одесская область. Киев, 1978.
76. История Кишинева. Кишинев, 1966.
77. История на България, т. 5. София, 1985.

78. История народного хозяйства Молдавской ССР. 1812–1917. Кишинев, 1977.
79. Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX века. Москва, 1979.
80. Кабузан В.М. Крестьянская колонизация Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII-первой половине XIX века – В сб. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1966.
81. Кабузан В.М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья. Конец XVIII-первая половина XIX в. Кишинев, 1974.
82. Казаков Н.И. Из истории русско-болгарских связей в период войны с Турцией 1806-1812 г.г. – «Вопросы истории», 1955, № 6.
83. Казаков Н.И. М.И. Кутузов и национально-освободительное движение народов Балкан в период русско-турецкой войны 1806–1812 г.г. – в сб. «Полководец Кутузов». Москва, 1955.
84. Караман И.И., Мунтян М.П. К вопросу о развитии сельского хозяйства в левобережной Молдавии в первой половине XIX в. – в сб. «Социально-экономическое развитие Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1977.
85. Geller Conrad. The German colonies in South Russia. 1994. B.I. Lincoln. Nebraska.
86. Клаус А. Наши колонии. Санкт-Петербург, 1869.
87. Койфман И.Б. О русско-молдавском заселении восточных районов Молдавии в конце XVIII-начале XIX в.в. – «Ученые записки Кишиневского государственного педагогического института», ч. IV. Кишинев, 1955.
88. Конобеев В.Д. Русско-болгарские отношения в 1806–1812 г.г. – В сб. «Из истории русско-болгарских отношений». Москва, 1958.
89. Кононова В.Ф. История села Красногорка. Кишинев, 1990.
90. Короленко П.П. Черноморцы. Санкт-Петербург, 1874.
91. Коциевский А.С. О русско-украинском и молдавском населении Очаковской области до присоединения ее к России. – «Записки Одесского археологического общества», т. I (34). Одесса, 1960.
92. Кочергин В.А. Наброски по истории города Дубоссары и прилегающего Поднестровья Херсонской губернии. 1648-1870. Одесса, 1911.
93. «Кутузов в Дунайских княжествах». Сборник документов. Кишинев, 1948.
94. Кутузов М.И. Письма, записки. Москва, 1989.
95. Кутузов М.И. Сборник документов, т. 3, 1808-1812. Москва, 1952.
96. Кушниренко В.В. В стране сей отдаленной. Кишинев, 1990.
97. Лаврентьев Б. Очерки хозяйства Херсонской губернии. Санкт-Петербург, 1867.
98. Лебединцев А.Г. Ханская Украина. – «ЗООИД», т. 31. Одесса, 1913.
99. Лясковский В.Г. Столетняя. Одесса, 1966.
100. Марецкий С.К. К вопросу о заселении г. Тирасполя и его окрестностей в конце XVIII – первой половине XIX века. – «Ученые записки Тираспольского государственного педагогического института. Вып. I. Кишинев, 1956.
101. Марецкий С. К. Прошлое города Тирасполя. – «Ученые записки Тираспольского государственного педагогического института. Вып. 3. Кишинев, 1957.
102. Марецкий С.К. Тирасполь (историко-географический очерк). Кишинев, 1958.
103. Материалы для описания русских рек. Вып. I. Днестр Санкт-Петербург, 1907.
104. Материалы для оценки земель Херсонской губернии, т. IV. Тираспольский уезд. Херсон, 1889.
105. Материалы для оценки земель Херсонской губернии, т. IV, Херсон, 1902.
106. Мейер А. Повествование, землемерное и естествословное описание Очаковской земли, содержащееся в двух донесениях. Санкт-Петербург, 1794.
107. Мещерюк И.И. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX в. – «Известия Молдавского филиала АН СССР», №№ 3-4. Кишинев, 1953.
108. Мещерюк И.И. Переселение болгар в южную Бессарабию. 1828–1834. Кишинев, 1965.
109. Миллер Д.П. Заселение новороссийского края и Потемкин. Изд. 2. Харьков, 1904.
110. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Турецкой войны в царствование императора Александра I с 1806 по 1812 годы. Санкт-Петербург, 1843, ч. II.
111. Мофод А. Русское землеустройство. Санкт-Петербург, 1914.
112. Мурзакевич Н. Очерки успехов Новороссийского края и Бессарабии. Одесса, 1846.
113. Наулко В.И. Вивчення етнического складу населення Української РСР – «Народно творчество та етнография». Киев, 1962, № 3.
114. Новаков С.З., Червенков Н.Н. Прошлое и настоящее села Кирютня. Кишинев, 1980.
115. Новейшие известия о турецкой империи для тех, кто желает иметь сведения о состоянии оной, особенно при случае нынешней ее с Россиею и Римской империями войны с генеральною картою всех турецких земель. Санкт-Петербург, 1789.

116. Новороссийский календарь, б/м, б/г, т. I. 1846-1853 г.г. т. 2. 1854-1861 г.г.
117. Нравы и обычаи болгар, живущих в болгарских колониях. – «ЗООИД», т. 4, Одесса, 1860.
118. Новороссийский календарь 1848 года. Одесса, 1848.
119. Обзор Херсонской губернии за 1910 год. Херсон, 1910.
120. Объяснительная записка к карте Елисаветградской провинции. 1772-1774. – «ЗООИД», т. 14. Одесса, 1886.
121. Оганян Л. Н. Общественное движение в Бессарабии в первой четверти ХХ века, ч. II, Кишинев, 1974.
122. Орлова З.С., Ротнер И.Д. Из истории заселения Херсонщины. Херсон, 1993.
123. Осадчий Т.И. Виноградники Херсонской губернии. Херсон, 1892.
124. Отчет по исполнению постановлений за 1911 г. Тираспольского земского собрания. Тирасполь, 1912.
125. Отчет Тираспольской земской управы за 1895 год. Одесса, 1896.
126. Отчет Тираспольской земской управы за 1905 год. Тирасполь, 1906.
127. Отчет Тираспольской уездной земской кассы мелкого кредита за 1913 год. Тирасполь, 1913.
128. Отчет филоксерной комиссии при императорском обществе сельского хозяйства южной России за 1898-1900 г.г. Одесса, 1901.
129. Очерки истории Тирасполя. Кишинев, 1967.
130. Памятная книга по Одесскому учебному округу 1881 года. Одесса, 1881.
131. Памятная книжка по Херсонской губернии на 1864 год. Херсон, 1864.
132. Памятная книжка Херсонской губернии на 1911 год. Херсон, 1911.
133. Пассек Т.С. История племен в V-III тысячелетии до н.э. на территории Молдавии. – «Древности Северо-Западного Причерноморья». Одесса, 1958.
134. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. XVIII. Херсонская губерния. Санкт-Петербург, 1904.
135. Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787-1791, тт. 1-2. Санкт-Петербург, 1880.
136. Письма И.М. де Рибаса Г.А. Потемкину. – «ЗООИД», т. II. Одесса, 1879.
137. Письма В. В. Каховского тайному советнику П.А. Зубову. – «ЗООИД», т. 12, Одесса, 1881.
138. Письма Г. А. Потемкина. – «ЗООИД», т. 20. Одесса, 1897.
139. Письма различных вельмож кн. Г.А. Потемкину. – «ЗООИД», т. 9. Одесса, 1875.
140. Поглубко К., Забунов И. Обновленная Твардица. Кишинев, 1980.
141. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 2.
142. Постановления Тираспольского уездного земского собрания за 1887 год. Тирасполь, 1887.
143. Постановления уездного очередного и чрезвычайного собрания за 1893 год. Тирасполь, 1887.
144. Потоцкий С. Инзов Иван Никитич (биографический очерк), Бендеры, 1904.
145. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. Москва, 1974.
146. Раан фон. Перечень из собственного своего журнала в продолжении прошедшей войны при завоевании Молдавии и Бессарабии с 1787 по 1790 годы. Москва, 1791.
147. Рикман Э.А. Этническая история населения Приднестровья и Прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. Москва, 1975.
148. Рикот. Монархия турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря посольства приOTTOMАНСКОЙ ПОРТЕ. Санкт-Петербург, 1791.
149. Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига. 1769-1812. Сборник документов. Кишинев, 1981.
150. Рух декабристів на Україні. Харків, 1926.
151. Сборник отчетов и докладов Тираспольской земской управы за 1900 год. Тирасполь, 1901.
152. Сборник отчетов и докладов Тираспольской земской управы за 1913 год. Тирасполь, 1914.
153. Сборник Тираспольского уездного земства за 1915 год. Тирасполь, 1915.
154. Сборник Херсонского земства за 1900 год. №№ 1-12. Херсон, 1900.
155. Свињин П.П. Описание Бессарабской области в 1816 году. – «ЗООИД», т. 6, Одесса, 1867.
156. Селиванов А.Д. Опыт постройки Одесско-Парканской железной дороги «хозяйственным американским способом», то есть особым немецким способом и штрафными солдатами. Санкт-Петербург, 1864.
157. Сельскохозяйственная хроника Тираспольского уезда за 1912 год. Херсон. 1913.
158. Сельскохозяйственная хроника Тираспольского уезда за 1914 год. Херсон, 1915.
159. Сельскохозяйственный обзор по Тираспольскому уезду за 1889-1990 годы. Херсон, 1891.

160. Семенова И.В. Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII века. Кишинев, 1970.
161. Семенова И.В. Чугун кагульский, ты священ. Кишинев, 1970.
162. Сергиевский М.В. Молдавские этюды. Москва-Ленинград, 1936.
163. Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848.
164. Он же. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, т. I. Одесса, 1836, т. 2. Одесса, 1838.
165. Он же. Опыт статистического описания Новороссийского края. Часть I. Одесса, 1850. Часть II. Одесса, 1853.
166. Следы лагеря Карла XII возле Бендер. – «ЗООИД», т. 2. Одес-са, 1848.
167. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.
168. Список населенных мест по сведениям на 1859 г. Херсонская губерния, т. 47. Санкт-Петербург, 1868.
169. Список населенных мест Херсонской губернии по данным Все-российской сельскохозяйственной переписи 1916 года.
170. Список населенных мест Херсонской губернии. Тираспольский уезд. Александрия. 1917.
171. Список населенных пунктов и некоторые справочные данные по Тираспольскому уезду Херсонской губернии. Одесса, 1907.
172. Сравнительный взгляд на Очаковскую область в 1790 и 1840 годах. – «ЗООИД», т. I, Одесса, 1844.
173. Стальной магистрали Молдавии – 100 лет. Кишинев, 1971,
174. Статистико-экономический обзор Тираспольского уезда за 1903 год. Тирасполь, 1905.
175. Статистико-экономический обзор Тираспольского уезда за 1916 год. Тирасполь, 1917.
176. Статистико-экономический обзор Херсонской губернии за 1902 год. Херсон, 1905.
177. Стемпковский И.А. О трудах Дюка Ришелье по части управле-ния в полуденной России, – «ЗООИД», т. 10. Одесса, 1877.
178. Стороженко А.Я. Два месяца в дороге по Бессарабии, Молда-вии и Валахии в 1829 году. Москва, 1872.
179. Сумароков П. Путешествие по югу России в 1799 году. Санкт-Петербург, 1800.
180. Тираспольское земство. Денежный отчет управы за 1910 год. Тирасполь, 1911.
181. Тираспольское уездное земское собрание. Постановления сес-сии 1907 года. Тирасполь, 1907.
182. Тираспольское уездное земское собрание. Сессия 1909 года Тирасполь. 1909.
183. Тираспольское уездное земство. Отчет по народному образо-ванию за 1913 год. Тирасполь. 1913.
184. Труды комитета шелководства императорского общества сель-ского хозяйства южной России за 1898-1900 годы. Одесса, 1901.
185. Указы Екатерины II В.В. Кауховскому. – «Русская старина», 1900, №№ 11–12.
186. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятель-ность А.П. Юшневского. Сборник документов. Кишинев, 1957.
187. Фабрициус А.В. Археологическая карта Причерноморья Укра-инской ССР. Киев, 1951.
188. Фадеев А.М. Воспоминания. – «Русский архив», 1891, №№ 1–6.
189. Хаджиниколова Е. Българските преселенци в южните области на Русия. 1856–1877. София, 1987.
190. Херсонская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сель-скохозяйственной промышленности. Санкт-Петербург, 1903.
191. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века. Москва, 1961.
192. Чельышев Б.Д. Тирасполь (исторический очерк). Кишинев, 1989.
193. Шахмагонов Н.Ф. От Очакова до Измаила. Москва, 1991.
194. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствова-ние, в 4-х томах, т. 3. Санкт-Петербург, 1897.
195. Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Ленин-град, 1975.
196. Шмидт А. Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. Санкт-Петербург, 1863.
197. Эварницкий Д.И. История запорожского казачества в 3-х томах, т. 3. 1688-1734. Санкт-Петербург, 1897.
198. Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев, 1985.
199. Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы нижнего Поднес-тровья. Кишинев, 1990.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ (до 1917 года)

1. «Бессарабские губернские ведомости».
2. «Летопись Херсонского археологического музея».
3. «Одесский вестник».
4. «Сборник Херсонского земства».

5. «Херсонские епархиальные ведомости».
6. «Херсонские губернские ведомости».
7. «Южные записки».
8. «Южный кооператор».

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. ГАОО – Государственный архив Одесской области.
2. ДОГА – Днепропетровский областной государственный архив.
3. «ЖМВД» – «Журнал Министерства Внутренних Дел».
4. «ЖМГИ» – «Журнал Министерства Государственных имуществ».
5. «ЗООИД» – «Записки Одесского общества истории и древностей».
6. НАРМ – Национальный архив Республики Молдова.
7. РГИА – Российский государственный исторический архив.
8. ХОГА – Херсонский областной государственный архив.

ПРИМЕЧАНИЯ ВОЗРОЖДАЯСЬ ИЗ ПЕПЛА

1. Гошкевич В.И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, стр. 114.
2. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 30.
3. Защук А.И. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская обл., часть 2. Санкт-Петербург, 1862, стр. 149.
4. «Летопись Херсонского археологического музея», б/г, стр. 10.
5. Фабрициус И.В. Археологическая карта..., стр. 30.
6. Дрон И. «Что в имени твоем, Тигина?» – «Независимая Молдова», 24 августа 1994 г.
7. Челеби Э. Книга путешествия, вып. I. Земли Молдавии и Украины. Москва, 1961, стр. 45.
8. Там же.
9. Рикот. Монархия турецкая. Санкт-Петербург, 1741, стр. 77.
10. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края, часть I. Одесса, 1850, стр. 296.
11. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков, т. 3. Санкт-Петербург, 1897, стр. 347.
12. Исторический очерк деятельности Херсонского губернского земства за 1865–1899 г.г., вып. I. Херсон, 1904, стр. 2.
13. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889, стр. 100.
14. Скальковский А.А. Опыт статистического описания..., стр. 296.
15. Смирнов В.Д. Крымское ханство..., стр. 116.
16. Бантыш-Каменский Д. История Малой России, часть I. Москва, 1842, стр. 298.
17. «Очерки истории Тирасполя». Кишинев, 1967, стр. 8.
18. Гейсман П.А., Дубовой А.Н. Граф Панин. Санкт-Петербург, 1897, стр. 46.
19. Кочергин В.А. Наброски по истории города Дубоссары и прилегающего Поднестровья... Одесса, 1911, стр. 6.
20. Бачинский А.Д. Народна колонізація поніззя Дунаю. – «Український історичний журнал», 1964, № 2, стр. 97.

21. Ф.П. де Волан. Донесение, касающееся географического и то-
пографического положения области Озу... – «Записки императорского
Новороссийского университета», т. 20, Одесса, 1876, стр. 25.
22. Верста – русская мера длины, равная 1,0668 км.
23. «ЗООИД», т. II, Одесса, 1897, стр. 406.
24. Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императри-
цы Екатерины II, т. 2. Санкт-Петербург, 1880, стр. 31.
25. Шахмагонов Н.Ф. От Очакова до Измаила. Москва, 1991, стр. 49.
26. Совсем недавно, в 1993 году, на левом берегу Днестра вымы-
ло останки большой лодки, которые находятся теперь в Бендерском
краеведческом музее. Возраст находки пока не определен, но вполне
возможно, что были найдены останки казацкой лодки.
27. Форштадт – предкрепостное сооружение.
28. Короленко П.П. Черноморцы. Санкт-Петербург, 1874, стр. 15.
29. Ф.П. де Волан. Донесение..., стр. 19.
30. «Русская старина», 1900, № 11, стр. 292.
31. В дальнейшем произошел еще целый ряд административно-
территориальных изменений. В 1795 г. был создан Тираспольский уезд
в составе новообразованной Вознесенской губернии. В 1796 г. она была
переименована в Новороссийскую, затем с 1802 г. в Николаевскую, 15
мая 1803 Николаевская губерния была переименована в Херсонскую
и вплоть до 1917 года Парканы входили в Тираспольский уезд Херсон-
ской губернии. Таврическая, Екатеринославская, Херсонская губернии
и Бессарабская область долгое время были объединены в Новороссий-
ское генерал-губернаторство.
32. «ЗООИД», т. I, Одесса, 1844, стр. 26).
33. Там же, т. 12, Одесса, 1881, стр. 378.
34. Там же. т. 2, Одесса, 1848, стр. 170.
35. Там же.
36. Сумароков П.И. Путешествие по югу России. Санкт-Петербург,
1800, стр. 229. 37. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение исто-
рии Новороссийского края, часть II. Одесса, 1838, стр. 129.
38. ХОГА, ф. 22, оп. I, д. I, л. 3.
39. Там же, л. 11.
40. «Летопись Херсонского археологического музея», 1912, стр. 12.
41. Фабрициус И.В. Археологическая карта..., стр. 30.
42. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение..., ч. I, стр. 219.
43. Исторический очерк деятельности...; стр. 5.

44. Несмотря на присоединение в 1812 г. Бессарабии к России.,
таможенная деятельность в Парках продолжалась до 1832 г., когда
Днестровская карантинная линия была передвинута за Прут и Дунай.
Но здание карантина продолжало поддерживаться на случай надобно-
сти в хорошем состоянии. Для присмотра оставлены были комиссар и
караульные служители. Лишь в 1846 г. Днестровская карантинная ли-
ния, а с ней и Парканская таможня, была полностью упразднена.

II. ОБРАЗОВАНИЕ КОЛОНИИ И ЗАСЕЛЕНИЕ ПАРКАН БОЛГАРАМИ

1. Клаус А. Наши колонии. Санкт-Петербург. 1869. стр. 298: Занетов
Г. Българските колонии в Русия. Средец, 1892. стр. 385; Державин Н.С.
Болгарские колонии в России, т. I, София. 1914, стр. 10; Анцупов И.А.
Крестьяне левобережного Поднестровья в дореформенный период.
Кишинев, 1990, стр. 43; Бернштейн С.Б. Основные этапы переселения
болгар в Россию в XVIII-XIX в.в. – «Советское славяноведение», 1980,
№ 1, стр. 50; Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII-первой полу-
виде XIX века. Москва, 1979, стр. 188; Хаджиниколова Е. Българските
преселенци в южните области на Русия. 1856-1877. София, 1987, стр.
25 и др.
2. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение..., т. 2, стр. 72, 328;
он же. «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае».
Одесса, 1848, стр. 10; он же. Опыт статистического описания часть I,
стр. 130.
3. Мало кто знает, что А. Скальковский еще и автор нескольких по-
вествостей и пьес.
4. Бухтеев М. Опыт статистического описания А. Скальковского. –
«ЗООИД», т. 3, Одесса, 1850.
5. Скальковский А.А. Болгарские колонии..., стр. 90.
6. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, т. 65, ст. «Тираспольский
уезд».
7. Полный свод законов Российской империи, изд. 2, т. 30, стр. 295.
8. Шмидт А. Материалы для географии и статистики России. Хер-
сонская губерния. Санкт-Петербург, 1863, часть I, стр. 69.
9. Материалы для оценки земель Херсонской губернии, т. IV. Тира-
спольский уезд. Херсон, 1889, стр. 86.
10. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1801–1825 г.г. Москва, 1970,
стр. 116.
11. Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Ленинград,
1975, стр. 79–80.
12. ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 570.
13. РГИА, ф. 383, оп.29, д. 262, л. 4 об.

14. ГАОО, ф. 6, оп. 7, д. 9, л. 1.
15. ДОГА, ф. 134, оп. 1, д. 172, л. 43 об.
16. РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 262, л. 4 об.
17. Койфман И.Б. О русско-молдавском заселении восточных районов Молдавии в конце XVIII-начале XIX в. – «Ученые записки КГПИ», 1955, т. IV, стр. 104; Шишмарев Е. Ф. Романские поселения., стр. 80.
18. РГИА. ф. 383, оп. 29, д. 262, лл. 17–19.
19. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 454, л. 7.
20. НАРМ, ф. 5, оп. 2, д. 470.
21. Гипотезы – вещь нежелательная для историка. Но все же рискну предположить, что украинские семьи, поселившиеся в Парканах в 1805 году, вероятно, были теми самыми черноморцами, ушедшими за Днестр в 1792 г. Во-первых, удивительно совпадает число семей: 20 и 20. Во-вторых, парканское предание гласит, что землю первым поселенцам-украинцам дала Екатерина И.
22. РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 262, л. 1 об.
23. там же, л. 10.
24. ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 9, л. 12.
25. там же, л. 74.
26. ДОГА, ф. 134, оп. 1, д. 150, л. 90 об.
27. ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 570, л. 3.
28. «Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига. 1769–1812». Сборник документов. Кишинев, 1984, стр. 188.
29. там же, стр. 191.
30. ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 9, л. 12.
31. ДОГА, ф. 134, оп. 1, д. 172, л. 45 об.
32. там же, лл. 42 об-48.
33. ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 1162, л. 3.
34. там же, л. 4.
35. там же, л. 7.
36. там же, л. 7 об.
37. ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 8, л. 1.
38. там же, д. 22, л. 11.
39. РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 262, л. 20.
40. там же, лл. 21 об.-22.
41. там же, л. 22 об.
42. там же, лл. 34-34 об.
43. Полный свод законов Российской империи, изд. 2, т. 30, Санкт-Петербург, 1855, № 23072, стр. 295.
44. ГАОО, ф. 1, оп. 220, д. 9, л. 40.
45. ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 643, л. 43.
46. ГАОО, ф. оп. 1, д. 633, лл. 1–3.
47. НАРМ, ф. 1, оп. 1, д. 1155, лл. 1-2.
48. там же, д. 1107.
49. «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского». Сборник документов. Кишинев, 1975, док. № 8, стр. 16.
50. там же, стр. 17. В документе ошибочно написано «Кара Вильков».
51. ДОГА, ф. 134, оп. 1, д. 274, лл. 1-8 об.
52. ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 100, л. 11.
53. «Устройство задунайских переселенцев...», стр. 17.
54. Конобеев В.Д. Русско-болгарские отношения в 1806–1812 гг. – В сб.: «Из истории русско-болгарских отношений». Москва, 1958, стр. 260.
55. ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 346, л. 36.
56. Бернштейн С.Б. Атлас болгарских говоров. Москва, 1958. Приложение, стр. 12; его же, «Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. – «Советское славяноведение», 1980, № 1, стр. 53.
57. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение..., т. 2, стр. 130.
58. Добрица Ф., Савченко Г. Город славных традиций. Кишинев, 1976, стр. 9.
59. Грек И. Ф., Червенков Н. Н. Българите от Украина и Молдова. Минало и настоящее. София, 1993, стр. 18.
60. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 470.
61. там же, ф. 6, оп. 6, д. 100, л. 11.
62. Скальковский А. А. Болгарские колонии..., стр. 10.
63. там же, стр. 89.
64. ГАОО, ф. 6, оп. 7, д. 9, л. 2.
65. «Записки Новороссийского императорского университета», т. 20, Одесса, 1876, стр. 19.
66. Державин Н.С. Болгарские колонии в России, т. 2, Петроград, 1915, стр. 325.
67. там же, стр. 337.
68. та же, стр. 337.
69. Бернштейн С.Б. Основные этапы..., стр. 57.
70. На характерные черты македонского диалекта в парканском говоре обратила внимание филолог Молдавского государственного университета Н.В. Кара в ходе нескольких бесед со мной.
71. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 1716 л. 189.

III. ПАРКАНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ЕГО МЕСТО В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ

1. «Русский архив», 1891, № 3, стр. 388.
2. Памятная книжка по Херсонской губернии за 1864 год. Херсон, 1864, стр. 136.
3. ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 1106.
4. ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 22, л. 11.

5. там же.
6. там же.
7. Новороссийский календарь за 1848 г. Одесса, 1848, стр. 358.
8. ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 134, лл. 6, 11.
9. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 313, л. 4.
10. там же, д. 171, л. 189.
11. там же, д. 644, лл. 1–3.
12. там же, д. 959, лл. 12, 15.
13. там же, ф. 6, оп. 4, д. 21732.
14. там же, ф. 252, оп. 1, д. 59.
15. там же, ф. 6, оп. 4, д. 2215.
16. там же, ф. 252, оп. 1, д. 5116 л. 2.
17. там же, д. 355, лл. 1, 5, 7.
18. там же, д. 784.
19. там же, д. 764, л. 3.
20. там же, д. 288.
21. там же, д. 932, лл. 7, 28 об.-29.
22. там же, ф. 6, оп. 6, д. 69, лл. 1-5.
23. там же, оп. 1, д. 6228.
24. там же, ф. 252, оп. 1, д. 750, л. 1 об.
25. там же, ф. 66 оп. 66 д. 134, л. 11.
26. Отчет Тираспольской уездной земской управы за 1916. Тирасполь, 1916, приложения, стр. 30.
27. Велицын А.А. Иностранные колонизации в России. – «Русский вестник», 1889, № 3, стр. 222.
28. «Херсонские губернские ведомости», 1871 от 28 июня, № 58.
29. Иногда в документах встречается название «Паркано-Терновская волость».

IV. НАСЕЛЕНИЕ ПАРКАН в XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

1. ГАОО, ф. 37, оп. 2а, д. 82, л. 14.
2. Державин Н. С. Болгарские колонии..., т. 1, стр. 46.
3. ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 22, л. 11.
4. там же, оп. 1, д. 2225, л. 3.
5. там же, ф. 252, оп. 1, д. 511, л. 4.
6. Афанасьев-Чужбинский А. С. Сочинения, т. VIII, Поездка в южную Россию. Санкт-Петербург, 1891, стр. 390.
7. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 546, л. 4 об.
8. там же, д. 223, л. 1.
9. В отдельных документах упоминается как «Панайот Пенов».
10. ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 633, лл. 1-4.
11. НАРМ, ф. 134, оп. 2, д. 438, л. 897.
12. там же, л. 898, ХОГА, ф. 22, оп. 1, д. 94.
13. ХОГА, ф. 22, оп. 1, д. 94.

V. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕЛА

1. Демидов А. Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. Москва, 1853, стр. 248.
2. ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 570, л. 23. 1 десятина = 1,09 га.
3. там же.
4. ГАОО, ф. 1, оп. 220, д. 9, л. 60 об.
5. ХОГА, ф. 14, оп. 1, 1290, л. 14.
6. Название Калкатовой балки в Тирасполе, очевидно, связано с фамилией этого землевладельца.
7. Полный свод законов Российской империи, т. 37.
8. ГАОО, ф. 1, оп. 190, д. 77, л. 28.
9. там же, оп. 252, оп. 1, д. 567, л. 1.
10. Клаус А. Наши колонии..., стр. 298. Кстати, эта фраза А. Клауса позволила отдельным исследователям «поселить» с самого начала в Парканах такое количество семей.
11. там же, стр. 299.
12. ГАОО, ф. 6, д. 100, л. 11.
13. Клаус А. Наши колонии..., стр. 298.
14. Сборник Тираспольского уездного земства. Отчетный доклад управления. Тирасполь, 1914, ч. II, стр. 7.
15. РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 262, л. 8.
16. Единицы массы в системе русских мер. 1 пуд = 16,38 кг, 1 фунт = 0,4 кг, 1 золотник = 4,266 г.
17. ГАОО, ф. 1, оп. 220, д. 8, л. 36.
18. там же, ф. 6, оп. 1, д. 2407, л. 97.
19. Материалы для оценки земель Херсонской губернии, т. IV. Тираспольский уезд. Херсон, 1889, стр. 231.
20. Труды комитета шелководства императорского общества сельского хозяйства южной России. Одесса, 1901, стр. 52-53.
21. Материалы для оценки земель..., стр. 230.
22. Скальковский А. Опыт статистического описания, ч. II, стр. 160.
23. Материалы для оценки земель..., стр. 230.
24. Труды комитета по шелководству..., стр. 51.
25. Сборник Тираспольского уездного земства за 1915 год, стр. 94.
26. ДОГА, ф. 134, оп. 1, д. 274, л. 10.
27. ХОГА, ф. 22, оп. 1, д. 1, лл. 84-110. Ревизские сказки г. Одессы обнаружены мной в г.Херсоне совершенно случайно. Любопытно, что в преддверии 200-летия города одесситы эти документы не нашли.
28. Русская мера сыпучих тел. 1 четверть = 210 литрам.
29. Анцупов И.А. Крестьяне левобережного Поднестровья..., стр. 114.

30. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 57, лл. 1-2.
31. там же, ф. 6, оп. 4, д. 20895, л. 2. 1 четверик = 26,24 л. 1 гарнец = 3,3 л.
32. Сборник отчетов и докладов Тираспольской земской управы за 1900 год. Тирасполь, 1900, прил. VIII.
33. Материалы для оценки земель..., 1902 г., стр. 100-105.
34. ХОГА, ф. 5, оп. 2, д. 256 л. 2.
35. Сборник Тираспольского уездного земства за 1915 год..., стр. 9.
36. ХОГА, ф. 5, оп. 2, д. 25, л. 4.
37. Державин Н. С. Болгарские колонии..., т. I, стр. 72.
38. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 59, л. 1.
39. Шмидт А. Материалы для географии и статистики..., ч. II, стр. 131.
40. там же, стр. 132.
41. Сборник Херсонского земства, 1900, № 11, стр. 266.
42. Сборник Тираспольского уездного земства за 1914 год. Тирасполь, 1914, приложения, стр. 44.
43. ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 21732, л. 34.
44. там же, ф. 252, оп. 1, д. 289, л. 7.
45. Виноградники Херсонской губернии. Статистико-экономическое описание. Херсон, 1892, стр. 51, 62.
46. В годы Советской власти поместье Фишера стало базой для образования совхоза-техникума им. Фрунзе.
47. Отчет филоксерной комиссии... Одесса, 1884, стр. 79.
48. Сборник Херсонского земства, 1900, № 3, стр. 61.
49. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 637, л. 1.
50. Сборник Тираспольского уездного земства, Тирасполь, 1914, стр. 44.
51. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 666, лл. 58-60.
52. там же, д. 430, лл. 13-14.
53. НАРМ, ф. 5, оп. 3, д. 683.
54. там же, ф. 2, оп. 1, д. 7898, л. 4.
55. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 886, лл. 1-2.
56. НАРМ, ф. 75, оп. 1, д. 161, д. 162.
57. ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 2462.
58. там же, оп. 2, д. 9274.
59. там же, оп. 4, д. 21732, л. 5.
60. там же, оп. 6, д. 134, лл. 9-10.
61. Мейер А. Повествование землемерное..., стр. 106.
62. Постановления Тираспольского уездного земского собрания за 1893 год. Одесса, 1894, стр. 176.
63. Материалы для оценки земель... Херсон, 1889, стр. 234.

64. Афанасьев-Чужбинский А.С. Сочинения..., стр. 390. Державин Н.С. Болгарские колонии..., т. I, стр. 72.
65. Державин Н.С. Болгарские колонии..., стр. 58.
66. Мофод А. Русское землеустройство. Санкт-Петербург, 1914, стр. ПО.
67. Сборник Тираспольского уездного земства. Отчеты и доклады управления. Тирасполь, 1914, ч. II, стр. 20.
68. Державин Н.С. Болгарские колонии..., т. I, стр. 59.
69. Отчет Тираспольской земской управы за 1905 год. Тирасполь, 1905, стр. 143.
70. Сборник Тираспольского уездного земства за 1915 год. Тирасполь, 1915, приложение 16.
71. ХОГА, ф. 5, оп. 2, д. 25, лл. 1-2.

VI. ПУТИ СООБЩЕНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи, т. 37, № 28391.
2. Очерки истории Тирасполя, Кишинев, 1967, стр. 19.
3. История народного хозяйства Молдавской ССР. 1812–1917. Кишинев, 1977, стр. 307.
4. Защук А. Материалы для географии и статистики..., стр. 149.
5. НАРМ, ф. 2, оп. 2, д. 144, л. 8.
6. там же, л. 27.
7. ГАОО, ф. 252, оп. 3, д. 7.
8. Вельтман А. Ф. Избранное. Москва, 1989, стр. 445.
9. Защук А. Материалы для географии и статистики..., т. I, стр. 150.
10. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 1134, л. 103.
11. там же, л. 123.
12. ГАОО, ф. 252, оп. 3, д. 7, л. 47.
13. там же, л. 47 об.
14. Защук А. Материалы для географии и статистики, т. I, стр. 150.
15. ГАОО, ф. 252, оп. 3, д. 7, л. 59.
16. там же, л. 95.
17. там же, л. 96.
18. там же, л. 100.
19. Стороженко А.Я. Два месяца в дороге по Бессарабии, Молдавии и Валахии. Москва, 1872, стр. 4-5.
20. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 6228, л. 1.
21. там же, д. 6092, л. 145.
22. Афанасьев-Чужбинский А. С. Сочинения..., стр. 391.
23. ГАОО, ф. 1, оп. 248, д. 2570.
24. Стальным магистралям Молдавии – 100 лет. Кишинев, 1971, стр. 6.

25. Селиванов А. Д. Опыт постройки Одесско-Парканской железной дороги..., Санкт-Петербург, 1864.
26. «Одесский вестник», 1868, № 135.
27. Валуев П. А. Дневник Министра Внутренних Дел, т. 2, Москва, 1961, стр. 446.
28. Лемберг – название г. Львова до 1918 г.
29. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 7783, л. 1.
30. там же, д. 8120, лл. 1-8.
31. «Одесский вестник», № 19 от 26 января 1871 г.
32. там же.
33. «Бессарабские областные ведомости» от 21 августа 1871 г.
34. Земские дороги и дорожные сооружения Тираспольского уезда. Одесса, 1895, стр. 125.
35. там же, стр. 127.
36. Тираспольское уездное земское собрание. 1909 г. Постановление № 56 о Парканской дамбе, стр. 94-95.
37. Список населенных пунктов и некоторые справочные данные по Тираспольскому уезду. Одесса, 1907, стр. 128.
38. Отчет Тираспольской земской управы за 1905 г. Тирасполь, 1905, стр. 45.
39. ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 1761.
40. Херсонская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Санкт-Петербург, 1903, стр. 169.
41. Материалы для описания русских рек. Вып. I. Днестр. Санкт-Петербург, 1902, стр. 71.
42. там же, стр. 121.
43. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. 4, стр. 98.
44. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 8043, л. 42 об.
45. «Одесский вестник», № 222, 1869.
46. Пушкин в воспоминаниях современников в 2-х томах, Москва, 1974, т. I, стр. 334.
47. Вигель Ф.Ф. Замечание на нынешнее состояние Бессарабии, писанное в октябре 1823 г. Москва, 1892, стр. 25.
48. Стороженко А. Я. Два месяца в дороге..., стр. 3.
49. ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 1452, лл. 35-36.
50. Шмидт А. Материалы для географии и статистики..., ч. II, стр. 764.

VII. ШКОЛА

1. Грек И.Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX в. Кишинев, 1993, стр. 94. Выражаю автору этой книги искреннюю благодарность за предоставленные мне материалы архивов, где удалось обнаружить несколько любопытных документов, связанных с Парканами.

2. ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 20510, л. 54.
3. Грек И. Ф. Школа..., стр. 99.
4. ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 9474.
5. Conrad Celler..., р. 31.
6. ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 20510, л. 1 об.
7. там же, ф. 37, оп. 2а, д. 533, л. 55.
8. там же, ф. 6, оп. 4, д. 29510, л. 4 об.
9. там же, л. 9.
10. там же, л. 4.
11. там же, д. 21732, л. 43.
12. там же, д. 134, л. 6.
13. Энциклопедия Брокгауза и Ефона, т. 40, ст. «Начальное народное образование».
14. Памятная книга по Одесскому учебному округу, 1881 г. Одесса, 1881, стр. 847, 777.
15. ГАОО, ф. 37, оп. 2а, д. 425, л. 149 об.
16. Григорович В.И. Донесения об испытаниях в Тираспольском уездном училище, Кишиневской гимназии и о болгарских народных училищах Бессарабии. Одесса, 1869, стр. 3.
17. Статистико-экономическое обозрение Тираспольского уезда за 1916 г. Тирасполь, 1916, стр. 9.
18. НАРМ, ф. 152, оп. 47, д. 1, лл. 30, 31, 347
19. Отчет Тираспольского уездного земства по народному образованию за 1913 г. Тирасполь, 1913, стр. 131.

VIII. ЦЕРКОВЬ

1. Архиепископ Гавриил. Хронологическое описание..., стр. 170.
2. ХОГА, ф. 22, оп. 1, д. 1, л. 83.
3. Тирасполь был основан на месте Старой Суклеи.
4. ДОГА, ф. 134, оп. 1, д. 108, л. 2.
5. там же, д. 127, л. 2.
6. ГАОО, ф. 37, оп. 2а, д. 82, л. 14.
7. там же, ф. 252, оп. 1, д. 199, л. 8 об.
8. там же, д. 260, л. 1.
9. там же, д. 199, лл. 12-18.
10. там же, д. 354, л. 4.
11. там же, д. 667, л. 1.
12. там же, ф. 37, оп. 2а, д. 251, л. 153.
13. там же, ф. 6, оп. 4, д. 21372, л. 29.
14. там же, ф. 252, оп. 1, д. 750.
15. НАРМ, ф. 1862, оп. 9, д. 284, л. 34.
16. ГАОО, ф. 37, оп. 2а, д. 533, л. 54.

17. там же, оп. 4, д. 103, л. 214.
18. «Херсонские епархиальные ведомости», 1874, ¹¹ 23-24.
19. там же, № 23, стр. 1.
20. ГАОО, ф. 37, оп. 2а, д. 425, л. 147.
21. там же, л. 105.

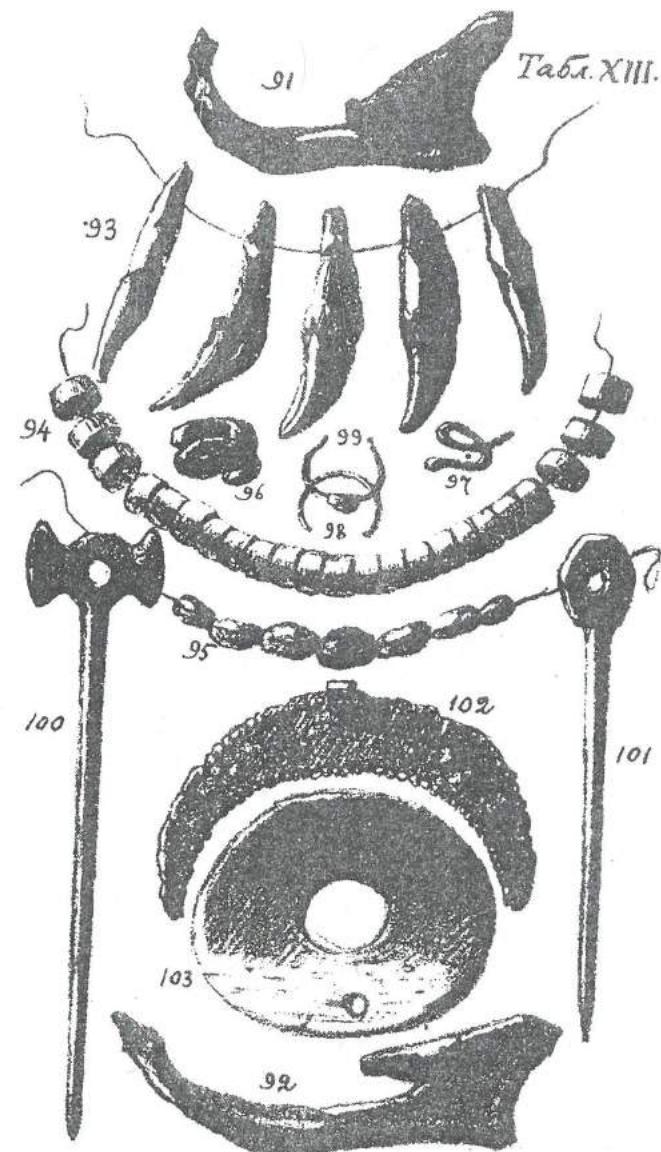
IX. КУЛЬТУРА, БЫТ, ТРАДИЦИИ ПАРКАНСКИХ БОЛГАР

1. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 1028.
2. там же, д. 454, лл. 6-12.
3. Афанасьев-Чуббинский А. С. Сочинения..., стр. 391.
4. там же, стр. 394.
5. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 901, лл. 1-4.
6. Державин Н.С. Болгарские колонии..., стр. 76.
7. там же, стр. 80.
8. Афанасьев-Чуббинский А.С. Сочинения..., стр. 76.
9. Державин Н.С. Болгарские колонии..., стр. 89.
10. Афанасьев-Чуббинский А.С. Сочинения..., стр. 390.
11. Державин Н.С. Болгарские колонии..., стр. 167.
12. там же, стр. 46.
13. Анцупов И. А. Крестьяне левобережного Поднестровья... стр. 115. К сожалению, пока не удалось увидеть документ своими глазами.
14. ГАОО, ф. 252, оп. 1, д. 858.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

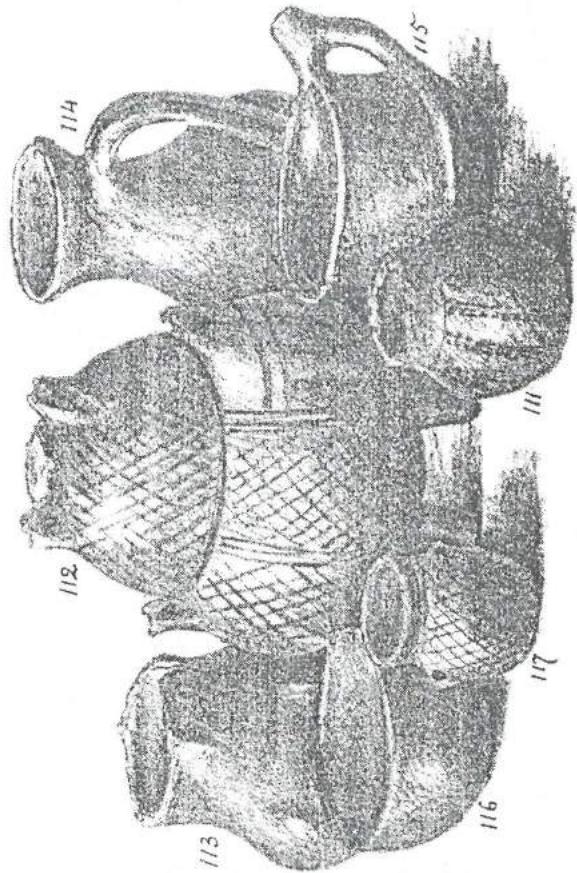
1. История Кишинева. Кишинев, 1966, стр. 62.
2. Оганян Л.Н. Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX века. Кишинев, 1974, часть II, стр. 117.
3. Рух декабристів на Україні, Харків, 1926, стр. 165.
4. ДОГА, ф. 134, оп. 1, д. 274, л. 8 об.

Табл. XIII.

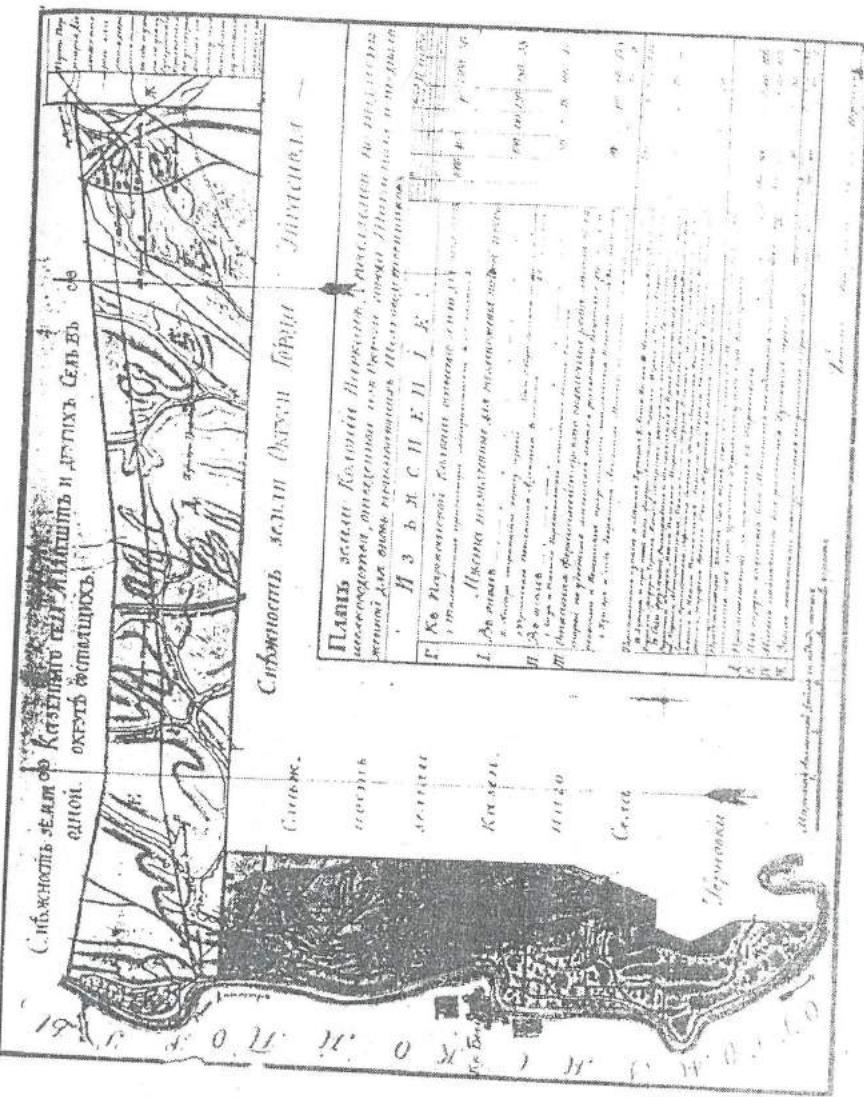

Находки из парканских курганов

Tab. XV.

Находки из парканских курганов

И.Н. Инзов –
Главный попечитель
иностранных поселенцев
юга России

Э.О. Ришелье –
генерал-губернатор
Новороссийского края
с 1805 по 1815 гг.

Д.Ф. Мищенко

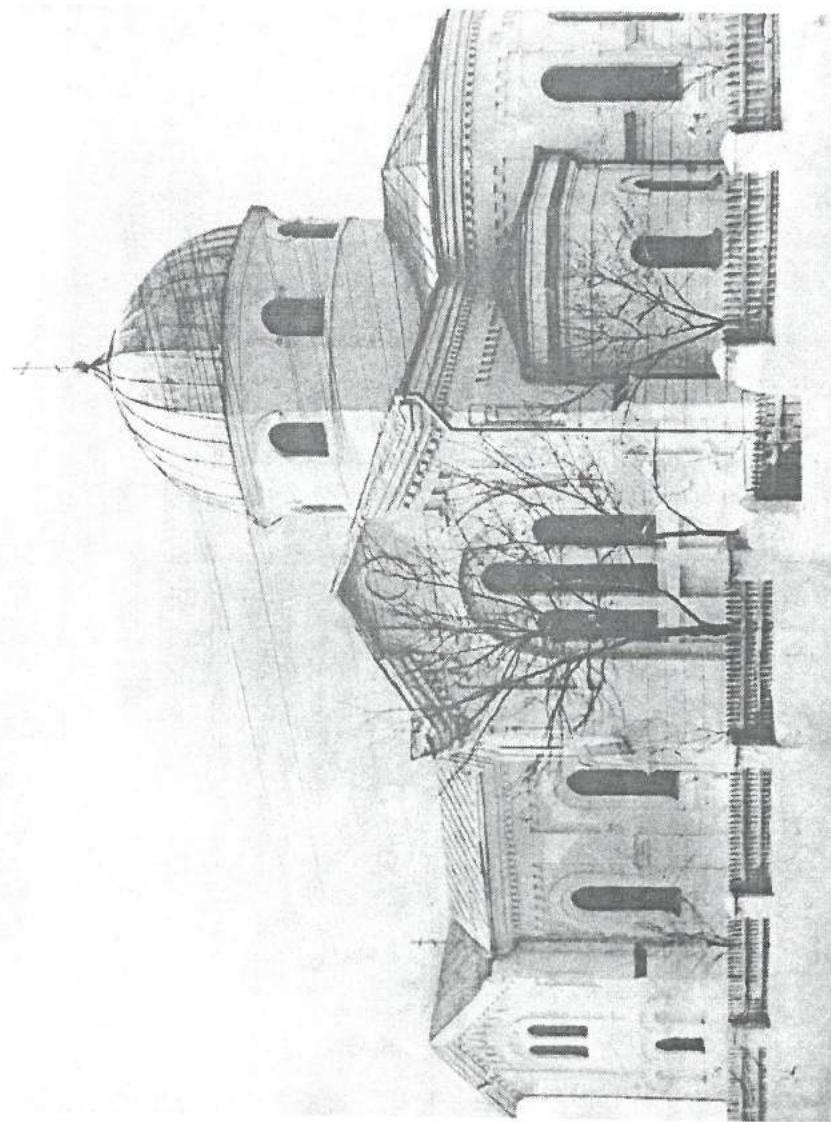
Семья Д. Ф. Мищенко (из книги Н. С. Державина)

194

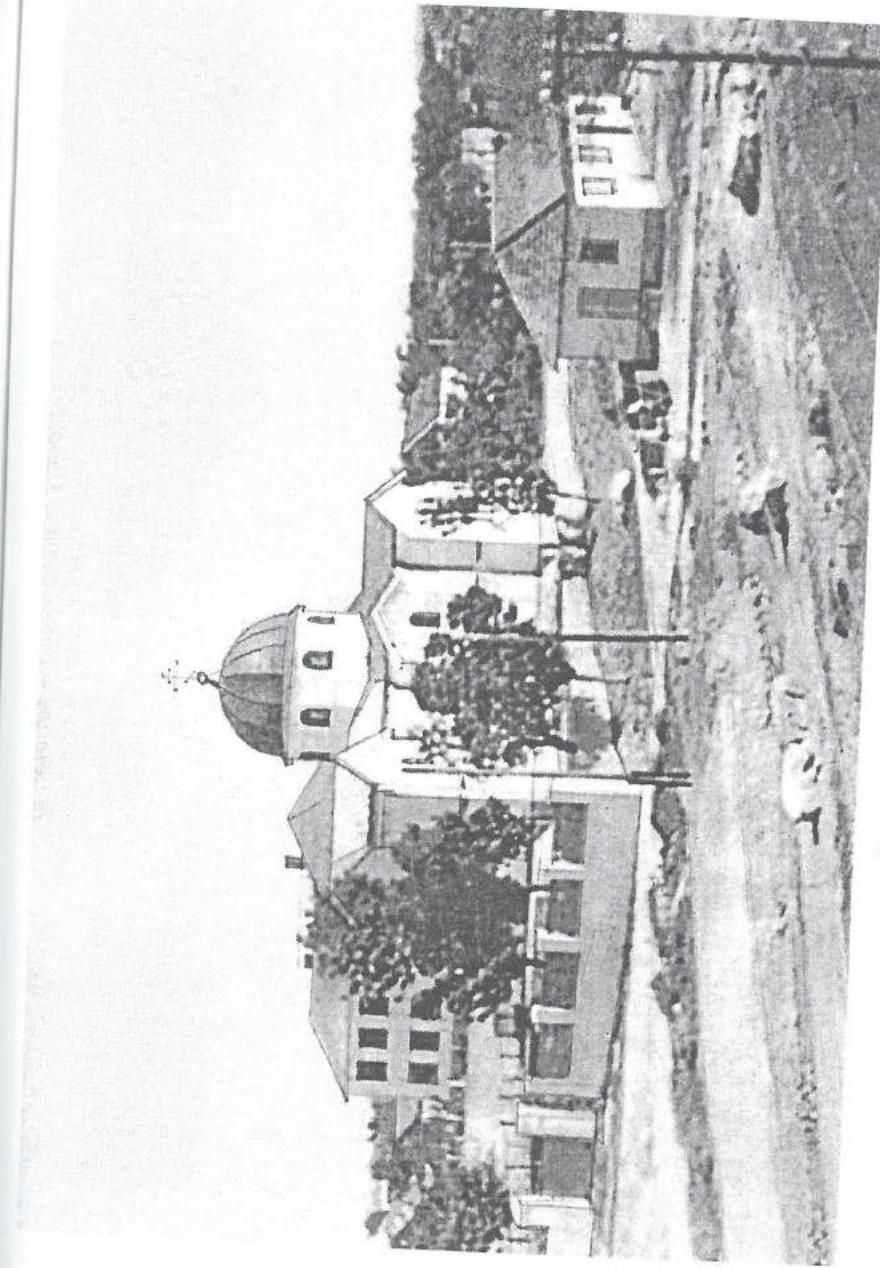
Семья Добровых

195

Свято-Михайловская церковь

196

197

Свято-Михайловская церковь, 1956

Церковный хор Свято-михайловской церкви
(в центре – отец Сергей Делов)

198

199

Прихожане

Праправнук первого поселенца
Бано Жекова – Я.В. Жеков

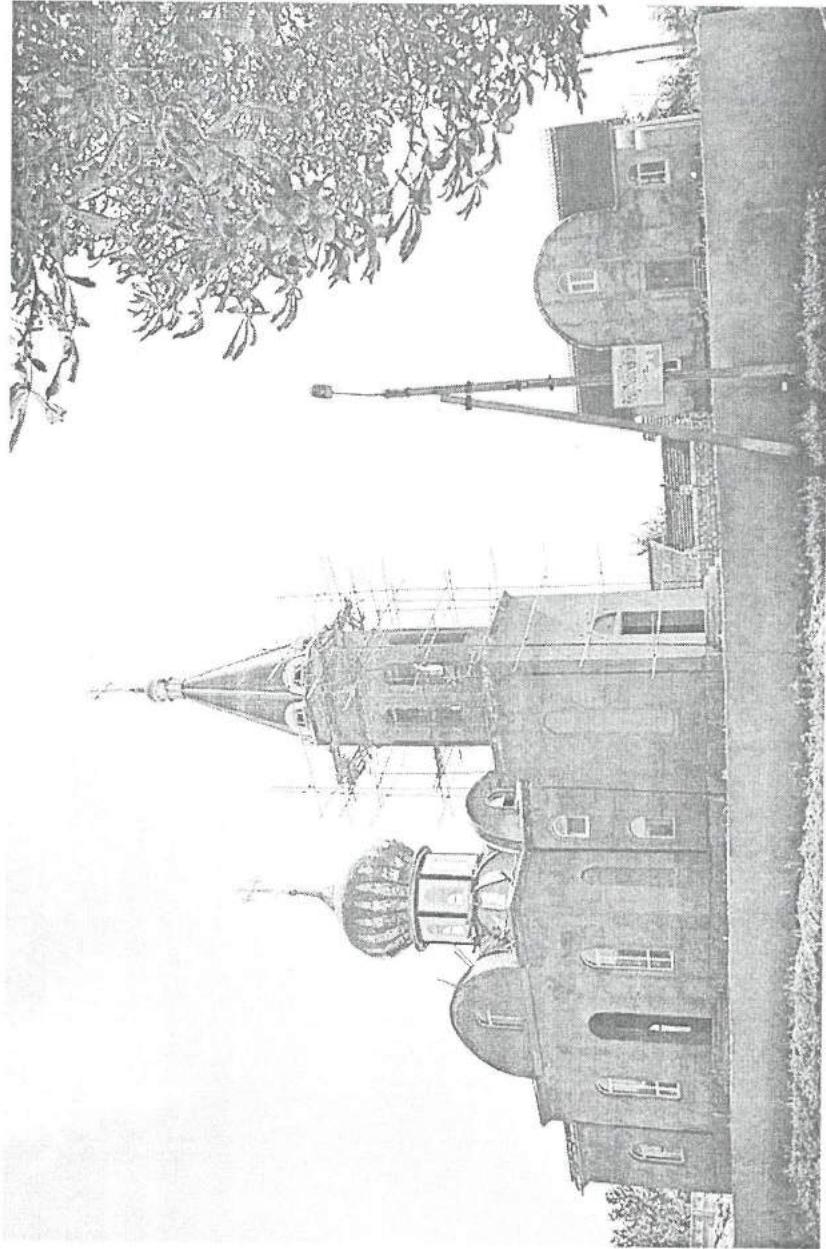
Праправнук первого поселенца К.С. Обручков

202

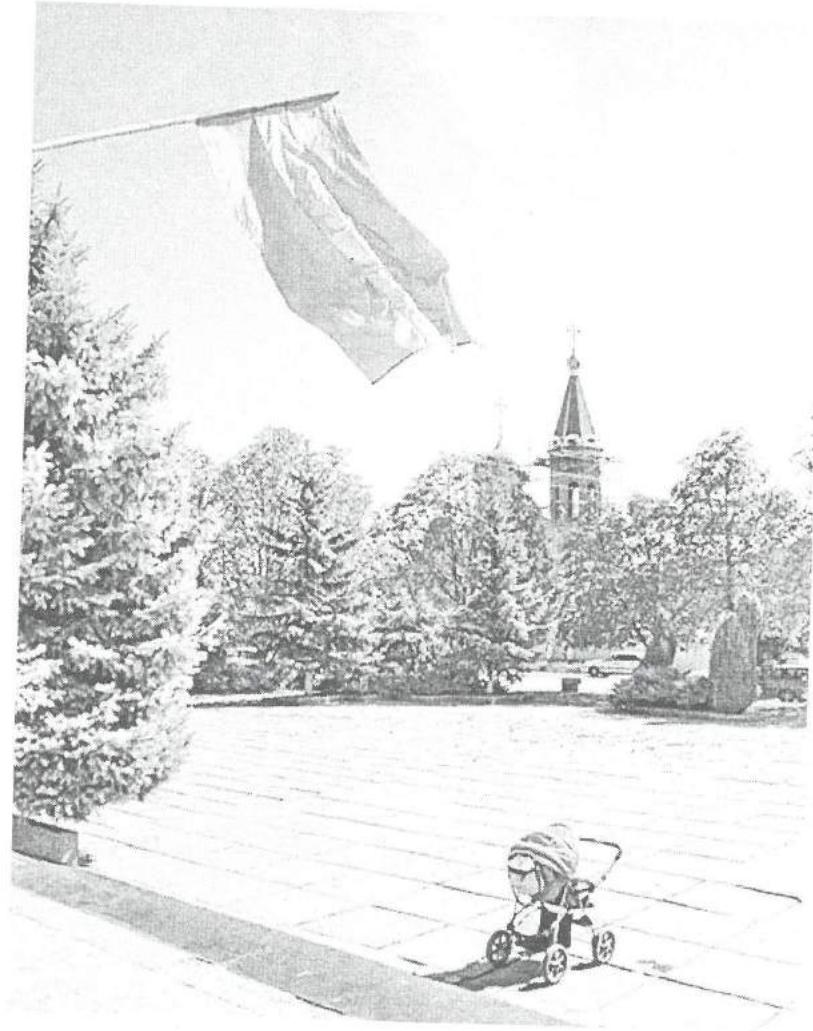
203

Правнуки первопоселенца Неделковых (Топал)
голосуют на референдуме 17 сентября 2006 г.

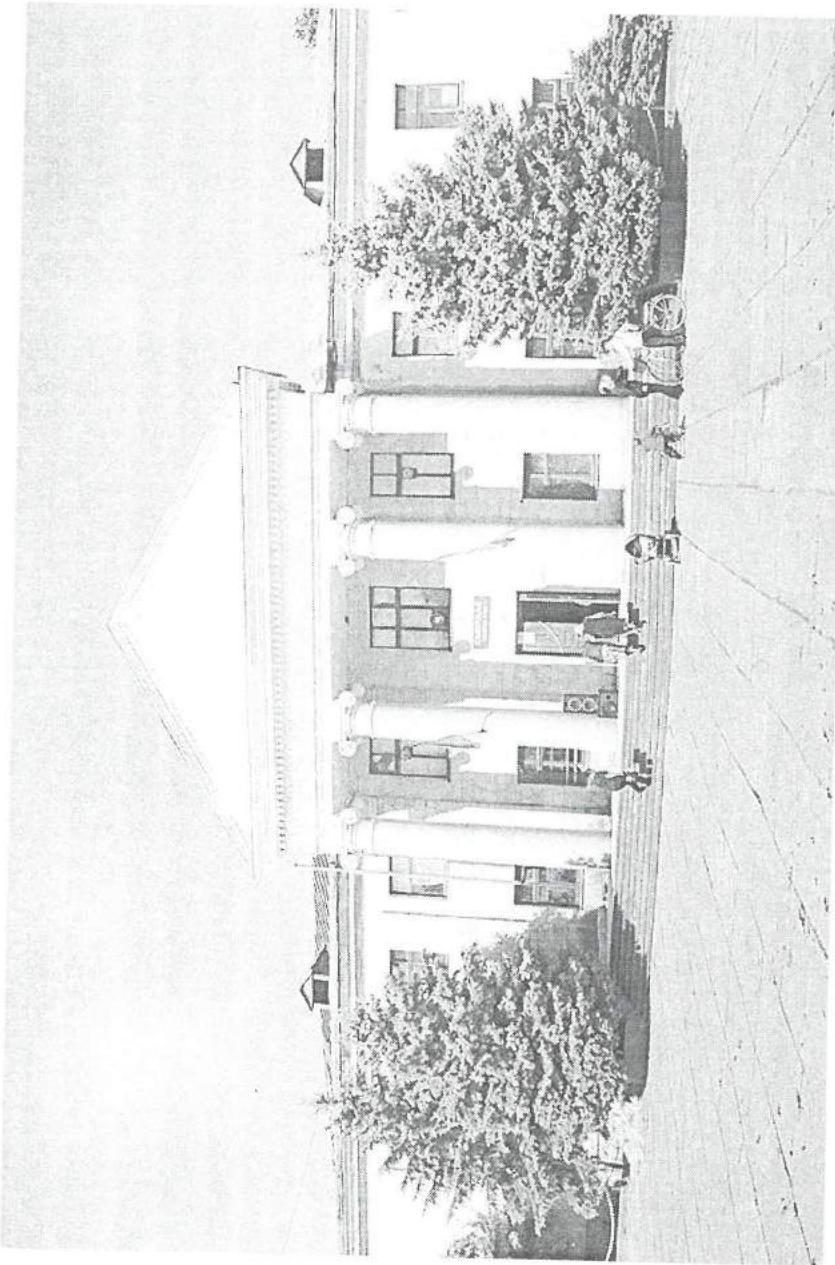
204

Строящаяся в Парканах Свято-михайловская церковь, 2003-2006 гг.

205

Символы...

Дом Культуры, построено в 1958 г.

206

207

Школа № 3

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Предисловие	8
I. Возрождаясь из пепла	8
Судьба одной коллекции	7
О чём поведали парканские курганы	10
«Дикое поле»	13
Первые попытки заселения	15
И. Образование колонии и заселение Паркан болгарами	26
Доверяя – проверяй	27
Пригласить шелководов	28
Малороссы	29
Болгары	33
Давайте разберемся	43
III. Парканское сельское самоуправление и его место в административной системе Новороссийского края	47
«...По делам иностранных поселенцев»	47
«...Учинили сей приговор»	50
Община и земство	59
Парканская волость	60
IV. Динамика населения Паркан в XIX – начале XX в.	62
V. Хозяйственная жизнь села	70
Формирование земельного фонда	71
Шелководство	76
Зерновое хозяйство	80
Садоводство, виноградарство и виноделие	83
Торговля и предпринимательство	87
«В Парках было мало бедняков»	93
VI. Пути сообщения	97
VII. Школа	115
VIII. Церковь	123
IX. Культура, быт, традиции парканских болгар	134
X. Какого рода-племени?	144
Вместо заключения	164
Источники и литература	166
Условные сокращения	176
Примечания	177

Радул ВЕЛЬВИЧ (1754), Братаи СТЕПАНОВ (1769), Симео СТАСОВ (1774), Тодор ТОПАЛ, Братаи НЕДЕЛКОВ (1754), Ангел Генов (1779), Никола БАЧЕВАН, Стоян ДИМКОВ, Петър СТОЯНОВ, Иван Диордий и Стоян ПЕТРОВ (1774), Банко Райко СТАЛЕВ (1779), Мито ДИБРОВ (1759), Марин МИХАИЛОВ (1741), Ангел ГРАДИНАР, Димо Петков (1774), ГОШУР (1774), Миле Николов КАРГИЗ (1792), Константин Делиблат (1764), Геордий СТАНЧЕВ (1769), Железков (1764), Никола МИТОВ (1795), Гаврило ЛЕБЕДЯН (1768), Стоян БРАТОВ (1770), Ганко ОСИЧКО (1792), Дулагчи (1792), Петко Мазроди, ГРУДОГЛО (1794), Иван АПОСТОЛОВ (1803), Иван МИХАИЛОВ (1758), С